

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории России

НАСТУСЕВИЧ Станислав Валерьевич

**ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ. – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI В.)**

Магистерская диссертация

Специальность 1–21 80 15 «Всеобщая история»

Научный руководитель
Меньковский Вячеслав Иванович
доктор исторических наук,
профессор

Допущена к защите

«___» _____ 2019 г.

Зав. кафедрой истории России

_____ О.А. Яновский

Кандидат исторических наук, профессор

Минск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	3
АГУЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	4
GENERAL DESCRIPTION OF WORK.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ .	9
1.1 Историография.....	9
1.2 Источники.....	15
1.3 Методы исследования	18
ГЛАВА 2 ПРЕДПОСЫЛКИ ИДЕИ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ».	
«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	20
2.1 Философские основания антропологически ориентированной истории	20
2.2 Значение и роль «истории ментальностей» в переходе к изучению	
«индивидуального» и «личного» в русскоязычной историографии второй	
половины XX в	26
2.2.1 Генезис «истории ментальностей» во французской историографии	27
2.2.2 Зарождение «истории ментальностей» в русскоязычной историографии.	33
2.2.3 Представления об «индивидуальном» и «личном» в истории на страницах	
журнала «Одиссей. Человек в истории».....	37
2.3 Индивидуализация предмета «исторической антропологии» в западной и	
русскоязычной историографии.....	48
ГЛАВА 3 КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИДЕИ «НОВОЙ	
БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
(КОНЕЦ 90-Х ГГ. XX В. – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI В.).....	57
3.1 Генезис и развитие понятия «новая биографическая история» в	
русскоязычной историографии.....	57
3.2 Теоретические основы биографической истории: оформление и развитие	
понятий «биографика» и «биографистика».....	67
3.3 Расширение идеалистического подхода в биографической истории.	
Оформление концептов «экзистенциальный биографизм» и «интеллектуальная	
биография».....	72
3.4 Осуществление исследовательского проекта «Человек второго плана» в	
русскоязычной историографии.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	99

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема: «Генезис концепции «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии (вторая половина 1980-х гг. – первая четверть XXI в.)».

Ключевые слова: антропологически ориентированная история, историческая антропология, микроистория, новая биографическая история, биографика, интеллектуальная биография, человек второго плана в истории.

Актуальность. Концепция «новой биографической истории» предусматривает синтез индивидуального и коллективного, уникального и всеобщего, микро- и макроуровней отображения исторической реальности, реализованный в конкретных биографических исследованиях. Практическое воплощение данной концепции предполагает: а) максимально полное раскрытие особенностей индивидуальности и личности героя биографии; б) получение нового знания об исторической действительности. Решение проблемы синтеза данных областей является актуальной задачей современной исторической науки.

Цель магистерской диссертации – установить условия, историю и особенности происхождения концепции «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии. **Объект исследования** – философские основания, методология и историография антропологически ориентированной истории. **Предмет исследования** – концепция «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии.

Основные положения, выносимые на защиту. Генезис концепции «новой биографической истории» является закономерным итогом: а) развития антропологически ориентированной истории в западной историографии; б) рецепции ее основных разработок русскоязычным историческим сообществом. Оформление концепции произошло в результате генерализаций, произведенных советскими и российскими учеными (А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, Л.П. Репина и др.) в исследованиях, посвященных путям развития западной и советской (российской) исторической науки и осуществленных на основании работ, написанных в соответствии с основными положениями антропологически ориентированной истории. В практических исследованиях русскоязычной историографии данная концепция не получила широкого распространения в силу ряда причин: а) относительно низкого уровня развития антропологически ориентированной истории; б) слабости междисциплинарных связей; в) «догоняющего» характера методологической рефлексии.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы. Общий объем магистерской диссертации составляет 104 страницы, из них 6 – список использованной литературы (70 позиций).

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ПРАЦЫ

Тэма: «Генезіс канцэпцыі «новай біяграфічнай гісторыі» ў сучаснай рускамоўнай гістарыяграфіі (другая палова 1980-х гг. – першая чвэрць XXI ст.)».

Ключавыя словы: антрапалагічна арыентаваная гісторыя, гістарычная антрапалогія, мікрагісторыя, новая біяграфічная гісторыя, біяграфіка, інтэлектуальная біяграфія, чалавек другога плана ў гісторыі.

Актуальнасць. Канцэпцыя «новай біяграфічнай гісторыі» прадугледжвае сінтэз індывідуальнага і калектыўнага, унікальнага і ўсеагульнага, мікра- і макраўзроўняў адлюстравання гістарычнай рэальнасці, рэалізаваны ў канкрэтных біяграфічных даследаваннях. Практычнае ўвасабленне дадзенай канцэпцыі ў жыццё мяркуе: а) максімальна поўнае раскрыццё асаблівасцяў індывідуальнасці і асобы героя біяграфіі; б) атрыманне новых ведаў аб гістарычнай рэчаіснасці. Рашэнне праблемы сінтэзу дадзенных абласцей з’яўляецца актуальнай задачай сучаснай гістарычнай навукі.

Мэта магістарскай дысертацыі – устанавіць умовы, гісторыю і асаблівасці паходжання канцэпцыі «новай біяграфічнай гісторыі» ў сучаснай рускамоўнай гістарыяграфіі. **Аб’ект даследавання** – філасофскія падставы, метадалогія і гістарыяграфія антрапалагічна арыентаванай гісторыі. **Прадмет даследавання** – канцэпцыя «новай біяграфічнай гісторыі» ў сучаснай рускамоўнай гістарыяграфіі.

Асноўныя палажэнні, якія выносяцца на абарону. Генезіс канцэпцыі «новай біяграфічнай гісторыі» з’яўляецца заканамерным вынікам: а) развіцця антрапалагічна арыентаванай гісторыі ў заходняй гістарыяграфіі; б) рэцэпцыі яе асноўных распрацовак рускамоўнай гістарычнай супольнасцю. Афармленне канцэпцыі адбылося ў выніку генералізацый, выкананых савецкімі і расійскімі навукоўцамі (А.Я. Гурэвіч, Ю.Л. Бясмертны, Л.П. Рэпіна і інш.) у даследаваннях, прысвечаных шляхам развіцця заходняй і савецкай (расійскай) гістарычнай навукі і ажыццёўленых на падставе работ, напісаных у адпаведнасці з асноўнымі палажэннямі антрапалагічна арыентаванай гісторыі. У практычных даследаваннях рускамоўнай гістарыяграфіі дадзеная канцэпцыя не атрымала шырокага распаўсюджвання ў сілу шэрага прычын: а) адносна нізкага ўзроўню развіцця антрапалагічна арыентаванай гісторыі; б) слабасці междисциплинарных сувязяў; в) «даганяючага» характару метадалагічнай рэфлексіі.

Структура і аб’ём дысертацыі. Дысертацыя складаецца з увядзення, трох глаў, падзеленых на параграфы, заключэння і спісу выкарыстанай літаратуры. Агульны аб’ём магістарскай дысертацыі складае 104 старонкі, з іх 6 – спіс выкарыстанай літаратуры (70 пазіцый).

GENERAL DESCRIPTION OF WORK

Theme: Genesis of the conception of the «new biographical history» in a modern Russian-language historiography (the second half of the 1980th – the first quarter of the 21st century).

Keywords: anthropologically focused history, historical anthropology, microhistory, the new biographic history, theory of biography, the intellectual biography, a supporting person in history.

Relevance. The conception of the «new biographical history» envisages for the synthesis individual and collective, unique and universal, micro- and macrolevels of displaying of the historical reality in specific biographical research. The practical realization of this conception assumes: a) the fullest disclosure of features of individuality and personality of the biographical hero; b) acquisition new knowledge of a historical reality. The solution of the problem of synthesis of these areas is a relevant challenge of modern historical science.

The **purpose** of the master's thesis – to define conditions, history and features of origin of the conception of the «new biographical history» in a modern Russian-language historiography. The **object of the research** – the philosophical foundations, methodology and the historiography of anthropologically focused history. The **subject of the research** – the conception of the «new biographical history» in a modern Russian-language historiography.

The main provisions to be defended. Genesis of the conception of the «new biographical history» is a natural result: a) development of anthropologically focused history in the western historiography; b) taking over of its main developments by Russian-language historical community. The conception is framed in the result of generalizations made by the Soviet and Russian scientists (A.J. Gurevich, Y.L. Bessmertny, L.P. Repina, etc.) in the researches devoted to ways of development of the western and Soviet (Russian) historical science and accomplished on the basis of the works written according to basic provisions of anthropologically focused history. This conception was not widely adopted in practical researches of a Russian-language historiography for a variety of reasons: a) rather low level of development of anthropologically focused history; b) weakness of cross-disciplinary communications; c) the «catching-up» character of a methodological reflection.

Structure and volume of the thesis. The thesis consists of introduction, three chapters divided into paragraphs, the conclusion and the list of the used literature. The total amount of the master's thesis is 104 pages, 6 of them – the list of the used literature (70 positions).

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX – XX вв. сложились предпосылки кардинальной смены ракурса исторических исследований в западной и русскоязычной историографии. В рамках неокантианской критики позитивизма была создана и философски обоснована парадигма, ставящая в центр исторического процесса человека, являющегося его субъектом и творцом. Практическая реализация подходов данной антропологически ориентированной истории произошла в рамках «истории ментальностей» и целой совокупности направлений «исторической антропологии». Постепенно усиливающаяся индивидуализация предмета исторической науки, происходившая во второй половине XX в. и затронувшая ряд ее течений, открыла новые перспективы для биографической формы историописания. На этом основании в русскоязычной историографии произошло оформление концепции «новой биографической истории», опиравшейся как на западные, так и на русскоязычные достижения исторической науки.

Под «новой биографической историей»¹ мы понимаем научную концепцию, сформированную в рамках антропологически ориентированной истории и предлагающую новый тип междисциплинарного биографического исследования, в равной степени охватывающий индивидуальность и личность человека, жившего в прошлом, и социокультурную среду, с которой он взаимодействовал, и предполагающий тотальное, многоплановое изучение индивидуальности и личности героя, социокультурной среды и совокупности взаимодействий между ними во всем их многообразии. Практическое воплощение данной концепции в жизнь предполагает достижение цели, носящей двуединый характер: 1) максимально полное раскрытие особенностей индивидуальности и личности героя; 2) получение нового знания об исторической действительности, отражающего специфику взаимоотношения индивидуального и коллективного, уникального и всеобщего, микро- и макроуровней, воплощенную в конкретных жизненных ситуациях. Решение проблемы синтеза данных областей является актуальной задачей современной исторической науки.

Цель настоящего исследования – установить условия, историю и особенности происхождения концепции «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) Охарактеризовать философские основания антропологически ориентированной истории;

¹ Обоснование данного нами определения происходит в первом параграфе третьей главы.

- 2) Выявить значение и роль «истории ментальностей» в переходе к изучению «индивидуального» и «личного» в русскоязычной историографии второй половины XX в.;
- 3) Определить степень индивидуализации предмета «исторической антропологии» в западной и русскоязычной историографии;
- 4) Проследить генезис понятия «новая биографическая история» в русскоязычной историографии;
- 5) Обосновать оформление биографики в качестве специальной теоретической дисциплины;
- 6) Охарактеризовать концепты «экзистенциальный биографизм» и «интеллектуальная биография» и проследить реализацию их положений в практических исследованиях;
- 7) Отрастить особенности осуществления исследовательского проекта «Человек второго плана» в русскоязычной историографии.

Объект исследования – философские основания, методология и историография антропологически ориентированной истории.

Предмет исследования – концепция «новой биографической истории» в современной русскоязычной историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 80-х гг. XX в. до современности. Их нижняя граница обусловлена открытием в 1987 г. при Институте всеобщей истории РАН семинара по исторической психологии под руководством А.Я. Гуревича и созданием альманаха «Одиссей. Человек в истории» на страницах которого, впервые в русскоязычной историографии, развернулась дискуссия о проблемах применения понятий «индивидуальность» и «личность» в исторической науке, проводившаяся в рамках антропологически ориентированного подхода. Верхняя граница обусловлена доступностью новейших исследований по данной тематике. При изучении предпосылок концепции «новой биографической истории», напрямую с ней не связанных, но без которых ее появление было бы невозможно (неокантианская критика позитивизма, зарождение и развитие истории ментальностей, оформление исторической антропологии и связанные с этим изменения в понимании места и роли человека в истории), нижняя хронологическая граница исследования опускается по мере необходимости.

Настоящая работа состоит из введения, трёх глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обозначается актуальность темы, сформулированы цель и задачи исследования, обосновываются хронологические рамки и структура работы. В первой главе осуществляется анализ историографии, источников и методологии, использованных в исследовании.

Во второй главе выявляются и характеризуются предпосылки концепции «новой биографической истории», во многом ее предвосхитившие и предопределившие траекторию ее развития в современности.

В третьей главе прослеживается процесс зарождения концепции «новой биографической истории», дается ее характеристика и обосновывается понятийный аппарат, а также отражаются пути практической реализации биографических исследований нового типа в рамках «интеллектуальной биографии» и исследовательского проекта «Человек второго плана».

В заключении делаются выводы о предпосылках, причинах, истории зарождения концепции «новой биографической истории», ее практической реализации и перспективах использования в дальнейших исследованиях.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор историографической концепции в качестве самостоятельного предмета исследования неизбежно порождает задачу отделения историографии, посвященной поднятой теме, от историографических источников. Так, например, в историографических работах, в которых основные положения рассматриваемой нами концепции «новой биографической истории» были сформированы впервые, последняя не выступала в роли самостоятельного предмета изучения, а ее теоретическое оформление является лишь результатом генерализаций, осуществляемых исследователями относительно путей развития исторической науки. Поэтому, при изучении данной концепции, как самостоятельного предмета исследования, эти работы выступают **в качестве историографических источников**, объективно вписанных в исследуемый нами историографический процесс, приведший к генезису концепции, но не изучающих ее саму. С другой стороны, они имеют свой собственный исследовательский объект, в процессе изучения которого и появилась рассматриваемая концепция. Поэтому, в том случае, когда нами предпринимается попытка выяснения условий и причин ее появления (тем самым наш взгляд смещается с основного предмета изучения на контекст), тогда указанные работы неизбежно выступают **как часть историографии**, на которую мы можем ориентироваться. Как видим, ситуация кардинально меняется с изменением перспективы, в которой рассматривается предмет изучения. Поскольку поставленная нами цель носит триединый характер и предполагает установление **условий, истории и особенностей** происхождения концепции «новой биографической истории», то при изменении перспективы, в которой она рассматривается, изменяется и выбор историографических работ и источников, на которые мы опираемся. Некоторые из них играют обе отображенные здесь роли, хоть мы и старались этого избегать.

1.1 Историография

В настоящее время специальных работ, в которых бы концепция «новой биографической истории» рассматривалась в качестве самостоятельного предмета исследования, не существует. Однако, ее происхождение непосредственным образом связано с изучением методологических изменений, происходящих в комплексе современных направлений исторической науки, объединенных под общим названием «**историческая антропология**» (история ментальностей, история повседневности, новая культурная история, микроистория и т.д.) и обусловивших существующую в настоящее время

тенденцию к индивидуализации предмета исторической науки, а также резко возросшее внимание к биографическому жанру и его методологической рефлексии. В результате этого концепцию «новой биографической истории» можно рассматривать как закономерный итог и/или новый этап развития антропологически ориентированной истории. Следовательно, изучение ее происхождения предполагает обращение к истокам зарождения и основным вехам развития антропологически ориентированной истории, а также существующим в настоящий момент методологическим подходам, реализуемым на практике в исторических исследованиях. При их рассмотрении мы ориентировались на различную литературу, которую условно можно разделить на две части: 1) учебные пособия и монографии общего характера, посвященные истории исторической науки в целом, а также ее отдельным направлениям или периодам; 2) специальные историографические исследования узкого характера, в которых изучаются частные аспекты развития исторической науки или научные взгляды и жизнь отдельных ученых.

Учебные пособия и монографии общего характера. Изучая изменения, происходившие в исторической науке с конца XIX – до начала XXI вв., мы опирались на ряд учебных пособий, изданных в русскоязычной историографии в последние пятнадцать – двадцать лет.

Среди них выделим учебник для вузов, написанный коллективом российских авторов (Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова) и изданный в 2004 г. под названием **«История исторического знания»** [50]. Его авторы рассматривают эволюцию исторического знания, начиная с древности и вплоть до настоящего момента, но особое внимание уделяют периоду становления истории в качестве самостоятельной научной дисциплины, относящемуся к концу XIX в. В основе пособия лежит одноименный учебный курс, прочитанный его авторами в российских университетах и входящий в список обязательных при подготовке специалистов-историков дисциплин. Достоинства данной работы позволили нам рассмотреть особенности процесса смены историко-методологической парадигмы, происходящего на рубеже XIX–XX вв., и приведшего к зарождению в начале XX в. антропологически ориентированной истории.

Важную роль в настоящем исследовании сыграло и другое учебное пособие – написанное И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым и изданное в 2007 г. под названием **«Теория исторического знания»** [55]. Как и в предыдущей книге, авторы этого учебника отдают предпочтение изучению эволюции исторического знания, начиная с древности и вплоть до настоящего времени. Однако при этом, основное внимание в пособии уделяется не столько истории исторического знания как таковой, сколько общепринятым в ту или иную эпоху теоретическим подходам и методологическим проблемам, сопутствующим

формированию и развитию исторической науки. В соответствии с этим структура данной работы подчиняется проблемно-хронологическому принципу изложения материала. В нашем исследовании на данную работу мы опирались при рассмотрении теоретических особенностей и общих достижений позитивистской парадигмы, господствовавшей в исторической науке во второй половине XIX в.

Исследуя своеобразие неокантианской философской системы, мы обращались к многотомному изданию **«История философии: Запад – Россия – Восток»**, выпускаемому с 1995 по 2000 гг. под редакцией Н.В. Мотрошилова. Хронологический период, который охватывает данное пособие, также, как и в предыдущих трудах, простирается на широкий промежуток времени от древности до настоящих дней. Для нас была актуальна третья книга рассматриваемого издания, посвященная философии XIX – XX вв. [27].

Неоценимое значение для настоящего исследования получило учебное пособие **«Историческая антропология»**, написанное М.М. Кромом и выдержавшее три издания (2000, 2004, 2010) [32]. Примечателен тот факт, что объем третьего издания, в сравнении с первым, был увеличен в два с половиной раза. В настоящее время работа М.М. Крома является наиболее полным и исчерпывающим исследованием, произведенным в русскоязычной историографии, в котором рассматривается развитие антропологически ориентированной истории как целостный и поступательный процесс, происходящий одновременно во французской, английской, немецкой, итальянской, американской и российской (советской) историографиях. Автор не только проводит параллели между различными историографическими традициями, но и уделяет внимание их взаимодействию и взаимовлиянию, а также оценивает перспективность того или иного направления. Однако работа М.М. Крома лишь намечает пути для дальнейших исследований и не охватывает весь процесс развития антропологически ориентированной истории. Отчасти этим объясняется тот информационный вакуум, сложившийся в русскоязычной историографии, с которым сталкивается исследователь, обращаясь к данной тематике, что также актуализирует исследования подобного рода. Особую роль этот учебник сыграл при написании второго и третьего параграфа второй главы настоящей работы, в которых затрагивается развитие антропологически ориентированной истории в 20-е – 90-е гг. XX в.

При изучении истории ментальностей, получившей свое развитие во французской медиевистике «школы Анналов», некоторые сведения были почерпнуты нами из учебного пособия **«Теория и методология истории»**, выпущенного в 2014 г. под редакцией В.В. Алексеева [2]. Данный учебник посвящен основным теоретическим и методологическим проблемам, с которыми столкнулась историческая наука в XX – начале XXI вв. и также, как и работа

И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, подчиняется проблемно-хронологическому принципу изложения материала.

Некоторые сведения, характеризующие особенности развития истории ментальностей и исторической антропологии в русскоязычной историографии во второй половине 80-х гг. XX в., были почерпнуты нами из первой главы работы Л.Р. Хут **«Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.»**, изданной в 2010 г. [61, с. 36–105]. В данной главе, получившей название **«Трансформация методологических основ отечественной исторической науки на рубеже XX–XXI в.»**, представлен общий обзор изменений, происходивших в советской (российской) историографии в конце XX в., таких как: а) создание новых научных направлений; б) рецепция концепций, разработанных западной исторической наукой; в) организация научных семинаров и открытие новых печатных изданий, среди которых нас особенно интересовала история создания альманахов «Одиссей. Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» и «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории».

Теоретические проблемы и перспективы развития современной исторической науки рассматриваются в монографии Л.П. Репиной **«Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальная теория и историографическая практика»**, вышедшей в 2011 г. [49]. Данная книга подводит итог научным изысканиям автора предыдущих пятнадцати лет. В ней в общем виде раскрываются особенности актуальных концепций всеобщей, всемирной, глобальной истории, региональной и локальной истории, анализируется современное состояние исторической биографии, социальной, гендерной, культурной и интеллектуальной истории, истории памяти и исторического сознания и намечаются пути для их дальнейшего развития. Для настоящего исследования особенно полезна была первая глава книги Л.П. Репиной, носящая название **«Концепции интердисциплинарности и место истории в мире наук о человеке и обществе»** [49, с. 25–60], а седьмая глава **«Персональная история»: биография как средство исторического познания»** [49, с. 287–324] выступила в качестве историографического источника, отражающего итоги почти десятилетнего изучения состояния биографического жанра в западной и российской историографии, производимого автором.

При работе с понятийным аппаратом современной исторической науки мы ориентировались на разработки фундаментального терминологического словаря **«Теория и методология исторической науки»**, выпущенного в 2014 г. под редакцией академика РАН А.О. Чубарьяна [58]. Работа над данным изданием объединила усилия 53-х российских историков и является первой попыткой

проведения теоретико-методологической инвентаризации профессионального языка, осуществленной в русскоязычной историографии.

Специальные историографические исследования узкого характера. Во время изучения отдельных аспектов развития в русскоязычной историографии антропологически ориентированной истории и, в частности, биографического жанра, мы опирались на ряд специальных историографических исследований.

Теоретическое оформление антропологически ориентированной истории в русскоязычной историографии связано с именем А.С. Лаппо-Данилевского. Для настоящего исследования важную роль сыграли: а) вступительная статья **«Методология истории как строгой науки»**, подготовленная О.М. Медушевской для последнего издания «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского (2010) [34, с. 23–84]; б) работа М.Ф. Румянцевой **«Русская версия неокантианства: к постановке проблемы»** (2012) [53]; в) статья **«Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков»**, написанная Р.Б. Казаковым и М.Ф. Румянцевой по результатам проведения научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого (2013) [29]; г) статья Ю.А. Васильева **«Был ли А.С. Лаппо-Данилевский неокантианцем в истории?»** (2017) [12]. Благодаря данным работам, в настоящем исследовании удалось в максимально сжатом виде отобразить эпистемологическую концепцию А.С. Лаппо-Данилевского, во многом предвосхитившую развитие антропологически ориентированной истории и актуальную по сей день.

Обращаясь к особенностям развития истории ментальностей во французской историографии, мы опирались на статью М.А. Шенкао **«Ментальности в зеркале «Анналов»** (2010) [66]. В ней автор рассматривает историю данного понятия и его употребления учеными, принадлежащими ко французской школе «Анналов», с момента ее зарождения в конце 20-х гг. XX в. и вплоть до настоящего времени. При изучении истории зарождения данного направления в советской историографии и роли в этом процессе А.Я. Гуревича, нами использовались результаты работы М.М. Крома **«Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке»** (2006) [31], в которой автором прослеживается долгий научный путь, пройденный этим выдающимся ученым. Исследуя особенности развития антропологически ориентированной истории в последней четверти XX в. и связанного с ними «прагматического поворота» в исторической науке, а также процесс индивидуализации ее предмета, мы опирались на вступительную статью Ю.Л. Бессмертного, написанную к первому выпуску альманаха «Казус» (1997) и носящую название **«Что за «Казус»?»** [6]. В ней автор не только обосновывает создание нового печатного издания, но и производит глубокий анализ актуального, на тот момент, состояния западной исторической науки. Сведения об истории создания самого

альманаха «Казус» были почерпнуты нами в работе М.А. Бойцова и О.И. Тогоевой *«Дело «Казуса»* (2007) [9], в которой подводятся итоги его десятилетнего существования.

Исследование теоретических основ современной биографической истории невозможно без обращения к работам, посвященным биографике – специальной исторической дисциплине, рассматривающей теоретические и практические проблемы, возникающие при написании биографий. Среди них отметим статью А.Л. Валиевского *«Биографика как дисциплина гуманитарного цикла»* (1995) [11]. В ней автор подробным образом рассматривает философские основания и специфику биографического жанра и создает собственную философскую концепцию биографических исследований. Недостатком данной работы является отсутствие в ней анализа конкретных историко-методологических приемов, которые являются определяющими для любого исторического исследования. Другой важной для нас работой является статья И.Л. Беленького *«Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции»* (2001, 2006, 2010) [28, с. 37–54], в которой рассматриваются историко-культурные, философские и аксиологические основания современного биографического исследования. Однако, наиболее значительной работой, выполненной в рамках данной дисциплины, является монография И.Ф. Петровской, изданная под названием *«Биографика: Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов»* (2003, 2010) [43]. В ней анализируются историко-методологические и источниковедческие основы биографической истории. Книга состоит из двух частей: 1) *«Введение в биографику»*, в которой рассматриваются теоретические основы данной дисциплины [43 с. 9–76]; 2) *«Источники биографической информации о россиянах 1801–1917 гг.»* – систематизированные и представленные в соответствующем порядке [43, с. 77–350]. Как видим, именно источниковедческий анализ составляет наиболее значительную часть этой книги.

Производя анализ современного состояния интеллектуальной биографии², мы обращались к работе М.А. Базанова *«Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии»* (2016) [4]. В настоящее время данная статья является наиболее полным теоретико-методологическим и историографическим исследованием, отражающим процесс формирования и дальнейшей трансформации рассматриваемого направления биографической истории, происходящей в последние пятнадцать лет. М.А. Базанов, впервые в русскоязычной историографии, дал четкое определение объекта интеллектуальной биографии и предложил формулировку ее предмета,

² Данному направлению посвящен третий параграф третьей главы настоящей работы.

подчеркивая, при этом, необходимость дальнейших историко-методологических исследований.

Важную роль в изучении особенностей осуществления исследовательского проекта «Человек второго плана»³ для нас сыграла статья А.В. Лубского, получившая название **«Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования)»** (2015) [38]. В данной работе рассматриваются методологические и семантические особенности концепта «Человек второго плана», его перспективы и границы осуществления, а также оформляется авторский теоретико-методологический подход к биографической истории.

1.2 Источники

Всю совокупность историографических источников, на которые мы опирались в настоящем исследовании, можно разделить на две части: 1) историографические источники рефлексивного характера – к ним мы относим работы, которые напрямую влияли на развитие антропологически ориентированной истории или концепции «новой биографической истории», но не рассматривали их (первую или вторую) в качестве своего непосредственного исследовательского объекта; 2) историографические источники практического характера – в их число входят биографические исследования, методологически или практически связанные с антропологически ориентированной историей и концепцией «новой биографической истории».

Историографические источники рефлексивного характера. Важным историографическим источником, опираясь на который мы попытались реконструировать процесс философского оформления антропологически ориентированной истории, является фундаментальный теоретико-методологический труд А.С. Лаппо-Данилевского, наиболее полное издание которого произошло в 2010 г. в виде двухтомной **«Методологии истории»** [34, 35]. Данная работа считается самой значительной в творческом наследии этого известного ученого, а живой интерес к его эпистемологии не угасает до сих пор. Другим источником, занявшим достойное место в настоящем исследовании, стали теоретические статьи известного французского историка Л. Февра, переведенные на русский язык и объединенные в сборнике **«Бои за историю»**, изданном в 1991 г. под редакцией А.Я. Гуревича [59]. Работы Л. Февра предвосхитили, а во многом и предопределили развитие антропологически ориентированной истории в послевоенный период. Важным историографическим источником, в котором представлены историко-

³ Особенности осуществления указанного проекта рассматриваются в четвертом параграфе третьей главы.

методологические взгляды французского ученого Ж. Дюби, одного из основателей истории ментальностей, стала для нас его статья, опубликованная в 1991 г. в альманахе «Одиссей» под названием *«Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г.»* [21]. Значение историографических источников, в которых мы черпали информацию о научных взглядах А.Я. Гуревича, а также о конкретных событиях, оказавших влияние на развитие русскоязычной исторической науки в конце XX в., непосредственным участником которых он был, получили для нас его работы, среди которых выделим статью *«Проблема ментальностей в современной историографии»* (1989) [18], монографию *«Исторический синтез и Школа «Анналов»* (1993) [19] и его последнее интервью *«Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...»* (2006) [17]. Важнейшими историографическими источниками, опираясь на которые, мы постарались реконструировать теоретическую дискуссию, развернувшуюся на страницах альманаха «Одиссей», посвященную проблемам существования «индивидуальности» и «личности» в истории, стали первые выпуски этого издания (1989, 1990) [40, 41]. Данная дискуссия не только актуализировала теоретические разработки в исследуемом нами направлении, но и способствовала популяризации подходов, рассматривающих место человека в истории с новых позиций, что предопределило появление в русскоязычной историографии концепции «новой биографической истории».

Наиболее важными источниками, без которых невозможна реконструкция процесса теоретического оформления концепции «новой биографической истории», является комплекс историографических работ Л.П. Репиной, состоящий из обзорных статей. Среди них выделим следующие: *«Персональная история»: биография как средство исторического познания»* (1999) [46], *«Историческая биография и «новая биографическая история»* (2001) [20, с. 5–12], *«Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти»* (2001) [51], *«Интеллектуальная история в человеческом измерении»* (2006) [64, с. 5–19], *«От «истории одной жизни» к «персональной истории»* (2006, 2010) [28, с. 55–76], *«Историческая биография и интеллектуальная история»* (2009) [48], *«От исторической биографии к биографической истории»* (2010) [10, с. 5–18], *«Биографические исследования в современной российской историографии»* (2013) [47]. Основное внимание в данных статьях уделяется изменениям, происходящим в биографическом жанре в конце XX – начале XXI вв., которые освещены автором, главным образом, на примере работ западной историографии. Анализируя данные процессы, исследователь приходит к выводу о существовании перспективы складывания нового направления, которое она называет «новой биографической историей». Таким

образом, Л.П. Репину следует считать автором этого понятия, хоть она и не рассматривает «новую биографическую историю» в качестве самостоятельной историко-методологической концепции.

Изучая ответ русскоязычного историографического сообщества на общие тенденции к индивидуализации предмета исторической науки, а также на работы Л.П. Репиной, приходится опираться на другой комплекс статей, написанных различными авторами. Среди них выделим: *«Экзистенциальный биографизм в истории»* (1999) [15] Д.М. Володихина, *«Историческая биография: новая жизнь старого жанра»* (2002) [33] М.М. Крома, *«Биография в истории: проблемы и перспективы»* (2005) [57] А.С. Соколова, *«Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса»* (2008) [1] Е.П. Александрова, *«Историческая биография: упадок или возрождение (аналитический обзор)»* (2011) [26, с. 8–34] Ю.В. Дунаевой, *«Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии»* (2012) [24] Д.А. Жуйкова, *«Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях»* (2012) [25] Т.Н. Ивановой и Г.П. Мягкова, а также *«Персональная история VS. Интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия»* (2012) [45] и *«Историография в человеческом измерении»* (2012) [44] Т.Н. Поповой. Данные работы носят схожий со статьями Л.П. Репиной обзорный характер, а «новая биографическая история» в них также не рассматривается в качестве самостоятельной концепции. По этой причине они, вслед за работами Л.П. Репиной, играют для настоящего исследования роль историографических источников.

Определяющую роль в становлении концепции «новой биографической истории» сыграла книга выдающегося французского историка Ж. Ле Гоффа *«Людовик IX Святой»*, изданная в 1995 г. Методологическая сторона данного исследования стала образцовой для исторической биографии. На нее ориентируются многие исследователи при рассмотрении современного состояния биографического жанра. Во *«Введении»* к своей работе Ж. Ле Гофф охарактеризовал основные использованные им подходы. Эта часть его книги также сыграла для нашего исследования роль историографического источника [36, с. 15–25].

Историографические источники практического характера. Рассматриваемая нами концепция получила практическую реализацию своих основных теоретических положений в ряде работ, относящихся к интеллектуальной биографии. Исследуя эволюцию основных подходов, использованных различными авторами в данном направлении, мы опирались на следующие практические исследования: 1) *«Бердяев: интеллектуальная биография»* (2001) [14] О.Д. Волкогоновой; 2) *«Бердяев»* (2010) [13] того же

автора; 3) «**Борис Чичерин: интеллектуальная биография и политическая философия**» (2003) [23] Б.В. Емельянова; 4) «**Борис Чичерин**» (2016) [22] того же автора; 5) «**Фридрих Ницше (интеллектуальная биография)**» (2006) [39] А.Н. Мочкина; 6) «**Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг.**» (2007) [60] С.В. Хатунцева; 7) «**Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития исторической науки**» (2014) [3] М.А. Базанова. Все работы из этого списка были выполнены в первые пятнадцать лет XXI в., что в полной мере соответствует хронологическим рамкам становления интеллектуальной биографии в русскоязычной историографии.

Артикуляция границ предметной области «новой биографической истории» произошла в процессе реализации исследовательского проекта «Человек второго плана». Анализ его особенностей, производящийся в магистерской диссертации, опирается на практические статьи, попавшие в сборники «**Человек второго плана в истории**», которые издаются авторами проекта по результатам проведения ежегодных научных конференций (**Вып. 1–4**) [62, 63, 64, 65], а также работы, размещенные в более крупных научных сборниках, выпущенных в рамках того же проекта, под общей редакцией Л.П. Репиной: «**В тени великих: образы и судьбы**» (2010) [10] и «**Слава и забвение: парадоксы биографики**» (2014) [56].

1.3 Методы исследования

В основе настоящего исследования лежит *диалектический подход*, предполагающий изучение становления антропологически ориентированной истории и происхождения концепции «новой биографической истории» в контексте оформления научных оппозиций, направленных против основных положений позитивистской парадигмы, господствующей длительное время в русскоязычной историографии.

Данными процессами также обусловлено использование в исследовании *принципа историзма*, в соответствии с которым генезис концепции «новой биографической истории» рассматривается в настоящей работе, как закономерный результат философской, методологической и практической эволюции основных положений антропологически ориентированной истории, происходившей на протяжении всего XX в. В соответствии с *принципом системности* особенности данной концепции исследуются как часть интегральных изменений, происходящих в эпистемологии антропологически ориентированной истории в настоящее время. Использование *принципа объективности* отражает стремление автора магистерской диссертации к

получению нового знания, соответствующего наибольшей степени достоверности.

Также в данной работе высокое значение получили обыкновенные для исторического исследования **общелогические методы**: анализ, синтез, индукция, дедукция.

Из всего комплекса специально-исторических методов наибольшее значение в настоящем исследовании получил **историко-генетический метод**, благодаря которому удалось выявить предпосылки, причины и источники генезиса концепции «новой биографической истории» в русскоязычной историографии, в качестве которых выступают основные теоретические постулаты и, выполненные на их основе, практические исследования, относящиеся к совокупности направлений антропологически ориентированной истории, в настоящее время объединенных под общим названием «историческая антропология». Отображение исторического развития данных направлений стало возможно благодаря **проблемно-хронологическому методу**. Для отражения динамики их развития в различных историографических школах использовался **историко-диахронный метод**. Выявление их специфических особенностей, характерных как для русскоязычной, так и для различных национальных школ западной историографии, осуществлялось посредством **историко-сравнительного метода**.

ГЛАВА 2 ПРЕДПОСЫЛКИ ИДЕИ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ». «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1 *Философские основания антропологически ориентированной истории*

Оформление исторической науки как строгой дисциплины произошло во второй половине XIX в. Важнейшую роль в этом процессе сыграло развитие позитивистской парадигмы, господствовавшей в то время в социальных науках. Данное направление разделило науку на два основных элемента: 1) установление научных фактов (*эмпирическая составляющая*); 2) выявление законов, регулирующих изменения в окружающем мире (*теоретическая составляющая*). Функции истории философами-позитивистами определялись в этих рамках. По их мнению, история должна была не только выявлять факты, но и формулировать законы общественного развития. Исторический факт по аналогии с естественнонаучным фактом рассматривался как самостоятельный объект. Задача историка состояла в том, чтобы вычленив исторический факт из источника в готовом виде, исключив, при этом, всякую субъективную интерпретацию. Данное положение было принято научным сообществом в качестве основополагающего принципа истории. Реализация позитивистской программы способствовала колоссальному приросту исторического знания: были открыты, изучены и изданы многочисленные коллекции исторических источников (хроники, королевские указы, надписи, археологические материалы). Однако, при сложности, объемах и увлекательности данной работы теоретическая составляющая исторической науки (выявление законов исторического развития) была отодвинута на второй план. Вследствие этого пробела распространение и популярность обрела предложенная О. Контом (1798–1857) «*социальная физика*», или социология. Ее основная задача заключалась в анализе причинных связей между фактами, открытыми историками, и установлении законов общественного развития [50, с. 179–180]. Созданная по аналогии с естественнонаучными дисциплинами, позитивистская социология занялась построением общего и теоретического знания, исключив из этого процесса «личное» и «индивидуальное», т.е. «человеческое измерение» исторического развития. Однако, это привело позитивистскую парадигму в состояние кризиса и подстегнуло дальнейшее развитие всего кластера социально-гуманитарных дисциплин в некотором отрыве от общенаучных достижений ввиду затруднительной постижимости их предмета – Человека.

Позитивизм и появление социологии в качестве конкурирующей дисциплины способствовали: 1) методологическому обновлению исторической науки (становление источниковедения, использование статистических методов); 2) росту значения всеобщей и национальных историй, а также истории культуры (как воплощения универсальных законов исторического развития общества); 3) расширению предмета исторических исследований (рождение экономической истории); 4) становлению вспомогательных исторических дисциплин (нумизматика, палеография, дипломатика, хронология и др.); 5) оформлению смежных научных отраслей (археология, этнография, историческая география); 6) оформлению системы профессионального и школьного исторического образования. Под воздействием социологии историки стали больше внимания уделять законам исторического развития. При этом доминировали эволюционный подход к изучению общества и повышенное внимание к природным условиям, однако произошла девальвация значения человека как субъекта исторического процесса. По оценке И.М. Савельевой (род. 1947) и А.В. Полетаева (1952–2010): «Случай и роль выдающейся личности были свалены на обочину исследований во время поисков псевдонаучных законов истории» [55, с. 126]. Данные процессы, происходившие во второй половине XIX в., утвердили положение истории в качестве социальной науки.

Противоположным результатом экспансии социологии и ее основных положений в среде общественных наук стала дальнейшая концептуальная дезинтеграция внутри самой истории и критика ее познавательных возможностей в XX – начале XXI вв. Поэтому положение истории как социальной науки продолжало оставаться неопределенным, в связи с чем часто подчеркивается ее принадлежность одновременно, и к социальному, и к гуманитарному кластеру наук о человеке [54, с. 9]. Этим обусловлена постоянная циклическая смена парадигмальных установок⁴ в среде историков, занимающих авангардные позиции в сфере исторического знания, также как и прочная практическая приверженность позитивистскому пониманию истории, характерная для значительной массы исторических работ вплоть до сегодняшнего времени.

Критический взгляд на позитивизм в исторической среде сложился уже к концу XIX в. Он строился на положении, согласно которому науки о природе обозначались как *номотетические* и *генерализующие* (изучают законы природы и обобщают научные факты), а науки о человеческой культуре («науки о духе») – как *идиографические* (описательные) и *индивидуализирующие*.

⁴ Имеется ввиду циклическое изменение фокуса, направленного на предмет исторической науки (по принципу главенствования одного из двух: «общее» vs. «частное»): Позитивизм («общее») → Релятивизм и Неокантианство («частное») → «Новая историческая наука» («общее») → Постмодернизм («частное») → Конструктивный реализм («общее») [37, с. 19–26]. Данная схема является весьма упрощенной и призвана отразить лишь цикличность изменений отношения к предмету изучения в исторической науке.

Истории была отведена роль одной из центральных дисциплин наук о культуре. Так, согласно В. Дильтею (1833–1911), история в качестве своего основного метода избирает интуитивное понимание, «вживание» и «вчувствование» в психику людей прошлого. Поэтому, по мнению немецкого ученого, предметом истории является не объективный мир (как в естественных науках), а совокупность идей, психологических установок и мотивов поведения людей прошлого [50, с. 187–188]. Историк должен был стремиться к описанию прошлого и выявлению его уникальных особенностей, а не к его объяснению посредством законов исторического развития.

Теоретическое и терминологическое оформление взгляда на историю как на идиографическую науку об индивидуальном произошло благодаря двум крупнейшим представителям Баденской школы неокантианства: В. Виндельбанду (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1936). В. Виндельбанд ввел в научный оборот разделение наук на номотетические и идиографические в начале 80-х гг. XIX в. Ученый признавал их равенство, однако подчеркивал, что естественные науки в зависимости от области исследований могут использовать оба подхода, в то время как науки о духе и, в частности, история всегда идиографичны, поскольку происходящие события всякий раз являются уникальными и неповторимыми. Сведение уникальных событий к общим законам, по мнению В. Виндельбанда, неправомерно огрубляет и ликвидирует специфику исторической событийности [27, с. 77].

Его ученик Г. Риккерт своими трудами обогатил неокантианскую гносеологию. Ученый отверг само существование исторических законов. Он аргументировал это тем, что понятие «исторический закон» и понятие «историческое развитие» являются взаимоисключающими. «Исторический закон» подразумевает повторение одного и того же явления множество раз, в то время как для «исторического развития» нужен случай, новое явление, которого никогда не было. Поэтому, если бы история управлялась объективными законами, то историческое движение замкнулось бы на самом себе в вечном повторяющемся цикле. Но так как этого не происходит, то следует признать, что историческая наука имеет дело с уникальными явлениями, а историк может их лишь систематизировать и изобразить во всем многообразии в соответствии с собственным субъективным мышлением и общечеловеческими ценностными установками [50, с. 189]. Поэтому для объективации идиографического знания Г. Риккерт разрабатывает «учение о ценностях». Он считает, что проблема объективности историка не сможет быть решена благодаря теоретическим призывам и методологическим требованиям. Но субъективизм, в некоторой мере, может быть преодолен при помощи разграничения собственной оценки историка (положительное или отрицательное отношение к предмету) и выявленных в самой истории общезначимых или претендующих на этот статус

ценностей (т.е. определении «значительности» предмета для истории и всего человечества). Для ученого значимость ценностей и их отнесенность к конкретной личности является наивысшим уровнем проявления человеческой свободы. В связи с этим познание сводится к свободному творческому акту, в котором создается мир «должного» и «значимого», имеющего ценностное содержание, в противовес объективному миру «действительного» [27, с. 79]. Следует, однако, признать, что идеи Г. Риккерта о существовании общечеловеческих ценностей и само его «учение о ценностях» предоставляют историку критерии для обобщений в рамках аксиологической оси: «значимое – не значимое». Данное аксиологическое построение свойственно как идиографическим, так и номотетическим наукам. Единственным условием для этого будет принятие «знания» и «познавательной необходимости» в качестве общечеловеческой ценности. На почве подобных противоречий родилась критика неокантианского учения, его переосмысление и дальнейшая трансформация.

Одним из таких критиков был немецкий ученый М. Вебер (1864–1920). Он признает событийно-индивидуальный характер истории, но подчеркивает, что генерализация и познаваемость общих черт явлений исторической действительности возможна на уровне их сопоставления с «идеальным типом». По мнению Л.П. Репиной (род. 1947), В.В. Зверевой (род. 1972) и М.Ю. Парамоновой (род. 1963), под «идеальным типом» понимается сконструированная на уровне теории научная модель, предполагающая *«<...> известное согласие между исследователями относительно характерных черт изучаемой реальности»* [50, с. 191]. Историк, в учении М. Вебера, не отражает историческую действительность, а творчески конструирует ее образ, опираясь на реальные и типичные черты. При этом ценности, которыми руководствуется ученый, в рамках «веберовской» эпистемологии определены в качестве продукта культурного развития общества [50, с. 192]. Таким образом, М. Вебер отрицает саму возможность объективного познания действительности, но признает возможность получения относительного знания, которое определяется общим согласием в научной среде касательно заданной научной модели, т.е. принятием или отрицанием конкретного «идеального типа». При этом, «идеальный тип» не схематизирует эмпирический материал, а, напротив, сам видоизменяется в зависимости от него, что определяет гибкость научного познания и его зависимость от изучаемой реальности. Ввиду своей новизны эпистемологическая концепция М. Вебера была широко признана лишь в последней трети XX в. [50, с. 192]. Основанная на критическом переосмыслении неокантианства, она подходит как идиографическим, так и номотетическим

наукам (в особенности после релятивистской революции в физике⁵), что перечеркивает подобное деление.

Другим выдающимся ученым, пересмотревшим неокантианские взгляды и разработавшим собственную эпистемологическую концепцию, стал русский историк и методолог А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919). Он, опираясь на неокантианское учение, обосновал возможность использования в науках о культуре как идиографического, так и номотетического подходов. Исходным пунктом в концепции ученого стал его взгляд на весь существующий мир как на предельное и системное **«мировое целое»**. В процессе познания мировое целое делится на две составные части: 1) природный мир; 2) наделенное сознанием человечество [34, с. 363]. Обе части мирового целого являются его подсистемами, взаимно влияющими друг на друга, и также обладающими системностью⁶: **«целое природы»** и **«целое человечества»**. Как указывает О.М. Медушевская (1922–2007), объектом гуманитарного познания в концепции А.С. Лаппо-Данилевского является *«<...> человечество во всей полноте своего развития (эволюционное целое), и в единстве системной взаимосвязи на каждый данный момент своего развития (коэксистенциональное целое)»* [34, с. 64]. Благодаря принципу системности открывается возможность использования в науках о культуре номотетических обобщений, поскольку они фиксируют повторяемость общих черт происходивших явлений и событий, которые всегда являются частным проявлением общего. Однако, непосредственный процесс познания невозможен без существования реального эмпирического объекта, который познается. Этим объектом в концепции ученого является исторический источник, под которым понимается *«<...> реализованный продукт человеческой психики»*, который *«<...> обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы»* и *«<...> вместе с тем оказывается результатом целеполагающей деятельности человека или намеренным его продуктом»* [35, с. 79]. Таким образом, исторический источник – это продукт самореализации человека посредством творческого преобразования действительности, т.е. объект человеческой культуры. Исходной точкой, для понимания Автора этого продукта является **«принцип признания чужой одушевленности»**, разработанный русским философом-неокантианцем А.И. Введенским (1856–1925). По его мнению, чужую одушевленность

⁵ Разрушению картезианско-ньютоновской (механистической) картины мира способствовали революционные открытия в физике и математике, связанные с такими именами, как А. Эйнштейн (1879–1955), К. Рентген (1845–1923), Дж. Томпсон (1856–1940), М. Планк (1858–1947), Э. Резерфорд (1871–1937), Н. Бор (1885–1962) и др. Новая квантово-релятивистская физическая картина мира опровергла представления об атомах как твердых, неделимых и раздельных элементах материи, о времени и пространстве как независимых абсолютах, о строгой причинной обусловленности всех явлений, что привело к признанию относительной природы научных знаний [50, с. 207].

⁶ А.С. Лаппо-Данилевский в своей концепции опирается на учение В.И. Вернадского (1863–1954) о ноосфере [34, с. 46].

невозможно доказать эмпирическим способом, но нельзя и опровергнуть. Человек не имеет возможности непосредственно наблюдать душевную жизнь другого человека, но может определить факт ее существования по объективным материальным проявлениям. Отрицание чужой одушевленности в историческом исследовании с практической точки зрения бесполезно, поскольку не позволит придать эмпирическим фактам смысловую нагрузку. Поэтому в конкретных исследованиях «принцип признания чужой одушевленности» несет базовую регулирующую функцию [53, с. 134]. Взяв его на вооружение, А.С. Лаппо-Данилевский рассматривает Другого не просто как «иного», отличного от себя, а как равновеликого, цельного и самодостаточного индивида, носителя социальной и культурной информации, являющегося составной частью «целого человечества», существующего в определенный момент времени. Ученый, опираясь на представление о единообразии психической природы человека, предельно расширяет понятие «индивидуальности» до уровня всего человечества как носителя сознания, изменяющего окружающую действительность [34, с. 354]. В результате историк, интерпретируя реально существующий фрагмент прошлого (исторический источник как произведение автора и производное культуры), посредством идиографического подхода, через номотетическое обобщение восходит к воссозданию «целого культуры» как части системы «мирового целого». По словам О.М. Медушевской, идиографический подход в концепции А.С. Лаппо-Данилевского выступает в виде методологии источниковедения, рассматривающую «<...> *триаду «человек – произведение – человек»* и сосредотачивающую «<...> *главное внимание на анализе взаимодействий, которые в ней реализуются»* [34, с. 65]; системообразующим моментом рассматриваемой парадигмы выступает «<...> *момент человеческого творчества, создания интеллектуального продукта»* [34, с. 70].

Как видим, А.С. Лаппо-Данилевский, опираясь на неокантианское учение, разработал эпистемологическую концепцию, актуальную для всего кластера социально-гуманитарных наук. Согласно позиции ученого, границы гуманитарного познания обусловлены невозможностью полного воспроизведения «Чужого Я» [34, с. 10]. В период господства марксистско-ленинской философии его концепция была отождествлена с неокантианством. Однако, ряд современных исследователей (О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева (род. 1959), Ю.А. Васильев (род. 1958)), признавая генетическое родство эпистемологии А.С. Лаппо-Данилевского с этим течением, относят его учение к феноменологическому направлению и подчеркивают близость его взглядов с философией немецкого ученого Э. Гуссерля (1859–1938) [34, с. 6–48; 12, с. 189; 29, с. 433]. К концу XX в. интерес к трудам А.С. Лаппо-Данилевского сильно

возрос, а его идеи легли в основу феноменологической концепции современного источниковедения.

Таким образом, кризис позитивизма конца XIX в. обусловлен исключением из исследовательского поля социальных наук личности как субъекта исторического развития. Неокантианская гносеология в поисках выхода из кризиса предложила деление наук по способу изучения реальности: идиографическому и номотетическому. Данное деление укрепило раскол наук о природе и наук о культуре по целям, подходам и методам, что, на фоне с практическими успехами естественнонаучных дисциплин и повсеместной технологизацией общества XX в., привело к обесцениванию научно-познавательного потенциала гуманитарного знания. Однако тезис о специфичности предмета гуманитарных наук и акцентирование особой роли познающего субъекта способствовали преодолению упрощенности эмпирически ориентированной позитивистской методологии. В то же время на базе неокантианского учения сложилась эпистемология гуманитарного знания, подчеркивающая единство целей и методов наук о природе и наук о культуре, а также равноценность номотетического и идиографического подходов в историческом исследовании и, посредством их синтеза, позволяющая рассматривать изучаемый объект во всей доступной полноте и целостности. В результате в начале XX в. произошла смена историко-методологической парадигмы и были заложены философские основания антропологически ориентированной истории. Тем не менее, концептуальные изменения в исторической науке не произошли в одночасье. Лишь вызов постмодернизма, опасность крайних форм идеализма, абсолютизация роли субъекта познания в исторических исследованиях актуализировали подходы, разработанные столетие назад.

2.2 Значение и роль «истории ментальностей» в переходе к изучению «индивидуального» и «личного» в русскоязычной историографии второй половины XX в

Формирование и институциональное размежевание наук о природе и наук о культуре является органичным и сложным процессом, растянувшимся на несколько веков. К концу XIX в. естественные науки представляли собой устоявшееся многообразие дисциплин, занимающихся открытием и экспериментальным подтверждением законов, в согласии с которыми организован природный мир. Эксперимент в эпистемологии естественнонаучных дисциплин занял ключевое место как базовый способ верификации полученного знания. В то же время специфика предмета наук о культуре отрицала возможность его широкого применения. Во-первых, предмет

наук о культуре предельно расширен так, что в его область входит не только изучаемая действительность, но и сам изучающий субъект, наряду с наукой как культурным явлением. В результате этого научное познание разворачивается в рамках «диалога культур» (изучаемой и изучающей) и является способом открытия и «узнавания» Другого субъекта сознания. Во-вторых, развитие предмета наук о культуре как совокупности форм исторической действительности, является нелинейным, интемпоральным и релятивным процессом, что обуславливает невозможность открытия законов развития, но позволяет изучать его закономерности. Вследствие этого данный спектр дисциплин рассматривает свой предмет только в качестве свершившегося факта и, в отличие от естественнонаучных дисциплин, не берет на себя прогностическую функцию. Позитивистская парадигма расценивала это как очевидный недостаток наук о культуре и пыталась преодолеть его путем институциональных изменений, взяв за образец структуру и подходы наук о природе, но в итоге не добилась желаемого. Кризис гуманитарного знания естественным образом подтолкнул неокантианцев к размежеванию наук по основному методу. Академический мир быстро принял подобное деление и к началу XX в. науки о культуре и науки о природе рассматривались в качестве двух противоположных и неравновесных спектра дисциплин. Дискуссия, проводившаяся в конце XIX в. в рамках философии истории, и развернувшееся внутри нее противостояние между «**универсализаторами**» и «**партикуляризаторами**», придерживавшихся, соответственно, использования номотетического и идиографического подходов в историческом исследовании, спровоцировала «**великий методологический раскол**»⁷ наук о культуре на социальные и гуманитарные дисциплины [49, с. 30]. Проблема усугублялась очевидным успехом естественнонаучных дисциплин, на фоне которого гуманитарные науки казались аутсайдерами, отстранившимися от борьбы за достоверность научного знания. Для исторической науки выход из сложившейся ситуации виделся в широком применении междисциплинарного подхода, рецепции методов других социально-гуманитарных дисциплин и расширении за счет этого собственного предметного поля.

2.2.1 Генезис «истории ментальностей» во французской историографии

Термин «**ментальность**» (*mentalité*) получил широкое распространение в работах французских этнологов и психологов начала XX в.⁸ Значение, с которым

⁷ Терминология Л.П. Репиной.

⁸ М.М. Кром (род. 1966) к таким работам относит: труд этнолога Л. Леви-Брюля (1857–1939) «*Первобытная ментальность*» (1922), в котором он писал о «пралогическом мышлении»; книгу психолога Ш. Блонделя (1876–

он употреблялся, было близким к понятию «мировоззрение», однако относилось преимущественно к коллективному сознанию и несло в себе оттенок примитивности и архаики. Со временем этот оттенок исчез, а само понятие ментальности стало широко употребляться историками и антропологами в качестве синонима понятия «массовое сознание», зачастую противопоставленного элитарной культуре [32, с. 33]. Первой работой, выполненной в подобном духе, является книга голландского ученого Й. Хёйзинги (1872–1945) **«Осень средневековья»** (1919), в котором автор рассмотрел формы жизненного уклада и мышления жителей Франции и Нидерландов в XIV и XV вв., особенное внимание, при этом, уделив рыцарству. В данной книге не используется понятие «ментальность», а сам ее жанр может быть расценен как философско-культурологический трактат [50, с. 220]. Поэтому первой крупной *исторической* работой, написанной в данном направлении, следует считать книгу известного французского ученого, основателя журнала «Анналы», М. Блока (1886–1944), вышедшую под названием **«Короли-чудотворцы»** (1924). В ней историк системно и разносторонне проанализировал «коллективные представления»⁹ населения Англии и Франции о сверхъестественном характере королевской власти в период с XI в. и вплоть до эпохи Просвещения. Работа М. Блока была относительно холодно принята современниками и особую популярность обрела лишь в 70 – 80 гг. XX в. во время расцвета истории ментальностей и исторической антропологии. Отчасти поэтому ученый практически не возвращался к данной тематике впоследствии, за исключением главы *«Особенности чувств и мыслей»* в работе **«Феодальное общество»** (1939), написанной с целью создания целостности образа средневекового общества [32, с. 34].

Другой основатель «Анналов», французский историк Л. Февр (1878–1956) выразил ряд идей, во многом предвосхитивших дальнейшее развитие антропологически ориентированной истории. В своих статьях¹⁰ он разработал программу междисциплинарного сотрудничества целого ряда представителей различных социально-гуманитарных дисциплин, целью которого должно было стать изучение истории со всех возможных перспектив. Фундаментальным во взглядах Л. Февра является положение, согласно которому Личность обозначается в качестве Творца истории. Она обладает уникальной совокупностью черт, каждая из которых может быть отнесена к окружающему личность обществу и, в той или иной степени, его характеризует. Личность и

1939) под тем же названием **«Первобытная ментальность»** (1926); статью психолога А. Валонна (1879–1962) **«Первобытная ментальность и ментальность ребенка»** (1928) [32, с. 33].

⁹ М. Блок предпочитал использовать понятия «коллективные представления» и «коллективное сознание» вместо термина «ментальность», хотя семантика их очень близка [32, с. 32-33].

¹⁰ Идеи и призыв к междисциплинарному сотрудничеству содержатся в статьях **«История и психология»** (1938), **«Фольклор и фольклористы»** (1939), **«Чувствительность и история»** (1941) [59, с. 97–108, 109–125, 347–359].

общество опосредованы друг другом. Поэтому их нельзя противопоставлять друг другу, схематично разделяя индивидуальное и коллективное. Однако расположение личности и общества на фоне друг друга усиливает контраст сходств и различий между ними, что позволяет продуктивно их изучать. Таким образом индивидуальное познается на фоне коллективного, а коллективное на фоне индивидуального. Личность всегда такова, какой ее делает эпоха и общественная среда. Она порождает идеи и события, а общество принимает и трансформирует их, тем самым поддерживая их жизнь. После личность воспринимает обратно преобразованные идеи и события, сама изменяясь под их влиянием и изменяя свои идеи и действия. Средством коммуникации в этом неразрывном круге выступает язык. Л. Февр полагает, что историческая наука не сможет продвинуться дальше «собирая фактов», если не приступит к изучению взаимоотношений личности и общества в прошлом [59, с. 97–108]. Задача эта крайне сложная, поскольку любой эмпирический объект, с которым работает историческая наука, представлен в качестве продукта творческой деятельности конкретных людей, которые, в свою очередь, являются активными субъектами уникальных сообществ, каждое из которых развивается в определенную неповторимую эпоху, и вся эта совокупность «индивидуальностей» непохожа на нас. В связи с этим Л. Февр пишет: *«Куда более непростительна постоянная и досадная склонность к неосознанному анахронизму¹¹, свойственная людям, которые проецируют в прошлое самих себя, со всеми своими чувствами, мыслями, интеллектуальными и моральными предрассудками»* [59, с. 104]. Очевидным становится тот факт, что историческая наука в лице всей совокупности историков не сможет справиться с поставленной задачей без помощи представителей других наук.

Согласно Л. Февру, первым делом в процессе междисциплинарного сотрудничества ученые должны *«<...> детально инвентаризировать и воссоздать духовный багаж, которым располагали люди изучаемой эпохи»* [59, с. 107]. Речь идет об эмпирических объектах, относящихся к определенной эпохе, с которыми сталкивается любая социально-гуманитарная дисциплина. Проведя параллель с эпистемологией А.С. Лаппо-Данилевского, мы увидим, что Л. Февр концептуально близок к его пониманию исторического источника как реализованного продукта человеческой психики. Вся совокупность таких продуктов и составляет духовный багаж эпохи, к которому обращен взгляд ученого. Далее *«<...> нужно воссоздать физический, интеллектуальный и моральный образ эпохи»* [59, с. 107]. Данное положение раскрывает вопрос о непосредственном междисциплинарном сотрудничестве со всей остротой. Так,

¹¹ Неосознанный анахронизм в исторических работах Л. Февр считает более непростительным, чем *«промахи, оплошности, ошибки, допускаемые некомпетентными и неподготовленными авторами»* и *«организованный грабеж, бесстыдный плагиат, которому подвергаются настоящие историки со стороны газетных писак, возмнивших себя историографами»* [59, с. 104].

материальную составляющую эпохи невозможно воссоздать без археологов, этнографов, архитекторов, геологов, географов. Для понимания языков эпохи необходимы исследования лингвистов, посвященные их специфике и истории развития. Понимание смыслов, которыми наделялись знаковые системы, существующие в определенную эпоху, невозможно без семиотики. Отдельно должна исследоваться история религиозных чувств, свойственных для эпохи, в чем, например, может помочь иконографика. Народную культуру невозможно понять без фольклористики. Также, важнейшую роль для исторической науки играет изучение литературы. Во-первых, согласно Л. Февру, литература «регистрирует оттенки чувствительности», свойственные эпохе или, даже, поколению. Под «чувствительностью» ученый понимает эмоциональную жизнь эпохи и ее проявления [59, с. 110]. Таким образом, литература раскрывает перед исследователем возможности для понимания эмоций, свойственных людям разных эпох в определенной ситуации. Естественно, это все преломляется в сознании автора литературного произведения, но поскольку его личность опосредована культурной ситуацией вокруг и своим произведением она преобразует окружающую культуру, то понимание связи «культура – личность – произведение – культура» является важнейшим для исторической науки. Поэтому историки не могут обойтись без услуг с одной стороны социологии и антропологии, а с другой стороны литературоведения, этики, эстетики. Во-вторых, литература «<...> распространяет ту или иную форму чувства среди масс» [59, с. 121], что позволяет увидеть то, как общество реагировало на те или иные эмоции, чувства и идеи в определенную историческую эпоху, и, более того, различить реакцию на них отдельных поколений, социальных слоев, групп, обществ и конкретных индивидуумов.

Обозначив важность и цели междисциплинарного сотрудничества, Л. Февр призывает к созданию центральной дисциплины, необходимой для всестороннего изучения прошлого – исторической психологии. Ученый указывает на то, что психологи в своих исследованиях опираются на данные, поставляемые им современной эпохой, и, следовательно, выстраиваемые ими конструкты непригодны в изучении прошлого. «Когда психологи говорят нам об эмоциях, чувствах, рассуждениях «человека» вообще, они на самом деле имеют в виду наши эмоции, наши чувства, наши рассуждения – словом, нашу психическую жизнь, жизнь белокожих обитателей Западной Европы, представителей различных групп весьма древней культуры» – пишет Л. Февр [59, с. 102]. Для того, чтобы избежать ошибки анахронизма, историческая психология должна опираться на комплекс исследований посвященных прошлому, принадлежащих представителям различных дисциплин, работающих в едином междисциплинарном пространстве. Первым делом историческая психология должна изучить особенности коллективной психологии членов

общества определенной эпохи, т.е. понять то, что в психике человека того времени обусловлено окружающей его социальной средой. Результатом этого станет разработка психологических типов, существовавших в разное историческое время. Вторым этапом следует изучение их психофизиологии, т.е. того как на психику человека прошлого влияет его собственный организм. Данные исследования должны опираться как на достижения современной биологии и медицины, так и на весь комплекс знаний об особенностях исторической среды, поскольку в разное время восприятие здоровья, болезни, жизни и смерти различалось и, следовательно, психически человек прошлого иначе реагировал на такие события. Третьим этапом должна стать разработка «дифференциальной исторической психологии», которая занималась бы изучением того, какое воздействие на человека прошлого оказывали его личные физиологические особенности (напр., физическое уродство) и непредвиденные случайности его общественной жизни, т.е. различные отклонения от социальной обыденности, экстремальные ситуации [59, с. 101]. В результате междисциплинарное сотрудничество, согласно мнению Л. Февра, должно позволить *«<...> увязать, соизмерить каждую совокупность условий существования данной эпохи со смыслом, который вкладывают в свои идеи люди этой эпохи»* [59, с. 118], т.е. понять и изучить историю, а не наделять ее чертами, характерными для современности. Важно указать на то, что не только история нуждается в подобном междисциплинарном подходе, но и любая другая социальная или гуманитарная дисциплина не может обойтись без него, чтобы не попасть в ловушку анахронизма, пусть даже и не осознанного.

В 1941 г. Л. Февр восклицал: *«Подумать только – у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости»* [59, с. 123]. Предложенный ученым подход принес свои плоды, и хоть междисциплинарное сотрудничество далеко не достигло предполагаемых масштабов, ситуация все же стала постепенно меняться с появлением истории ментальностей и исторической антропологии.

Траектория становления истории ментальностей также во многом обусловлена исследованиями влиятельных представителей второго поколения «школы Анналов» Э. Лабрусса (1895–1988) и Ф. Броделя (1902–1985). Теоретическую базу своих работ они строили вокруг категории «исторического времени», которое, по Ф. Броделю, делилось на «*короткое время*» (политические события), «*среднюю продолжительность*» (экономика, миграция, демография) и «*длительную продолжительность*» (характерна для крупных социально-структурных групп, лежащих в основании цивилизаций и практически не изменяющихся со временем) [2, с. 266]. Общественное сознание попало в категорию «длительной продолжительности» и играло не последнее место в проекте «тотальной истории» Ф. Броделя. Таким образом,

«ментальность» становилась фундаментальным и устойчивым понятием, связывающим материальную и духовную культуру целых пластов истории, в связи с чем можно было говорить об изучении ментальности средних веков, нового или новейшего времени. Однако в таком виде «ментальности» не смогли привлечь своего исследователя. Поэтому, как указывает французский историк Ж. Дюби (1919–1996), сильный толчок для своего развития направление получило лишь благодаря возросшей в 50–70-х гг. XX в. популярности психоанализа, вызову со стороны социально-структурной антропологии К. Леви-Стросса (1908–2009) и общим разочарованием возможностями экономической истории в объяснении социальных и культурных процессов [21, с. 52–54]. Знаком академического признания направления стало появление в энциклопедическом справочнике **«История и методы»** (1961) программной статьи под названием **«История ментальностей»**, написанной вышеупомянутым Ж. Дюби [32, с. 37]. Под ментальностью он понимает систему образов, которые *«<...> всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»* [21, с. 52]. На основании ритмов времени Ф. Броделя, Ж. Дюби создал собственную классификацию ментальных процессов: 1) скоротечный ритм (например, кратковременный резонанс в обществе на проповедь, народное волнение, скандал); 2) средний ритм (например, изменения эстетических вкусов публики); 3) представления и модели поведения не изменяющиеся со сменой поколения; 4) биологические основания ментальности, изменяющиеся в процессе эволюции. Кроме того, Ж. Дюби, повторяя мысль Л. Февра, обращает внимание на то, что отношения между индивидом и социальной средой имеют диалогический характер. Поэтому история ментальностей может быть, как социальной, так и биографичной. Но выявляя эмоции, мысли, чувства и реакции человека, историк должен в большей степени стремиться изучить общественную среду. В результате, предметом изучения становится «диалог» между человеком и обществом [66, с. 48–49]. Такая степень индивидуализации предмета истории ментальностей, предложенная одним из ее основателей, изначально заложила в ее теоретическую основу слабое место – предметная область направления была предельно расширена. В итоге историк, изучающий ментальность, одновременно вынужден был обращать внимание как на коллективные представления и ментальные установки, характеризующиеся большой продолжительностью во времени, так и на кратковременные ментальные образы отдельных людей, а в качестве объекта изучения могла быть выбрана любая часть социальной и индивидуальной реальности. Неопределенность границ понятия «ментальность», на наш взгляд, и привела направление к скорому упадку. Так, уже в 1974 г. Ж. Ле Гофф (1924–2014) отметил, что история ментальностей «кажется уже вышедшей из моды» [32, с. 40]. На ее смену во французской

историографии постепенно пришла новая дисциплина – «историческая антропология». Какое-то время два направления исторической науки сосуществовали рядом, хотя в целом их предметные области пересекались и мало чем отличались друг от друга. В конце концов историческое сообщество должно было сделать выбор в пользу одного из них, и этот выбор пал на историческую антропологию.

2.2.2 Зарождение «истории ментальностей» в русскоязычной историографии

В русскоязычной историографии первое упоминание понятия «ментальность» произошло в работе П.М. Бицилли (1879–1953) **«Элементы средневековой культуры»** (1919) [8, с. 65]. Данная книга охватывает различные сферы жизни средневекового общества, рассматривая их сквозь призму сознания людей того времени. Она является одной из первых культурологических работ в российской науке XX в. и в сущности сопоставима с работой Й. Хёйзинги **«Осень средневековья»**, вышедшей в том же году. Для нас также примечателен и другой труд П.М. Бицилли **«Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII в.»**, вышедший тремя годами ранее – в 1916 г. В своей работе ученый исследовал мироощущение и художественный стиль известного автора средневековой **«Хроники»** итальянского монаха-францисканца Салимбене Пармского. Сама хроника, охватывая период с 1168 по 1287 гг., описывает внутреннюю борьбу в ордене францисканцев, мирскую жизнь в Италии и содержит ярко выраженный автобиографический компонент. П.М. Бицилли рассматривает отца Салимбене в качестве обычного, «ординарного» человека для своего времени. Раскрывая его идеалы, убеждения и наклонности, автор опирается на концепцию **«религиозности среднего человека»**, изложенную Л.П. Карсавином (1882–1952) в книге **«Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии»** (1915) [7, с. 233–240]. Данная концепция созвучна веберовскому «идеальному типу» и предполагает генерализацию и синтез, основанные на выявлении совокупности наиболее типичных черт (**«религиозного фонда»**) религиозных представлений обыкновенных людей своего времени [30, с. 15]. М.М. Кром, указывая на то, что концепция «религиозности среднего человека» Л.П. Карсавина близка понятию «ментальность», подчеркивает, что *«<...> в России эта линия не получила тогда развития: научная изоляция от остального мира и принудительное единомыслие на основе вульгаризированного марксизма не способствовали возникновению новых исторических исследований»* [32, с. 130]. Тем не менее новаторские работы появлялись и впредь, хоть и не принимались научным сообществом, а их авторы подвергались остракизму или вовсе репрессировались.

В 1947 г. была опубликована выдающаяся книга советского историка Б.А. Романова (1889–1957) **«Люди и нравы Древней Руси»**. Автор, в условиях острой нехватки источников, попытался реконструировать социально-психологические портреты разных слоев населения Древней Руси XI – начала XIII вв. Объединяя особенности психологии и мироощущения людей того времени с материальными условиями их жизни, ученый смог динамически изобразить процесс классового образования в древнерусском государстве и его проявление на уровне повседневной жизни и быта. Для изображения данной картины прошлого Б.А. Романов избрал научно-популярный стиль изложения, который должен был позволить рядовому неподготовленному читателю почувствовать и понять далекую эпоху через знакомство с людьми в ней проживающими [42, с. 215]. Исследовательская стратегия ученого в корне противоречила единственно допустимой в то время марксистской идеологии. Хотя книгу высоко оценили Н.Л. Рубинштейн (1897–1963) и Д.С. Лихачев (1906–1999), впоследствии Б.А. Романов не раз подвергался критике и обвинениям в «объективизме» и «антипатриотизме» [42, с. 248, 259].

В последующее время также игнорировалась или не признавалась ценность многих научных работ, оказавших влияние на мировую науку. Среди них нужно выделить труд М.М. Бахтина (1895–1975) **«Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»** (1965). Как указывает М.М. Кром: *«<...> эта работа <...>, несомненно, способствовала становлению исторической антропологии в Западной Европе и США: на нее ссылались в своих работах и высоко оценили К. Гинзбург и Н.З. Дэвис»* [32, с. 131]. Исключением среди советских медиевистов стали А.Я. Гуревич (1924–2006) и Л.М. Баткин (1932–2016), которые высоко ставили творчество ученого. Положительные отзывы на Западе и почти полное пренебрежение в СССР сопутствовали трудам основоположника московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана (1922–1993), которые *«<...> были современны и созвучны исследованиям западноевропейских социологов, этнологов, историков, тогда заново открывших для себя мир повседневности»* [32, с. 131]. Выдающиеся научные достижения Ю.М. Лотмана были признаны российской наукой лишь в 90-е гг. XX в., а многие его работы не превзойдены и сегодня.

По мнению М.М. Крома, существенное значение для развития истории ментальностей в СССР имел семинар по исторической психологии действовавший в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. под руководством Б.Ф. Поршнева (1905–1972). В то время на основе семинара появился сборник статей, объединивший историков, психологов, философов. Благодаря этому в исторической науке стала приживаться новая терминология, которая применялась в работах, выполненных в духе антропологически

ориентированной истории [32, с. 131–132; 31, с. 224]. Однако, например, А.Я. Гуревич, который сам пользовался данной терминологией, не признавал научной ценности этого семинара [17, с. 181–182]. Как бы то ни было, вскоре вышла его книга **«Категории средневековой культуры»** (1972), которая произвела большое впечатление на коллег по цеху. В ней, наряду с понятием «социальная психология», использовались и такие термины как «картина мира», «модель мира», «мировидение» [32, с. 132]. Данная работа, через некоторое время была переведена¹² на французский язык, чему активно содействовали Ж. Дюби и Ж. Ле Гофф [17, с. 184]. В том же 1972 г. была опубликована статья А.Я. Гуревича в журнале «Анналы» под названием **«Représentations et attitudes à l'égard de la propriété pendant le Haut Moyen Age»** (**«Представления и отношения к собственности в Раннем Средневековье»**) [69, р. 523–548]. Эта была первая публикация советского историка в столь крупном зарубежном издании и «мощная поддержка из-за рубежа» по словам самого А.Я. Гуревича [17, с. 183]. В результате было положено начало диалогу между двумя историографическими школами, который, правда, долгое время с советской стороны А.Я. Гуревич вел в одиночестве. Тем не менее ученый получил полное признание зарубежными коллегами, выраженное в том, что почти все его монографии (около двух десятков) были переведены на иностранные языки [17, с. 183].

Действительно серьезные изменения в советской историографии произошли лишь во второй половине 80-х гг. XX в. В это время А.Я. Гуревич опубликовал серию статей, в которых он знакомил советского читателя с новыми направлениями в зарубежной исторической науке – главным образом во французской медиевистике школы «Анналов»¹³. Осенью 1987 г. в Институте всеобщей истории РАН был возобновлен семинар по исторической психологии под его руководством (с 1995 г. стал называться семинаром по исторической антропологии) [61, с. 48]. Среди первых участников семинара были многие выдающиеся ученые, работавшие в нетрадиционном для советской науки исследовательском поле, такие как: историк, литературовед и культуролог Л.М. Баткин, историк-медиевист Ю.Л. Бессмертный (1923–2000), лингвист, семиотик и антрополог Вяч. Вс. Иванов (1929–2017), литературовед и философ С.И. Великовский (1931–1990), философ и культуролог В.С. Библер (1918–2000). Таким образом, семинар изначально имел междисциплинарную направленность, а его участники активно использовали в своих дискуссиях

¹² В общей сложности книга А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» была переведена на 15 языков.

¹³ Среди них можно выделить: «*Этнология и история в современной французской медиевистике*» (1984), «*Новая историческая наука во Франции*» (1985), «*Марк Блок и «Апология истории»*» (1986), «*Историческая наука и историческая антропология*» (1988), «*Изучение ментальностей: Социальная история и поиски исторического синтеза*» (1988), «*Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории*» (1989), «*Проблема ментальностей в современной историографии*» (1989).

понятие «ментальность» [32, с. 132]. Сам А.Я. Гуревич в то время в качестве предмета истории ментальностей называл **«социально-культурные представления людей другого времени»**, к которым относил: *«<...> восприятие пространства и времени и связанное с ними осознание истории (поступательное развитие или повторение, круговорот, регресс, статика, а не движение, и т. п.); отношение мира земного с миром потусторонним, и соответственно восприятие и переживание смерти; разграничение естественного и сверхъестественного, соотношение духа и материи; установки, касающиеся детства, старости, болезней, семьи, секса, женщины; отношение к природе; оценка общества и его компонентов; понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в социуме или, наоборот, ее поглощенности им; отношение к труду, собственности, богатству и бедности, к разным видам богатства и разным сферам деятельности; установки на новое или на традицию; оценки права и обычая и их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация свободы; доступ к разным видам источников и средств хранения и распространения информации, в частности, проблемы соотношения культуры письменной и культуры устной»* [18, с. 85–86]. Как видим, в ментальностях ученый видел широкую панораму психологических, социальных и культурных установок человека прошлого, его восприятие социокультурной среды, мира и жизни, что, вслед за французской историографией, предельно расширяло и, тем самым, размывало границы понятия «ментальность».

Переломным для развития нового подхода к изучению истории в СССР стал 1989 г., осенью которого в Москве прошла международная конференция, посвященная 60-летию школы «Анналов», на которую приехали самые крупные представители данного направления. А.Я. Гуревич достаточно эмоционально высказывался об этом событии: *«Это был прорыв огромной психологической значимости. Люди, которые еще вчера клялись бородами Маркса и Ленина и вообще догмами и занимались тем, что «яростно разоблачали» <...> «буржуазную и империалистическую историографию», на эту конференцию или не пришли, или пришли – и сидели, и слушали. А некоторые из них – я считаю, что это их заслуга, – признали свои ошибки, насколько это было возможно, признали, что есть новые позиции. Это был перелом. Это была победа»* [17, с. 182–183]. В том же 1989 г. вышел первый выпуск альманаха **«Одиссей. Человек в истории»**¹⁴, ставший «голосом» семинара по исторической психологии и первым научным изданием, целью которого стало разработка и продвижение идей антропологически ориентированной истории в СССР.

¹⁴ Название альманаха было предложено В.С. Библером и символизировало собой путешествие по различным человеческим культурам, научный поиск и исследовательскую саморефлексию [61, с. 45].

Редколлегия сборника изначально акцентировала внимание читателя на его междисциплинарном характере. Среди дисциплин, которые предполагалось задействовать в новом подходе изучения истории были такие, как: историческая поэтика, семиотика, этнопсихология, культурология, историческая демография, и, главным образом, история ментальностей. В качестве единой «сверхзадачи» высказывалась необходимость изучения и понимания облика и специфики определенных культур, в контексте которых формируются определенные типы личности [40, с. 7]. Поставленная цель созвучна идеям, высказанным Л. Февром за 50 лет до этого, в отношении задач исторической психологии по разработке психологических типов людей, существовавших в прошлом. Главное отличие в том, что для решения данной проблемы предполагалось использовать не психологическую, а культурологическую платформу, что также характеризует и весь процесс становления антропологически ориентированной истории – от «психологизации» к «культурологизации» ее предмета.

Таким образом, к началу 90-х гг. XX в. в русскоязычной гуманитаристике сформировалась новое полидисциплинарное направление, целью которого было изучение и понимание людей, живших в прошлом, и их социально-культурных представлений. Исследователи, работавшие в данном направлении, скоординировали свои усилия вокруг семинара по исторической психологии возобновленного в 1987 г. в Институте всеобщей истории РАН и альманаха «Одиссей. Человек в истории», впервые вышедшем в 1989 г. Данное издание носило синкретический характер, и изначально опиралось как на опыт французской медиевистики школы «Анналов», так и на идеи нетрадиционного советского гуманитарного знания.

2.2.3 Представления об «индивидуальном» и «личном» в истории на страницах журнала «Одиссей. Человек в истории»

Первые дискуссии семинара по исторической психологии развернулись вокруг понятий «индивидуальности» и «личности» в истории. Данная тематика была выбрана с подачи Л.М. Баткина, который в 1989 г. опубликовал работу **«Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности»**. Тогда же, во время конференции, посвященной 60-летию школы «Анналов», в Москве Ж. Ле Гофф предложил А.Я. Гуревичу написать том **«Индивид в средневековой Европе»** к многотомному изданию **«Faire l'Europe» («Строить Европу»)**, которая по задумке должна была издаваться на пяти языках: английском, французском, немецком, итальянском и испанском [17, с. 183, 189]. В результате, тематика, предложенная Л.М. Баткиным, была поддержана, и вскоре он разослал анкеты многим историкам культуры, философам, филологам, искусствоведам, психологам [41, с. 6]. Анкеты состояли из пяти тематических

разделов: 1) соотнесенность понятий «индивидуальность» и «личность» вообще и в отношении каждого конкретного человека; 2) определение меры индивидуального в любой историко-культурной эпохе и поиск критериев для этой меры (т.е. в какой степени каждое общество в конкретной эпохе позволяет говорить о существовании в нем индивидуального и по каким критериям об этом можно судить); 3) вопрос о существовании личности в разные историко-культурные эпохи (т.е. можно ли говорить о существовании «античной личности», «средневековой личности», личности на Древнем Востоке и т.д.); 4) проблема соотнесения массового и уникального и пользы изучения уникального для понимания культуры; 5) методологические трудности в изучении индивидуального [41, с. 9]. Полученные ответы, в основном выполненные в жанре эссе, были опубликованы¹⁵ во втором выпуске «Одиссея» (1990) и заняли треть от его общего объема. Рассмотрим их содержание, сохранив порядок, избранный редакцией альманаха.

Открывало новый выпуск «Одиссея» эссе историка, философа, филолога и культуролога Г.С. Кнабе (1920–2011) под названием *«Изменчивое соотношение двух постоянных характеристик человека»*. Автор главное внимание уделил соотношению понятий «личность» и «индивидуальность», подчеркивая, что личность является характеристикой человека *«<...> с точки зрения его участия в общественной жизни»*, а *«индивидуальность» определяет внутренний мир человека»* [41, с. 10]. Эти две составляющие не отделяются друг от друга, но и не сливаются воедино. Их существование в человеке присуще для каждой культурно-исторической эпохи. Более того, по мнению ученого, диалектика «индивидуального» и «личного» лежит в основе развития культуры и общества. Любая культура развивается от предельной обобщенности, в которой общественное начало повсеместно довлеет над индивидуальностью человека, к предельной индивидуализации, в которой индивидуальность утверждает свою независимость от общественной и культурной традиции. Свою позицию ученый обосновывает примерами исторического развития Древнего Рима и европейского Средневековья¹⁶. При этом, Г.С. Кнабе подчеркивает, что, и индивидуальность, и личность являются выражением коллективной нормы. Поэтому изучение внутреннего мира человека (его индивидуальности) и его соотношения с внешним миром человека (его личностью), позволяет воссоздать и отразить схожие процессы в общественном развитии, разглядеть границы

¹⁵ Всего было опубликовано 16 ответов, включая статьи Л.М. Баткина и А.Я. Гуревича.

¹⁶ В истории Древнего Рима прослеживается тенденция развития от строго унифицированной республики, где коллективное полностью контролировало индивидуальное, к империи, в которой воля одного человека зачастую определяла развитие всего государства, а индивидуальное стремилось освободиться из-под власти коллективного (норм, морали, закона и т.д.). Европа в Средние века и Новое время прошла схожий путь от всепоглощающего доминирования Христианства, определяющего облик и развитие европейских государств, до индивидуализации, присущей культуре Возрождения, а затем и к веку Просвещения, в итоге приведших к обрушению общественных режимов Старого порядка.

коллективной нормы и степень преобладания индивидуального или коллективного в обществе, культуре и эпохе. В результате, характеристика данной амбивалентности становится актуальной задачей исторической науки [41, с. 10–12].

Другой исследователь, историк Е.Б. Рашковский (род. 1940) свое эссе *«Личность как облик и как самостоянье»* делит на четыре пункта. Во-первых, он указывает на то, что понятие «личность» используется историками почти автоматически, без рефлексии. Во-вторых, по его мнению, при более рефлексивном подходе, оно семантически раздваивается. С одной стороны, оно воспринимается в качестве универсального понятия, соединяющего в себе важнейшие положительные, духовные, нравственные и поведенческие ценности культурно-исторической общности. С другой стороны, его можно отнести к локально европейским понятиям. Автор акцентирует внимание на специфике европейской личности, для описания которой использует такие формулировки, как *«личность-самосознание»*, *«личность-ответственность»*, *«личность-совестливость»*, что, на наш взгляд, оказывается лишь проявлением различных аспектов экзистенциального выбора человека. Однако, после этого ученый подчеркивает, что данные особенности характерны не только для рациональной обращенности сознания новоевропейского человека к самому себе, но и для глубинно-интуитивной обращенности сознания человека, принадлежащего к традиционным культурам [41, с. 13–14]. Таким образом, автор фактически заявляет о существовании «двух типов личности»: европейской, рациональной, и рефлексирующей, и традиционной, иррациональной и интуитивной. На наш взгляд, подобное деление не обосновано, поскольку любая личность включает оба компонента и главный вопрос заключается в степени их соотносительности, соответствующей конкретному человеку и конкретной культуре. В третьем пункте, Е.Б. Рашковский подчеркивает: *«<...> именовать индивида-чудовище личностью, на мой взгляд, бездумно пользоваться даром человеческой речи»* [41, с. 14]. В этом рассуждении понятие «личность» приобретает исключительно положительную коннотацию, и становится пригодным лишь для отделения достойных от недостойных. В-четвертых, ученый указывает на то, что индивидуальный духовный опыт не только отражает в себе историю, но и опосредует ее *«в актах человеческого воления»*, т.е. человек исходя из своего опыта творит историю своими действиями [41, с. 14]. В итоге это создает потребность в изучении персонального опыта человека, но главным образом, в лице положительных выдающихся исторических личностей.

Историк и филолог-классик А.И. Зайцев (1926–2000) достаточно прямолинейно ответил на поставленные вопросы, озаглавив свое эссе следующим образом: *«О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу»*. Во-первых, он считает, что различать

понятия «индивидуальность» и «личность» у историков культуры нет оснований. Во-вторых, оценка меры индивидуального в различных историко-культурных эпохах возможна. Для этого нужно на основании статистических и психологических обследований XIX и XX вв. с максимально широким охватом существующих народов и культур разработать типологию личностей, которую затем можно будет использовать в изучении любой эпохи. В-третьих, культурно-историческая типология личностей также возможна, но ее предметом «<...> окажутся статистически преобладающие характеристики личности в каждую отдельную эпоху» [41, с. 15]. В-четвертых, если признать неполную детерминированность психической деятельности человека, то изучение уникальных явлений ограничено принципиально. В то же время «<...> изучение гениальных произведений дает очень многое для понимания культурного фона; надо только уметь увидеть, что автор <...> принимает за самоочевидное и бесспорное, а что он отвергает с особым эмоциональным накалом» [41, с. 15]. На наш взгляд подобный подход не оптимален, поскольку он позволяет увидеть авторский взгляд, который скорее отражает индивидуальность автора, чем эпоху. В противном случае необходимо признать полную детерминированность сознания автора «культурным фоном» и ни о какой гениальности произведения речи быть не может. В-пятых, А.И. Зайцев признает изучение «индивидуального» в истории культуры еще более важным, чем изучение «среднего и типичного». В качестве приемлемых для использования автор указывает «<...> все подходы, не отступающие от универсальных принципов научного метода» [41, с. 16], а в качестве неприемлемых – герменевтику школы В. Дильтея и структурализм.

Другой историк и филолог-классик А.К. Гаврилов (род. 1941) ответил на вопросы в схожей с предыдущей формой, озаглавив эссе так: «**Традиционные историко-филологические приемы – необходимое условие новизны**». Он отмечает наличие различий между индивидуальностью и личностью, сославшись на работы советского психолога Б.Г. Ананьева (1907–1972), и понимает под индивидуальностью природное начало человека, а под личностью – меру причастности индивида к социальному опыту. Под вторым пунктом ученый выдвигает мысль о том, что культуры принципиально сопоставимы, благодаря чему и возможно существование историко-филологического знания. Затем он указывает на то, что «выражения «античная личность», «средневековая личность» смешны уже в языковом отношении» [41, с. 17], далее не объясняя свое суждение. Четвертым пунктом следует замечание, что великий художник полнее других выражает свою эпоху, но при этом менее всех от нее зависит. Под пятым пунктом ученый высказывает мнение о том, что результативными являются традиционные научные процедуры, а возможность и желательность новых приемов сомнительны [41, с. 17].

Историк Д.В. Панченко (род. 1956) в своем эссе *«Личности свойственно некое благородство»* главное внимание уделил основным характеристикам личности. По его мнению, она всегда обладает рядом незаменимых качеств: нравственность, благородство, осмысленность, самоотверженность, нетривиальность. Поэтому феномен личности не является универсальным. По мнению Д.В. Панченко, сопоставляя личности между собой, ученые сопоставляют и различные культурные формы самовыражения, поскольку гений способен уловить сущность эпохи. Но наличие в современной науке репрезентативных подходов к изучению личности автор отрицает [41, с. 18–20]. Аксиологический подход Д.В. Панченко, на наш взгляд, не является продуктивным, поскольку ведет к субъективизации понятия личность и не предоставляет строгих научных критериев для выявления личности среди индивидов, хотя и предполагает подобное деление.

Литературовед и филолог-классик М.Л. Гаспаров (1935–2005) в эссе *«Нужно бы формализовать понятие индивидуальности»* подчеркивает, что понятия «личность» и «индивидуальность» употребляются в науке в качестве синонимов и для него самого больших различий в них нет, за исключением того, что личность подразумевает взгляд со стороны, а индивидуальность – изнутри. Для того, чтобы говорить о степени индивидуализации историко-культурных эпох необходимо формализовать понятие «индивидуальность», разработав соответствующие ему критерии, которые позволят в количественной форме выразить эту степень. Но пока это не сделано, по мнению М.Л. Гаспарова *«<...> исследование индивидуального в истории культуры будет оставаться больше искусством, чем наукой»*, что вовсе не уменьшает важности данной проблемы, поскольку история человеческой культуры *«<...> в большей степени сводится к истории «образа человека»* [41, с. 21].

Историк В.И. Павлов (1924–1992) в эссе *«Предпочтение – прогрессивному индивиду»* указывает на то, что понятия «индивид» и «личность» в целом схожи, за исключением того, что первое понятие абстрактно-философское, а второе – социально-психологическое. Под индивидуальностью автор понимает качественную характеристику индивида и отрицает ее сопоставимость с личностью. Затем, В.И. Павлов называет три критерия для поисков индивидуального в историко-культурных эпохах: 1) наличие личностей недовольных социальной ситуацией (консервативных и прогрессивных); 2) прогрессивная личность всегда находится в постоянном движении становления¹⁷, что позволяет ее рассмотреть на историческом фоне; 3) роль личности в истории определяется способностью воздействовать на массовое сознание в нужном направлении. Все личности можно разделить на три типа: прогрессивные, регрессивные (консервативные) и нейтральные (компромисс

¹⁷ Здесь автор ссылается на собрание сочинений К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895).

между прогрессом и традицией). Наиболее важным для исследования оказывается первый тип, но для «<...> извлечения фундаментальных теоретических уроков из исторической практики» [41, с. 22] необходимо и изучение личностей второго и третьего типа, в особенности для историков Востока, где, по мнению автора, почти нет крупных прогрессивных деятелей [41, с. 22]. Таким образом, мысль В.И. Павлова не выходит за пределы марксистско-ленинской идеологии, а под выдающейся личностью в его рассуждении подразумевается недовольный социальной ситуацией индивид, ведущий народные массы к светлому прогрессивному будущему, т.е. революционер.

Философ С.С. Неретина (род. 1941) в своем эссе *«Через идею диалога культур»* главным образом опирается на идеи Н.А. Бердяева (1874–1948). Индивидуальность в ее рассуждениях представлена в качестве биосоциальной природы человека. Личность же определяется свободой, целостностью, универсальностью и единичностью (уникальностью). Индивидуальность может «дорости» до уровня личности в процессе свободного творчества. «<...> личность – это индивидуальность, воплощенная в произведении», – подчеркивает автор [41, с. 26]. В личности всегда есть моральный, аксиологический компонент. Поэтому не каждое произведение способствует возрастанию личности автора. Под культурой С.С. Неретина понимает прежде всего «высокую культуру». Поэтому «истинное» творчество всегда преломляет в себе высокие образы и картины мира, и только через него рождается личность. В качестве главной методологической трудности при изучении личности и индивидуальности, автор называет семантическую подмену терминов, когда смыслы, вкладываемые в термин автором источника и ученым, его изучающим, не соответствуют друг другу – т.е., в широком смысле, проблему анахронизма [41, с. 23–28].

Совершенно иной подход в своем эссе *«Вневременной феномен выдающейся личности и европейский феномен индивидуальности»* избрал историк, социолог и востоковед Л.С. Васильев (1930–2016). В качестве личности он представил выдающегося по своим способностям человека, обладающего в силу этого естественным правом на лидерство. Такие люди, по мнению ученого, присутствовали в человеческом обществе во все времена и были лишь в разной степени инкорпорированы в него. Индивид, напротив, крайне редкое явление в истории. В качестве обществ, в которых существовали индивиды, Л.С. Васильев выделяет лишь античный полис и современное европейское капиталистическое общество. Главным критерием для такой градации выступает право на обладание частной собственностью в общественной системе, гарантирующей ее неприкосновенность. Таким образом, понятие индивидуальность оказывается сугубо экономическим и европейским феноменом [41, с. 29–31]. С позицией

автора можно спорить, хотя бы потому, что он обходит стороной людей прошлого, не обладавшими явными выдающимися способностями и жившими в других обществах, кроме капиталистического и древнегреческого.

Историк-востоковед И.Л. Фадеева (1938–2013) в эссе под названием *«Только в Европе»* заявила о схожести понятий «индивидуальность» и «личность», поскольку они выражают некую совокупность отличий одного человека от другого. Ученый считает, что деление этих понятий целесообразно лишь для философии, в то время как историк может употреблять их как синонимы *«<...> без ущерба для адекватности анализа»* [41, с. 32]. По ее мнению, имеет смысл попытаться сопоставить идеи и представления об индивидуальном в рамках той или иной культуры, не забыв при этом включить и антииндивидуальные ценности и установки, доминировавшие в обществах Востока. Уникальные феномены культуры способствуют слому массовых стереотипов и развитию общества, что также актуализирует изучение творчества выдающихся личностей [41, с. 32–33].

Философ, специалист по исторической психологии В.А. Шкуратов (род. 1947) озаглавил ответ следующим образом: *«Не позабыть вернуться назад»*. Ученый выделяет три варианта понимания личности в исторической науке: 1) *социологически-типизирующий* (личность является набором социологических и культурных характеристик, используемых как модель поведения в изучаемой общности; 2) *идиографический* (личность используется как синоним индивидуальности¹⁸, а ученый старается расшифровать смыслы действий своего героя или шире – смыслы культуры. В этом случае исследование ведется в режиме внутреннего диалога); 3) *историко-генетический* (объектом изучения выступает культура, а предметом – основные этапы развития личности в данной культуре; личность в этом случае представлена в качестве продукта историко-культурного развития). Далее В.А. Шкуратов указывает на то, что *«корректнее было бы говорить не «индивидуальность» и «личность, а «социальные, культурные, семиотические механизмы индивидуализации и персонализации»* [41, с. 35]. Таким образом, автор понимает «личность» и «индивидуальность», скорее, в качестве продуктов культуры, а не как персональное начало.

Литературовед, культуролог, искусствовед-японист Е.С. Штейнер (род. 1955) свой ответ подготовил в форме статьи, суть которой прекрасно передает ее название: *«О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было»*. Автор в своей работе проводит блестящий анализ языка, религии, философии, живописи и литературы Японии и Китая, сопоставляя дальневосточную и европейскую культурные традиции. В результате он приходит к выводу, что говорить о

¹⁸ Под индивидуальностью автор понимает внутреннее ценностное содержание личности [41, с. 34].

существовании феномена личности в этих странах нельзя. Стройная и последовательная аргументация ученого затрудняет оспаривание данного утверждения. Однако, оно работает лишь в случае правильной дефиниции понятий «индивидуальность» и «личность». Под индивидуальностью ученный понимает прежде всего персональное своеобразие индивида, а под личностью – сознательное воплощение этого своеобразия за пределами коллективных норм общества, т.е. уникальное, казусное, идущее вразрез традиции, свободное начало персонального «Я» [41, с. 38–47].

В своей статье **«От обязанности к призванию, от призвания к праву»** философ Э.Ю. Соловьев (род. 1934) привел довольно проработанную типологию понятий «индивид», «индивидуальность» и «личность» как исторических феноменов. По его мнению, процесс индивидуализации является продуктом развития социальных норм. Каждому из вышеуказанных понятий соответствует своя норма. Обязанностям соответствует понятие «индивид», поскольку они являются изначальным атрибутом любого общества. Индивид, таким образом, несет ответственность за несоблюдение каких-либо установленных социальных правил. Когда общество начинает требовать от индивида соблюдения норм, противопоставленных друг другу (например, религиозных и светских), он вынужден предпочесть одни нормы другим. В этом свободном выборе индивид скрывает свое «Я» за сверхличными понятиями предопределения, судьбы, мистического откровения. В результате в сознании индивида рождается понимание своего призвания, в процессе реализации которого конструируется его индивидуальность. А формирование правовых норм, оказывающих *«<...> предварительное доверие к воле и самодисциплине каждого»* [41, с. 52], способствует появлению личности, сознание которого трансформируется в **«правосознание»**. Вследствие этого Э.Ю. Соловьев наделяет личность следующими характеристиками: *«<...> уверенность в своей правоспособности; терпимость к чужим верованиям, мнениям и обычаям; уважение чужих личных и имущественных прав; стремление к независимому достижению выгоды и благополучия; независтливость; сравнительно-состязательное понимание заслуг и успеха; неукоснительное соблюдение соглашений и договоров; признание приоритета справедливости перед состраданием и приоритета гражданской порядочности перед героико-патриотическими, семейными и конфессиональными добродетелями»* [41, с. 53]. В таком понимании личность оказывается феноменом глубоко преданным нормам гражданского секулярного общества. В процессе своего рассуждения философ устанавливает строгие хронологические рамки существования рассматриваемых феноменов: индивид является столь же древним, как и само общество, индивидуальность появляется в период Ренессанса, а личность – в период Просвещения. Автор понимает данное упрощение, но все же не отрекается от него указывая: *«Типологически*

Ксеркс и Тамерлан – всего лишь индивиды, возвысившиеся над ордами малых. А вот Акакий Акакиевич Башмачкин – индивидуальность. Он ведь призван, взыскан к жизни «вечною идеей будущей шинели» [41, с. 54]. Возможность осознания (пусть и мистического) собственного призвания персидским царем и Великим эмиром автор по какой-то причине отрицает. Достаточно грубое упрощение исторической действительности происходит в угоду стройности представленной типологии, что на наш взгляд отражает ее неприменимость в историческом исследовании.

Филолог-германист, культуролог и литературовед А.В. Михайлов (1938–1995) в своем эссе *«Надо учиться обратному переводу»* указал, что современная наука еще не создала язык, *«<...> на котором можно было бы адекватно говорить об изменениях, которые происходят с человеческой личностью на протяжении веков»* [41, с. 56]. Ученый подчеркнул, что личность на протяжении истории претерпевает весьма быстрые и фундаментальные изменения касающиеся: 1) *ее внутренней устроенности* (мироощущение и мировоззрение); 2) *самоосмысления человека*. Кроме того, со временем также изменяется и язык самоосмысления. Это ведет к тому, что общие схожие стороны между личностями разных эпох относительно уловимы, а вот адекватное восприятие частных и нюансов становится все более сложным. Автор отмечает, что моменты рефлексии человеческой личности можно заметить уже в Сократовскую эпоху. Также во все эпохи существовал феномен «гениальности» личности, каждый раз находящей уникальный путь, который, однако, предусмотрен самой устроенностью культуры. По мнению ученого, разные культурные явления, в том числе и личность, на протяжении истории *«<...> беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки»* [41, с. 58]. Поэтому наука должна: во-первых, разработать язык, который позволил бы адекватно говорить о смене типов человеческой личности на протяжении истории и о содержании каждого из них; во-вторых, научиться *«обратному переводу»* культурных явлений, т.е. возвращению к первоначальным смыслам для их понимания [41, с. 56–58].

Резюмировал содержание вышеназванных работ Л.М. Баткин в статье *«К спорам о логико-историческом определении индивидуальности»*. Он подчеркнул незавершенность данного обсуждения и в качестве основной проблемы назвал то, что дискуссия ведется в непересекающихся плоскостях, а одни и те же понятия наделяются разными, подчас противоположными смыслами. Ученый отметил, что часть исследователей используют понятия «индивидуальность» и «личность» в качестве синонимов, часть их противопоставляют для описания «внутреннего» и «внешнего» человека, кто-то возводит в ранг личности лишь «выдающегося» индивида, а кто-то рассматривает данный феномен исключительно в нравственной плоскости.

Также он указал на три общих подхода, в рамках которых, авторы строили свои рассуждения: 1) *психологический подход* – под «индивидуальностью» и «личностью» понимается человек с типовой психосоматической характеристикой (природной или воспитанной); 2) *социологический подход* – человек рассматривается как отдельный участник тех или иных объектных отношений; 3) *культурологический подход* – человек рассматривается как субъект культуры (продукт, автор, участник культурно-исторического развития). Собственно, Л.М. Баткину ближе последний подход. Он указывает: «<...> индивидуальность и личность присутствуют исторически и актуально только в тех цивилизациях, которым известны идеи (понятия) «индивидуальности», «личности» и которые пользуются этими (или аналогичными) словами для обозначения идеальных, регулятивных координат. Следовательно, индивидуальным отличием и своеобразием дорожат» [41, с. 73]. Таким образом, по его мнению, говорить об индивидуальности и личности человека, можно только в том случае, если он сам видит себя индивидуальностью и личностью, понимает свое своеобразие и ценит его. Соответственно и культура, к которой он принадлежит, должна осознавать его ценность. Данная позиция имеет право на существование, поскольку она позволяет увидеть своеобразие мира с присущих изучаемым человеку и культуре перспектив. Однако фиксация опыта человека и культуры прошлого, даже соответствующая исторической действительности, не может считаться предельным знанием, на которое ориентирована наука. Нужно также рассмотреть механизмы формирования этого опыта, причины и закономерности его возникновения, т.е. перейти к номотетическому обобщению. На наш взгляд, для наиболее полного рассмотрения человека в истории, необходимо использовать все три подхода, отмеченные Л.М. Баткиным. Индивидуальность и личность являются скорее качественными разнонаправленными (вовнутрь и вне) имманентными реальностями существования человеческого индивида, а неделимая совокупность психосоматической, социальной и культурной составляющих¹⁹ его жизни наполняют их тем или иным уникальным и постоянно динамичным содержанием (чувствами, опытом, ценностями, самоощущением, мировоззрением).

Окончил дискуссию, развернувшуюся во втором выпуске «Одиссея», А.Я. Гуревич своей статьей **«Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры»**, которая является скорее ответом Л.М. Баткину, чем другим ее участникам. Ученый отметил, что дискуссия выявила две вещи: 1) наличие живого интереса к проблеме, которая всех касается; 2) неподготовленность научного сообщества, которое не только не

¹⁹ Каждая из этих составляющих опосредована друг другом. Их произвольная разбивка ведет к упрощению объекта изучения и отражается на адекватности научного познания.

способно эту проблему решить, но и четко и непротиворечиво ее поставить. В качестве единственного выхода из ситуации А.Я. Гуревич называет необходимость обсуждать подобные проблемы, оттачивая понятия. Далее ученый критикует позицию Л.М. Баткина о несуществовании «личности» до эпохи Возрождения, в которой, по мнению последнего, появилось это понятие в современном значении: *«Сейчас же я хотел бы спросить моего коллегу, как быть с такими понятиями, как «культура», «цивилизация», «общество»? Ведь и они – весьма недавнего происхождения, в том смысле, какой ныне мы вкладываем. <...> историку приходится оперировать двумя не совпадающими рядами понятий – научными понятиями, сложившимися в новое время, и понятиями, которыми пользовались люди изучаемой эпохи. <...> Вся проблема состоит в том, как сочетать наше, современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры»* [41, с. 76]. После ученый доказывает факт существования личности в средневековье на примере проповеди францисканского монаха Бертольда Регенсбургского (ок. 1210–1272) *«О пяти талантах»*, которыми Господь наделил человека – в трактовке А.Я. Гуревича это личность, которая характеризуется моральной и социальной ответственностью, призванием и службой, богатством и собственностью, временем и любовью к ближнему [41, с. 79]. Далее он высказывает свою позицию, согласно которым личность – это внеисторическое явление, изначально присущее человеку: *«<...> всегда существуют исторически определенные типы личностей. Их поведение может быть унифицировано или, напротив, индивидуализировано, но к проблеме существования личности это прямого касательства не имеет»* [41, с. 86]. В конце своей статьи А.Я. Гуревич отметил необходимость синтеза социальной и культурной истории, поскольку, обособляя социум и культуру невозможно понять ни того, ни другого, и призвал продолжить дискуссию [41, с. 87–89].

Таким образом, история ментальностей является первым научным направлением, сформировавшимся в рамках антропологически ориентированной истории. Базовым для него стало принятие человека в качестве Творца истории со всеми его психосоматическими, социальными и культурными установками. Истории ментальностей характерна изначальная методологическая направленность на междисциплинарность, что, вкупе с идеей «тотальности» историописания, порождает стремление к всеохватности исторического познания. Обновленный и работоспособный научный подход, к тому же институционализированный французской школой «Анналов», позволил заявить о создании т.н. «новой исторической науки»²⁰. Нетрадиционная советская историческая наука развивалась в том же направлении, что и западная (прежде

²⁰ Понятие закрепилось с выходом во Франции одноименного энциклопедического справочника *«Новая историческая наука»* (1978).

всего в лице французской историографии). Однако многие советские историки, в отличие от западных коллег, долгое время не получали широкого признания. Перспективным идеям не уделялось должного внимания, а ученые их придерживающиеся, оказывались на маргинальных позициях. Резкие изменения произошли лишь во второй половине 80-х гг. XX в. Выход русскоязычной исторической науки из изоляции стимулировал рецепцию западных подходов, концепций и понятийного аппарата. Ориентация на опыт французской медиевистики во многом обусловлена личностью и научной деятельностью А.Я. Гуревича, который сумел собрать вокруг своего семинара по исторической психологии и альманаха «Одиссей» многих историков, культурологов, философов, филологов и литературоведов, придерживающихся антропоцентричных взглядов в социально-гуманитарном знании. Развернувшаяся на страницах альманаха дискуссия об «индивидуальности» и «личности» в истории отразила существовавший в позднесоветской историографии плюрализм мнений. С одной стороны, это актуализировало теоретические разработки в данном направлении, а с другой – способствовало популяризации новых подходов, по-иному рассматривающих человека в истории.

2.3 Индивидуализация предмета «исторической антропологии» в западной и русскоязычной историографии

Междисциплинарная программа изучения прошлого, разработанная Л. Февром, предвосхитила развитие социально-гуманитарных наук как во французской школе «Анналов», так и в других национальных историографиях. Французский ученый полагал, что представителям различных дисциплин придется объединить усилия для получения максимально полных и достоверных результатов. Предполагалось тесное сотрудничество между историками, лингвистами, литературоведами, психологами, философами и т.д. Частично этот подход был реализован, о чем говорит опыт «Анналов» и других периодических изданий (в том числе и «Одиссея»), объединявших на своих страницах представителей самых разных дисциплин. Однако, за пределами медиевистики нередко все выглядело иначе. Каждая из дисциплин вступила в междисциплинарное пространство со своим набором правил и разным, часто противоположным, пониманием тех или иных явлений, что вело к борьбе за первенство в дисциплинарной иерархии и утверждение собственной методологической правоты. Это значительно усложняло междисциплинарный диалог, поскольку в сложившейся полифонии голоса одних дисциплин оказались практически не различимыми, а других звучали слишком самоуверенно, чтобы к ним прислушались. Многими историками представители других дисциплин

стали видаться в качестве «возмутителей спокойствия, которые занимаются не своим делом», и, к тому же, ставят под угрозу основные методологические постулаты. Наиболее показательным в этом отношении является т.н. «лингвистический поворот» [49, с. 121]. Его сторонники поставили вопрос о степени обусловленности поведения человека его языковой практикой, так как предполагалось, что она детерминирует мышление, а, следовательно, и действия. Получалось, что историк должен стремиться познать не «историческую действительность», а «дискурс эпохи», который все в ней обуславливает. Но поскольку историк погружен в дискурс своей эпохи и не существует вне его, то, следовательно, он занимается вовсе не изучением прошлого, а созданием настоящего в виде собственных представлений о прошлом. Этот подход лег в основу крайних форм исторического идеализма и отнес историческую науку в разряд художественного искусства. В русскоязычной историографии мнение историков в отношении данной проблемы разделилось: кто-то принял идеалистический подход – например, Г.И. Герасимов (род. 1957), кто-то стал его оспаривать – И.М. Савельева, А.В. Полетаев [55, с. 483–484, 497–498], но большинство представителей академической среды проигнорировало проблему. В ходе таких коллизий пострадал сам междисциплинарный подход. Вместо того, чтобы совместно работать над изучением прошлого и развивать совместную теорию²¹, представители социально-гуманитарных дисциплин отгородились друг от друга, но при этом стали активно присваивать теоретические концепты друг друга. Главным недостатком этого процесса стало отсутствие семантического единства в понятийном аппарате социально-гуманитарных дисциплин. Вследствие этого, рецепция теоретических концептов друг друга каждый раз сопровождается односторонней переоценкой и переосмыслением исходного понятийного аппарата. С одной стороны, это способствует творческому преобразованию теоретических концептов, а с другой – усиливает полифонию в междисциплинарном пространстве, что лишь усложняет междисциплинарный диалог. В результате, часто представители различных дисциплин, говоря об одном и том же, подразумевают совершенно разные вещи. Характеризуя данный процесс, И.М. Савельева указывает на то, что историки практически перестали производить собственные исторические теории, приводя в качестве последней теорию «Долгого средневековья» Ж. Ле Гоффа (1985) [54, с. 17]. При этом рецепция теорий других дисциплин потребовала от историков высокой квалификации и энциклопедических знаний, что является

²¹ Так, например, исторические и филологические дисциплины должны сотрудничать столь же тесно, как физические и математические дисциплины, которые вовсе не могут существовать друг без друга, поскольку обуславливают друг друга, изучая предмет и язык его описывающий. На деле же, историки создают собственную «филологическую картину мира» при изучении понятий, текстов и произведений, а филологи пишут собственную историю, изучая литературу, язык и авторов этих произведений. В результате филологический аспект в познании историков и исторический аспект в познании филологов оказываются не адекватными и чрезвычайно отстающими относительно современных научных достижений этих дисциплин.

трудным вызовом в современных условиях, характеризующихся методологическим многообразием и индивидуализацией форм и подходов. Со «стратегией присвоения» и сопутствующими ей трудностями связано развитие исторической антропологии.

Понятие «историческая антропология» получило распространение во французской историографии в 70-х гг. XX в. и было сконструировано по образцу французской и британской социальной антропологии, и американской культур-антропологии, часто объединявшихся под общим наименованием «этнология» [32, с. 28]. В 1974 г. вышел специальный номер журнала «Анналы», озаглавленный **«За антропологическую историю: понятие взаимного обмена»** и посвященный вопросам экономической антропологии в истории. В 1978 г. понятие закрепилось благодаря статье А. Бюргера (род. 1938) **«Историческая антропология»**, вышедшей в энциклопедическом справочнике «Новая историческая наука». В 1986 г. им же была написана статья об исторической антропологии для **«Словаря исторических наук»**. В обоих справочных изданиях также присутствуют и статьи об истории ментальностей: в первом – написанная Ф. Арьесом (1914–1984), а во втором – Ж. Ревелем (род. 1942), что говорит о раздельном восприятии этих направлений [32, с. 41]. Данная ситуация во французской историографии просуществовала вплоть до 90-х гг. XX в.

В английской историографии понятие «историческая антропология» стало применяться раньше, чем во Франции, благодаря отсутствию истории ментальностей с практически аналогичным предметным полем, и ввиду сильной школы социальной антропологии, крупнейшими представителями которой были Б. Малиновский (1884–1942), А. Радклифф-Браун (1881–1955), Э.Э. Эванс-Причард (1902–1973). Последний в 1961 г. выступил с призывом к сотрудничеству антропологов с историками. В 1970 г. британский историк и антрополог А. Макфарлейн (род. 1941) издал книгу **«Семейная жизнь Ральфа Джосселина, священника XVII века»** с подзаголовком **«Очерк исторической антропологии»**, что можно считать началом использования этого понятия в практическом исследовании. Данная работа представляет собой биографию заурядного человека, рассказанная сквозь призму его повседневной жизни с привлечением обширного сравнительного этнографического материала. В дальнейшем представители исторической антропологии в Великобритании чаще всего использовали ту же стратегию работы – объединение исторического и этнографического материала. Однако повторно понятие «историческая антропология» было использовано лишь в 1987 г. в работе П. Берка (род. 1937) **«Историческая антропология Италии начала Нового времени»**, посвященная коллективным представлениям и формам общения итальянцев в XVI–XVIII вв. [32, с. 41–44, 52, 63].

В немецкой историографии интерес к исторической антропологии возник во второй половине 60-х гг. XX в. Он связан с программой преобразования социальной истории в историческую антропологию, изложенной историком Т. Ниппердаем (1927–1992) на Фрайбургском конгрессе историков ФРГ в 1967 г. В качестве предмета нового направления ученый назвал взаимоотношения личности и общества, развивающиеся в конкретном месте и конкретной эпохе. В 1975 г. во Фрайбурге был основан Институт исторической антропологии. Также в 70-х гг. XX в. в Германии образовались еще два центра историко-антропологических исследований: 1) Отделение исторического исследования поведения при Штутгартском университете во главе с А. Ничке (род. 1926); 2) группа исследователей, работавшая в Институте истории Общества имени Макса Планка в Гёттингене, в которую входили Х. Медик (род. 1939), Ю. Шлюмбом (род. 1942) и др. [32, с. 47–48]. В плане выбора предмета исторической антропологии немецкие историки в большей степени ориентировались на опыт французских коллег, и почти не использовали этнографический материал. В начале 80-х гг. XX в. на этой почве в Германии зародилась «история повседневности», которая быстро набрала обороты и получила признание за пределами страны.

В то же время, в США свое развитие получила «новая культурная история», на которую значительное внимание оказала *«интерпретативная теория культуры»* антрополога и социолога К. Гирца (1926–2006). Под культурой ученый понимает систему представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди сохраняют, развивают и передают свой опыт и понимание жизни. В качестве основных инструментов познания культуры он предлагает «насыщенное описание» и герменевтическое толкование символов. Данный подход был достаточно сильно раскритикован европейскими учеными, поскольку он не обеспечивает четкое деление на правильную и не правильную интерпретацию культуры и, в целом, верифицируемость исследования. В дальнейшем развитие антропологической истории в США продолжалось в достаточно тесной связи с этнологией и опытом европейских коллег [32, с. 87].

Всеобщее признание получила микроистория, зародившаяся в Италии в 70-х гг. XX в. Программной статьей данного направления считается совместная работа К. Гинзбурга (род. 1939) и К. Пони (1927–2018) под названием *«Имя и игра: Неэквивалентный обмен и исторический рынок»* (1979). В ней ученые выдвинули идею микроистории, предполагающей максимально детальный анализ жизни людей прошлого, их взаимоотношений, выполненный в антропологическом ключе. Во французском варианте эта статья получила соответствующее название – «Микроистория». Основным инструментом в данном направлении является микроанализ, который позволяет увидеть

преломление общих процессов в определенной точке реальной жизни. Среди значительного количества работ итальянской микроистории выделим две, которые хоть и не отражают своеобразие и масштаб этого направления в полной мере, но достаточно показательны для нашего исследования: 1) **«Сыр и черви. Картина одного мельника жившего в XVI в.»** (1976) К. Гинзбурга; 2) **«Нематериальное наследство: Карьера экзорциста в Пьемонте XVII века»** (1985) Дж. Леви (род. 1939). В обеих работах в центре повествования расположен отдельный индивид, взаимодействующий со сложной социальной средой в которой он существует. Благодаря микроанализу, исследователи смогли рассмотреть не только личности своих персонажей, но и окружающую их социокультурную реальность в ее конкретных проявлениях. Личность здесь выступила в роли «линзы», естественным образом помещенной внутрь исторической действительности и изнутри преломляющей ее изображение в различных формах. В результате исследователи приобрели возможность рассмотреть историческую действительность максимально подробно в новом ракурсе на относительно широком участке (за счет многообразия социокультурных сфер в которые погружен индивид). Новый микроисторический подход получил наибольшее распространение в последнем десятилетии XX в. Благодаря ему антропологически ориентированная история начала развиваться в сторону индивидуализации собственного предмета. Более того, микроистория стала претендовать на создание новой парадигмы социально-гуманитарных наук, предполагающей рассмотрение изучаемой реальности «под микроскопом» и сквозь призму индивидуального. Однако, вскоре пришло понимание, что микроанализ не пригоден в изучении макрообъектов, а для генерализации в микроисторических трудах все также используются достижения макроистории [32, с. 89–93]. Поэтому микроанализ лишь дополняет инструментарий историка, и может быть использован в зависимости от поставленных исследовательских целей.

В советской историографии историческая антропология первое время отождествлялась с историей ментальностей. Главным образом это связано с опытом восприятия французской историографии, которая также не сразу пришла к четкому разграничению двух направлений. Поводом для изменений стало интервью, которое в декабре 1991 г. в Париже А.Я. Гуревич взял у Ж. Ле Гоффа. Позже оно было опубликовано в книге **«Исторический синтез и Школа «Анналов»** (1993), которую российский историк готовил несколько лет. На его вопрос о взаимозаменяемости понятий «история ментальностей» и «историческая антропология» Ж. Ле Гофф ответил несколько неожиданно: *«История ментальностей и историческая антропология никогда не смешивались. Они сложились почти одновременно, но соответствовали разным целям и объектам. Историческая антропология представляет собой общую*

глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения «Новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие, как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п. Ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения» [19, с. 297]. Таким образом, по мнению Ж. Ле Гоффа, «историческая антропология» является предельно широким понятием. В такой трактовке она более сопоставима с антропологически ориентированной историей или «новой исторической наукой», нежели с историей ментальностей, и олицетворяет собой скорее общий подход к изучению истории, чем отдельное направление. Последняя, наоборот, является предельно суженным понятием, что отсылает нас к истории его зарождения во французской антропологии и психологии начала XX в., о чем писалось выше. В результате история ментальностей оказывается лишь составной частью проблематики исторической антропологии. Высказывание французского историка, о том, что эти направления никогда не смешивались является достаточно спорным и не сразу было понято в русскоязычной историографии. Однако оно свидетельствует о существовавшем стремлении развести понятия и избавиться от неоднозначности их смысла. Кроме того, как указывает М.М. Кром: *«Эти тенденции можно связать с усилением индивидуализирующего подхода в исторической науке и с отказом от преимущественного внимания к детерминантам, к которым, безусловно, относится и теория ментальностей»* [32, с. 73]. Таким образом, антропологически ориентированная история развивалась по пути от изучения «среднего» человека, обобщенного образа социального слоя или целого народа, к более узкому предмету – вплоть до мелких социальных групп, часто ставя в центр одного человека, что характерно для вышеупомянутых работ А. Макфарлейна, К. Гинзбурга, Дж. Леви.

Однако, тенденция к индивидуализации предмета на первый взгляд не просматривается в тематике выпусков «Одиссея», избираемой редакцией в 90-е гг. XX в., за некоторым исключением: 1991 – «Культурно-антропологическая история сегодня», 1992 – «Историк и время», 1993 – «Образ Другого в культуре», 1994 – «Картина мира в народном и ученом сознании», 1995 – «Представления о власти», 1997 – «Культурная история социального», 1998 – «Личность и общество. Проблемы самоидентификации», 1999 – «Трапеза», 2000 – «История в сослагательном наклонении». Отчасти это связано с выходом в свет в 1997 г. альманаха **«Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»** под редакцией Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова (род. 1961), который занял собственную нишу в рамках микроисторического подхода. Предпосылкой к созданию журнала служит деятельность группы ученых по изучению исторической

демографии, организованной в 1987 г. при Институте всеобщей истории АН СССР под руководством Ю.Л. Бессмертного. В 1990 г. сообщество получило название «Новая демографическая история», а в 1994 г. – «История частной жизни и повседневности». Идея создания нового журнала пришла Ю.Л. Бессмертному в 1995 г., а подготовка первого выпуска велась на протяжении 1996 г. Редакция альманаха следовала нескольким основным принципам: 1) соразмерность исследования индивиду, который является не только главной темой исследования, но и его универсальным смысловым и масштабирующим центром при создании образа прошлого (т.е. образ прошлого ограничен той исторической реальностью, в которой существовал индивид); 2) принцип многоплановости изложения, согласно которому изучаемый объект одновременно рассматривается с нескольких позиций, под разными углами зрения и в различных смысловых контекстах; 3) ориентация на уникальное и необычное в истории – то, что может удивить своей оригинальностью; 4) положительное отношение к вызовам постмодернизма, позволяющего производить анализ и деконструкцию исторических метанарративов [9, с. 155–157]. Данные принципы соответствовали процессам, происходящим в 90-х гг. XX в. во французской историографии, характеризующимися «критическим пересмотром» основных положений исторической эпистемологии. Главные изменения коснулись предмета исторического исследования. Под обществом стало пониматься не совокупность различных «структур большой длительности» (экономических, идеологических, культурных и ментальных), а взаимодействие субъектов исторического процесса («акторов») в каждой конкретной ситуации. Ю.Л. Бессмертный в программной статье, открывающей первый номер альманаха, выделяет три преимущества данного ракурса: 1) в центре внимания оказываются конкретные индивиды; 2) берется установка на изучение постоянно меняющихся ситуаций конкретной жизненной практики; 3) базовые общественные структуры изучаются не абстрактно, а в контексте их влияния на конкретных субъектов, способных испытывать и преобразовывать это воздействие сугубо индивидуально [6, с. 15]. Далее ученый подчеркивает: *«По мысли сторонников этого подхода, на его основе можно с недоступной никогда в прошлом полнотой реконструировать индивидуальные стратегии отдельных участников исторического процесса и их биографии. Ведь исходным материалом оказывается «прагматическое положение» каждого человека, его индивидуальные особенности, а не – как прежде – его принадлежность к той или иной из больших социальных или производственных групп (класс, сословие, профессия и пр.)»* [6, с. 16]. Таким образом, сторонники «прагматического подхода» отказываются от признания решающей роли социальных, экономических, культурных, ментальных структур в определении смысла социальных отношений. По их мнению, этот смысл каждый раз определяется

конкретной житейской ситуацией, которая, хоть и сложилась в рамках упомянутых структур, но при этом обладает уникальной совокупностью черт, игнорирование или недооценка которых ведет к фактическим ошибкам в исследованиях и созданию образа неизменчивой, статичной исторической реальности.

Таким образом, в процессе своего развития, антропологически ориентированная история, в лице микроистории и сторонников «прагматического подхода», пришла к осознанию познавательной эффективности нового типа исследования – ставящего во главу угла индивида и биографичного по своей сути. Это отразилось на общей тенденции развития предмета исторической науки в сторону его индивидуализации, характерной для 80-х – 90-х гг. XX в. Данные изменения не могли остаться незамеченными, и одним из результатов теоретической рефлексии исторического сообщества стало появление концептов «персональной истории» (в западной историографии) и «новой биографической истории» (в русскоязычной историографии), рассматривающих биографию как форму антропологически ориентированного историописания.

Подводя итог под вышесказанным отметим, что развитие антропологически ориентированной истории условно можно разделить на три этапа: 1) конец XIX в. – начало 60-х гг. XX в.; 2) вторая половина 60-х гг. XX в. – конец 70-х гг. XX в.; 3) начало 80-х гг. XX в. – первая четверть XXI в. Для **первого этапа** характерно: а) отказ от позитивизма; б) теоретическое оформление новой парадигмы социально-гуманитарного знания, выраженное в разработке новых философских (неокантианцы), методологических (А.С. Лаппо-Данилевский) и практических (первое поколение школы «Анналов») подходов к изучению исторической реальности, отдающих главенствующую роль в историческом процессе человеку как Творцу истории; в) «психологизация» предмета истории – представление о важнейшей роли психической деятельности человека, лежащей в основе изменений исторической реальности (А.С. Лаппо-Данилевский, Л. Февр); г) первые «пробные» практические работы, выполненные в новом духе (Й. Хёйзинга, М. Блок, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин, Б.А. Романов). Для **второго этапа** развития антропологически ориентированной истории характерно: а) практическое оформление новых научных направлений с общим предметным полем (история ментальностей и историческая антропология); б) рецепция подходов социально-культурной антропологии; в) «культурологизация» предмета истории – основное внимание стало уделяться социокультурному аспекту исторической реальности, за которым признается преобладающая роль в формировании общества и индивида, и который, следовательно, обуславливает исторический процесс; г) повышенное внимание к социальным, культурным, ментальным структурам и «типичному»

индивиду; д) ориентация на междисциплинарное сотрудничество и принцип «тотальности» историописания, позволившие заявить о появлении «новой исторической науки»; е) авангардное положение французской медиевистики, вслед за которой происходило развитие других – в том числе и русскоязычной – историографий. **Третий этап** характеризуется: а) дисциплинарным дроблением антропологически ориентированной истории (история ментальностей, история повседневности, новая культурная история, микроистория и т.д., часто объединяющиеся под общим наименованием «историческая антропология»); б) выдвижением на первый план микроисторического подхода; в) «индивидуализацией» предмета истории, в результате чего в центре изучаемой социокультурной реальности оказывается индивид, понимаемый в качестве «актера» исторического процесса, уникально его переживающий, и наполняющий социокультурную реальность собственным смыслом, а затем, в ходе социального взаимодействия, преобразующий ее; г) признанием равнозначности психосоматических, социальных и культурных факторов, влияющих на индивидуальность человека и его действия; д) стремлением к многоплановости изложения исторического материала; е) повышенным вниманием к методологической рефлексии.

ГЛАВА 3 КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИДЕИ «НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (КОНЕЦ 90-Х ГГ. XX В. – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI В.)

3.1 Генезис и развитие понятия «новая биографическая история» в русскоязычной историографии

Индивидуализация предмета исторической науки, характерная для конца XX в. и затронувшая ряд ее направлений, открывала новые перспективы для биографической формы историописания. Осмыслением этих возможностей занялись ученые, представляющие разные течения и школы мировой исторической науки. Русскоязычная историография к этому моменту оказалась в позиции ведомого, пытающегося догнать своих «западных учителей», посредством заимствования у них всего самого лучшего. Это во многом обусловило пути развития биографического жанра в русскоязычном историографическом пространстве. Впервые опыт постижения «западной» биографической истории был представлен в статье Л.П. Репиной **«Персональная история»: биография как средство исторического познания**», опубликованной во втором выпуске «Казуса» в 1999 г. Автор в первую очередь отмечает, что понимание того, каким именно образом коллективные представления, культурные обычаи и традиции определяют поведение людей, и какую роль играет творческое начало в истории, требует выхода на новый уровень анализа индивидуальной деятельности и создания комплексной объяснительной модели, объединяющей индивидуальное и коллективное, единичное и массовое, уникальное и всеобщее. В этих условиях биография получает «второе рождение», а некоторые тенденции, проявившиеся в этой области, *«<...> дают определенные основания говорить о перспективе складывания нового направления со своими специфическими исследовательскими задачами и процедурами»* [46, с. 77]. Данное перспективное направление Л.П. Репина «условно» называет **«новой биографической историей»**, подчеркивая, что в качестве самоназвания используются также такие понятия, как «индивидуальная» и «персональная история». Как видим, здесь автор приравнивает эти понятия друг другу. В качестве главного отличия нового типа биографии от старого, автор отмечает то, что *«<...> в нем личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, «следы» их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения*

социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» [46, с. 78]. Таким образом, предполагается, что новый тип биографии должен отражать историю жизни конкретного человека, раскрывать особенности развития общества, в котором он жил, и, одновременно, характеризовать специфику их взаимоотношений. Объектом подобного исследования выступает историческая действительность в широком пространственно-временном промежутке – т.е. не только затрагивающая место и время в которых жил индивид, но и те место и время, в которых сохранялась социальная и культурная память о нем. Под предметом исследования понимается история взаимодействия индивида с данной исторической действительностью, охватывающая как «личное взаимодействие», так и опосредованное его продуктами творчества. Поэтому важнейшей темой биографии этого типа является не только характеристика индивидуальности и личности человека, но и то, как общество, большое или малое (в зависимости от масштаба личности), реагировало на его действия и продукты творчества. В конечном счете этот анализ охватывает человека и общество в равной степени.

Далее Л.П. Репина рассматривает, ставшую знаменитой, статью Дж. Леви «**Les usages de la biographie**» («Использование жанра биографии»), вышедшую в 1989 г. в журнале «Анналы», и приводит его типологию исторических биографий в своей работе: **1) Просопография и модальная биография** (*Prosopographie et biographie modale*) – биограф уделяет внимание моделям поведения и внешним проявлениям индивидуального опыта, присущим определенным социальным группам с общими чертами (например, биографии «декабристов», «белых офицеров», «российских немцев»). Л.П. Репина указывает на то, что данная версия биографии выбивается из типологии, поскольку, концентрируясь на групповых характеристиках, она по существу является историей анонимов. **2) Биография и контекст** (*Biographie et contexte*) – жизнь личности рассматривается в контексте социальной и культурной действительности, что позволяет выявить в индивидуальном опыте типичное и нетипичное для эпохи, не пренебрегая при этом своеобразием самой личности. По мнению Л.П. Репиной к этой категории в первую очередь относятся историко-антропологические исследования биографий простых людей. **3. Биография и пограничные случаи** (*La biographie et les cas limites*) – изучение жизни личности происходит сквозь призму ее индивидуального уникального опыта, выходящего за рамки «типичного» для эпохи, когда «уникальное» («казусное») оттеняет «обычное». Л.П. Репина отмечает, что преимуществом такого типа исследования является способность продемонстрировать гетерогенность социальной и культурной среды, а недостатком – невозможность объяснения ее внутренней динамики. **4. Биография и герменевтика** (*Biographie et herméneutique*) – внимание уделяется «диалогу» между личностью и

окружающей ее культурной средой, акцент делается на интерпретацию личностно-культурных коммуникационных связей [70, р. 1329–1332]. Затем Л.П. Репина обращает внимание на проблемы биографических исследований, отмеченные Дж. Леви (соотношение нормы и реальной практики, группы и индивида, детерминации и свободы), решение которых является основной задачей нового типа биографии. В качестве самоназвания такого типа биографии, автор видит, распространенное в англоязычной историографии понятие «**personal history**» («персональная история»). Однако затем, она указывает, что под этим термином часто обозначаются самые разные ракурсы исследования: а) «*история персоны*» – традиционная биография значимого исторического лица; б) «*личная история*» – исследование личных, частных, эмоционально окрашенных отношений индивида; в) «*внутренняя биография*» – в центре оказывается процесс становления личности, ее душевная и мыслительная работа; г) «*экспериментальные интеллектуальные автобиографии историков*» – обычно являются способом рефлексии над исторической профессией. Не исключая возможности комбинирования данных ракурсов исследований, Л.П. Репина сосредотачивает свое внимание на личной и внутренней биографии, оставив в стороне традиционные и автобиографические работы [46, с. 78–82]. Как видим, понятие «персональная история» на практике оказывается гораздо шире понятия «новая биографическая история», поскольку оно включает в себя не только новый тип исследования, но, и традиционную историческую биографию, и автобиографию-рефлексию историка. Л.П. Репина употребляет его в узком смысле и только поэтому получает возможность их использования в качестве синонимов.

Первыми, российский исследователь рассматривает примеры контекстуальных биографий, в которых применяются социологические и антропологические модели сетевого анализа межличностных взаимодействий, популярные в микроистории. Данные модели объясняют поведение индивида или социальной группы морфологией, плотностью, интенсивностью, содержанием и направленностью межличностных контактов. Важным условием для такого исследования, является наличие доступных источников личного происхождения. В качестве удачных примеров таких биографий Л.П. Репина называет: а) работу американского историка Б. Ханавалт (род. 1941) «**Сети влияния леди Хонор Лиль**» («Lady Honor Lisle's Networks of Influence», 1988), созданную на основе архива личных писем английской придворной дамы времен Генриха VII (1457–1509); б) книгу американского историка П.С. Сивера (род. 1932) «**Мир Уоллингтона: Пуританский ремесленник в Лондоне XVII в.**» («Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth-Century London», 1985), посвященную внутреннему миру и индивидуальной специфике восприятия мира внешнего английского ремесленника XVII в., оставившего

около 50 томов дневников, писем и наставлений детям; в) работу канадского историка М. Филлипса (род. 1946) **«Мемуары Марко Паренти»** («The Memoir of Marco Parenti», 1987), воссоздающую личность и жизнь флорентийского торговца шелком времен Медичи, чьи обширные воспоминания и дневники также сохранились до наших дней [46, с. 83–86].

Затем Л.П. Репина упоминает работу Ж. Ле Гоффа **«Людовик IX Святой»** (1995) в качестве примера *«<...> грандиозной монографии <...>, которая еще долго будет служить эталоном новой биографической истории»* [46, с. 86]. Французский историк работал над этой книгой пятнадцать лет, и по его собственному признанию он *«<...> не без содрогания понял: историческая биография – один из самых сложных жанров исторической науки»* [36, с. 16]. Дело в том, что Ж. Ле Гофф в своей работе постарался совместить ряд современных подходов и привнести в биографический жанр новое понимание его места и роли в историописании. Во-первых, автор под «исторической биографией» понимает именно историческое исследование, целью которого является открытие нового исторического знания. Простое событийное описание жизни личности прошлого, «романтизированная биография», чрезмерное увлечение биографа «неуместным психологизмом» и «голословными» необоснованными выводами, отсутствие дистанции между автором и героем биографии, попытки «вжиться» в своего героя, обыкновенное несоблюдение методологии исторической науки, и другие проблемы присущие большинству изданных биографий в XX в., заставляют Ж. Ле Гоффа заявлять о том, что историческая биография, «за некоторыми блестящими исключениями», в середине XX в. перестала существовать [36, с. 16]. Во-вторых, французский историк представляет героя биографии в качестве «глобализирующего объекта», вокруг которого организуется все поле исследования, и который *«<...> кристаллизует вокруг себя все свое окружение и все сферы, которые выкраивает историк из поля исторического знания»* [36, с. 17]. В результате, границы биографического исследования оказываются предельно широкими и включают в себя социальную, политическую, экономическую, культурную, религиозную и другие сферы исторической действительности, объединенные индивидуальностью и личностью героя. Из этого следует, что существование исторической биографии невозможно вне междисциплинарного подхода. В-третьих, биографическая модель в которой жизнь героя представлена в качестве упорядоченной цепочки важных и логических событий, ведущих к определенному конечному результату, по мнению Ж. Ле Гоффа, несостоятельна, поскольку она создает «биографическую иллюзию» цельной и сложившейся личности, действующей осмысленно и без колебаний, что, естественно, не приближает историка к реальному человеку прошлого. Биограф, наоборот, должен обращать внимание на проблемы выбора, перед которым стоял герой, на

его сомнения, сожаления и противоречивость социальных ролей, которые он играл, а также допускать возможность принципиальной непостижимости некоторых противоречивых аспектов его личности. В-четвертых, Ж. Ле Гофф указывает на ошибочность противопоставления индивидуума и социума, поскольку человек *«<...> существует лишь в переплетении многообразных общественных отношений, и именно это многообразие позволяет ему реализоваться»* [36, с. 22]. В этом отношении позиция Ж. Ле Гоффа полностью совпадает с эпистемологическими взглядами Л. Февра, которые в нашей работе рассматривались ранее. Общество и личность опосредованы друг другом и их раздельное изучение не оправдывает себя. В-пятых, по мнению французского историка, хронология биографии и биологической жизни ее героя не должна совпадать. Множество знаний, представлений и привычек человека складываются под влиянием старшего поколения. Поэтому описание жизни следует начинать до рождения героя. По схожей причине окончанию биографии не должно соответствовать время смерти героя, поскольку сохраняется и модифицируется память о нем, а воспоминания, некрологи и работы современников изменяют дальнейшее восприятие его образа и, соответственно, жизнеописание [36, с. 17–24]. Таким образом, подход Ж. Ле Гоффа предполагает «тотальную» историю личности, затрагивающую все возможные аспекты ее жизни. Идеи ученого были успешно реализованы в биографии Людовика IX (1214–1270), которая во многом определила базовые положения концепции «новой биографической истории».

После описания работы Ж. Ле Гоффа, Л.П. Репина указывает на перспективы использования биографического жанра в гендерной истории, который позволяет рассмотреть на практике *«<...> многие проблемы гендерной дифференциации, включая роль матримониального статуса и психологические особенности различных стадий жизненного цикла, ролевые предписания и ограничения, реакции общества на девиантное поведение»* [46, с. 88]. Кроме того, оригинальность и сложность нового типа биографии, как адекватного средства исторического познания, способствует разработке и обновлению методологических приемов, а также переосмыслению предмета и специфики исторической науки. Так, Л.П. Репина указывает на две узловые проблемы с которыми столкнулись исследователи: 1) правомерность экстраполяции наблюдений за судьбой одного индивида в область коллективного опыта; 2) понимание механизма принятия решений индивидуумом [46, с. 92]. Однако, сам подход «новой биографической истории» подразумевает преодоление этих трудностей, поскольку вместо противопоставления индивида и социума он предполагает совместное изучение того и другого в контексте их взаимоотношений, а также допускает невозможность окончательного познания индивидуальности и личности героя, оставляя за ним некую личную тайну.

Статья Л.П. Репиной, вышедшая во втором выпуске «Казуса», стала программной для концепции «новой биографической истории». Впоследствии автор еще не раз возвращалась к данной проблематике. В 1999 г. под ее редакцией начал издаваться альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем» – периодическое издание, созданное при «Центре интеллектуальной истории» Института всеобщей истории РАН. Сам Центр был открыт под руководством Л.П. Репиной в 1998 г. и связан с «Международным обществом интеллектуальной истории» (International Society for Intellectual History– ISIH), основанным в 1994 г. В 2001 г. было создано Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ). Л.П. Репина стала его президентом, а «Диалог со временем» – печатным органом. В настоящий момент география деятельности РОИИ сильно расширилась; его отделения действуют в 36 регионах Российской Федерации. Помимо «Диалога со временем» общество издает информационно-аналитическое издание «Вестник РОИИ», ежемесячно проводит научный семинар «Интеллектуальная история и современная историческая наука» и ежегодно – научную конференцию по проблемам интеллектуальной истории. Кроме того, на данный момент, благодаря усилиям Общества и его региональным отделениям, изданы десятки сборников, посвященные различной тематике, в том числе и проблемам биографической истории [58, с. 136]. Отчасти это объясняет то интеллектуальное влияние, которое на сегодняшний день приобрели работы Л.П. Репиной и деятельность РОИИ в русскоязычном историографическом пространстве.

В первом выпуске «Диалога со временем» Л.П. Репина следующим образом определила предметную область интеллектуальной истории: «<...> исторические категории мышления, интеллектуальная деятельность и продукты человеческого интеллекта, а также историческое развитие интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралистические, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы» [52, с. 8]. Как видим, свои задачи новое направление видит предельно широко, и поэтому проблематика биографического жанра естественным образом вошла в сферу его интересов. В 2001 г. вышел пятый номер «Диалога со временем» с подзаголовком **«Историческая биография и персональная история»**. Вместо предисловия в нем была опубликована статья Л.П. Репиной под названием **«Историческая биография и «новая биографическая история»** [20, с. 5–12]. В ней исследователь обратила внимание читателя на проблему взаимодействия двух субъектов биографии – автора и героя, каждый из которых вписан в свою собственную эпоху, от которой он глубоко и разносторонне зависим. Это взаимодействие определяет особенности биографического жанра и выводит исследование не только в область «диалога субъектов», но и в область «диалога

культур». Далее автор указывает на то, что именно «<...> в «новой биографической истории», наиболее остро и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема о соотношении и совместимости микро- и макроанализа» [20, с. 7]. И затем Л.П. Репина заявляет о складывании нового направления – «персональной истории», основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования – «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте» [20, с. 7]. В качестве основной задачи персональной истории автор видит одновременное изучение индивидуальности и личности героя и исторического социума, в который он помещен [20, с. 8]. Здесь, сужая основной исследовательский объект персональной истории до персональных текстов (эго-документов) и ставя такую сложную задачу, Л.П. Репина вступает в концептуальное противоречие с собой, поскольку подобная задача требует задействования максимально широкого охвата источников, не только отражающих внутренние переживания и мысли героя, но и позволяющих провести полноценное исследование социокультурной среды, в которой он жил. Персональные тексты в таком исследовании играют важную роль, но лишь в составе целого комплекса других разнообразных источников. В результате в статье Л.П. Репиной вновь создается **иллюзия семантической однородности понятий** «новая биографическая история» и «персональная история». Далее исследователь использует их в качестве синонимов, иногда заменяя понятие «**персональная история**», на словосочетание «**персональная история в широком смысле слова**» [20, с. 9]. Однако, остается неизвестным, насколько «широким» становится это понятие, поскольку, как упоминалось выше, оно может употребляться как для классической исторической биографии, так и для обозначения рефлексивной автобиографии историка. На наш взгляд, наиболее уместно понимание «персональной истории» в самом широком смысле, в качестве совокупного названия области исторических исследований, в центр которых поставлен отдельный индивид.

Проблеме взаимодействия микро- и макроподходов, индивидуального и социального уровня биографического исследования посвящена статья Л.П. Репиной «**Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти**» (2001). В данной работе автор не ушла далеко от предыдущих выводов, рассматриваемый историографический материал практически не расширился, а использование понятий «персональная история» и «новая биографическая история» сохранило те же противоречия, что и ранее [51, с. 344–360]. В другой статье, вышедшей под названием «**Интеллектуальная история в человеческом измерении**» (2006), Л.П. Репина основное внимание уделила актуальности и перспективам биографического подхода в интеллектуальной истории. Она указывает на то, что: «<...>

понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактами психологической и интеллектуальной биографии является краеугольным камнем биографического подхода в интеллектуальной истории» [64, с. 9]. Характерной чертой современной интеллектуальной биографии становится синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа. В этом плане, по мнению Л.П. Репиной, плодотворной выглядит **типология биографического жанра американского ученого Д. Уокера** (род. 1934), в которую входят: 1) биография личности (место и время рождения, образование, семья, черты характера, личная жизнь); 2) профессиональная биография (профессиональная деятельность); 3) библиографическая биография (полный анализ трудов, написанных человеком); 4) ситуационная биография, или биография среды (о социальной и политической среде в которой жила и работала личность, условиях ее жизни). Таким образом, подчеркивает Л.П. Репина, «<...> совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать научной биографией» [64, с. 8]. На наш взгляд, данная типология, прекрасно подходит для характеристики полноценной классической биографии, но не отражает специфику «новой биографической истории», поскольку последняя предполагает выход на качественно иной уровень взаимодействия личности и социума. Подводя итог в своей статье, российский исследователь указывает на то, что для оптимального использования возможностей «новой биографической истории» целесообразно сосредоточить внимание на интерпретации поступков человека прошлого, механизмы выбора и принятия решений. Это, в свою очередь, неизбежно затрагивает проблемы «инаковости», человеческой свободы, и вопрос о воздействии, уже упоминавшихся в нашем исследовании, психосоматических, социальных и культурных факторов, влияющих на индивидуальность человека и его действия.

В дальнейшее время из-под пера Л.П. Репиной вышел целый ряд статей, посвященных биографической истории: «От «истории одной жизни» к «персональной истории» (2006, 2010) [28, с. 55–76], «Историческая биография и интеллектуальная история» (2009) [48, с. 437–464], «От исторической биографии к биографической истории» (2010) [10, с. 5–18], «Биографические исследования в современной российской историографии» (2013) [47, с. 229–232], а также глава «**Персональная история**»: биография как средство исторического познания» в монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика», которая объединила в себе результаты научной деятельности автора [49, с. 287–324]. На наш взгляд, главная проблема всех работ в этом списке в том, что концептуально они не предлагают читателю ничего нового, а их структурные части практически дословно дублируют статью Л.П. Репиной вышедшую в

1999 г. в «Казусе» и друг друга. Отсутствует также разработка и уточнение понятийного аппарата, столь необходимая для биографической истории. Понятия «персональная история» и «новая биографическая история» по-прежнему используется во множестве смыслов и зачастую синонимичны, хотя, по словам самой Л.П. Репиной, в англоязычной историографии семантика понятия «personal history» предельно широкая. В то же время, столь большое количество опубликованных работ обратило внимание исследователей на биографию как средство исторического познания. Так, в русскоязычной историографии стало популярно такое направление как «интеллектуальная биография», а при Ростовском отделении РОИИ был основан исследовательский проект «Человек второго плана». Кроме того, историческое сообщество отреагировало на заявления о появлении нового направления биографической истории своими работами.

Уже в 2002 г. М.М. Кром отметил рост внимания русскоязычных исследователей к индивидуальным судьбам людей: «<...> заговорили даже о складывании «новой биографической», или «персональной истории» [33, с. 184]. Вслед за работами Л.П. Репиной, вышел целый ряд статей, посвященных состоянию и месту биографического жанра в современной исторической науке. Среди них выделим **«Биография в истории: проблемы и перспективы»** (2005) А.С. Соколова (род. 1979) [57, с. 4–11], **«Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса»** (2008) Е.П. Александрова (род. 1982) [1, с. 223–227], **«Историческая биография: упадок или возрождение (аналитический обзор)»** (2011) Ю.В. Дунаевой (род. ок. 1967) [26, с. 8–34], **«Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии»** (2012) Д.А. Жуйкова (род. 1986) [24, с. 133–136], **«Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях»** (2012) Т.Н. Ивановой (род. 1956) и Г.П. Мягкова (род. 1946) [25, с. 167–176], и две во многом однородные статьи Т.Н. Поповой (род. ок. 1950) **«Персональная история VS. Интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия»** (2012) [45, с. 540–563] и **«Историография в человеческом измерении»** (2012) [44, с. 265–292]. Данные работы носят обзорный характер и в рассмотрении концепции «новой биографической истории» не выходят за рамки, заданные Л.П. Репиной. В статьях приводятся, упоминавшиеся выше и некоторые другие типологии биографического жанра, признается определяющее значение книги Ж. Ле Гоффа о Людовике IX и заявляется о существовании нового направления биографической истории. Так, типология Дж. Леви отражается в трудах А.С. Соколова [57, с. 8–10], Ю.В. Дунаевой [26, с. 18–19] и Т.Н. Поповой [45, с. 541]; типология Д. Уокера встречается у Е.П. Александрова [1, с. 224] и Т.Н. Поповой [45, с. 544–545; 44, с. 269–270]; разбор концепции Ж. Ле Гоффа

присутствует у А.С. Соколова [57, с. 4–8], Ю.В. Дунаевой [26, с. 20–22] и Д.А. Жуйкова [24, с. 134]. В каждой из указанных статей заявляется о резком возрастании интереса историков к биографическому жанру, а также о перспективности новых типов биографии. Попытку упорядочить понятийный аппарат современной биографической истории предприняла Т.Н. Попова [44, 45]. В ее версии под «новой биографической историей» понимается «социальная персональная история», в которой *«процедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования, и одновременно – в качестве одной из предпосылок познания исторического социума»* [45, с. 541–542]. Данное определение отражает важную качественную характеристику концепции, но на наш взгляд не является исчерпывающим. В связи с этим, опираясь на вышесказанное, приведем собственную дефиницию этого понятия (впервые появившуюся во введении настоящего исследования): **«новая биографическая история»** – это научная концепция, сформированная в рамках антропологически ориентированной истории и предлагающая новый тип междисциплинарного биографического исследования, в равной степени охватывающий индивидуальность и личность человека, жившего в прошлом, и социокультурную среду, с которой он взаимодействовал, и предполагающий тотальное, многоплановое изучение индивидуальности и личности героя, социокультурной среды и совокупности взаимодействий между ними во всем их многообразии. Практическое воплощение данной концепции в жизнь предполагает достижение цели, носящей двудеятельный характер: 1) максимально полное раскрытие особенностей индивидуальности и личности героя; 2) получение нового знания об исторической действительности, отражающего специфику взаимоотношения индивидуального и коллективного, уникального и всеобщего, микро- и макроуровней, воплощенную в конкретных жизненных ситуациях. Этот подход объединяет множество форм исторического и биографического исследования и носит междисциплинарный, а на наиболее высоком уровне, синтетический трансдисциплинарный характер²². Однако, сложившаяся ситуация в современном социально-гуманитарном знании не способствует развитию междисциплинарности, о чем писалось выше, а основные ее проблемы (отсутствия семантического единства понятийного аппарата, взаимное недоверие и отсутствие диалога, односторонняя рецепция концепций других дисциплин) негативно сказываются на современном положении

²² В понимании трансдисциплинарности мы следуем за Л.П. Репиной: «Что касается современных трансдисциплинарных исследований, то участвующие в них специалисты разных областей знания работают совместно, используя общий концептуальный аппарат, объединяя теории, концепции и подходы отдельных дисциплин для решения общей проблемы. Здесь непременно имеет место попытка определить исследовательскую проблему в ее целостности, с учетом всех ее сторон и, придав им общий фокус, направить соответствующие дисциплинарные перспективы, методы, концепции в русло разработки общего подхода. Сложность как раз и состоит в том, что исследователям предстоит разработать общую методологию, создать общую базу данных и определиться с подходом к их интерпретации» [49, с. 28].

биографического жанра. Трудности развития и практической реализации концепции «новой биографической истории» также заключаются в необходимости преодоления ряда общетеоретических и методологических проблем. Уникальность ситуации, сложившейся в современной русскоязычной историографии, заключается в том, что часть исследователей заявляет о рождении **биографики** – специальной дисциплины, анализирующей данные проблемы, которую мы рассмотрим ниже.

3.2 Теоретические основы биографической истории: оформление и развитие понятий «биографика» и «биографистика»

Рефлексия над биографическим жанром не является чем-то новым в науке. Большое внимание биографии уделяли Ф. Шлейермахер (1768–1834), И. Дройзен (1808–1884), В. Дильтей, Э. Гуссерль [16, с. 89–92]. Облик биографического жанра напрямую зависел от развития исторического сознания в Европе, а на рубеже XIX–XX вв. – от возникновения новых представлений о месте и роли человека в истории. В связи с этим, не удивительно, что понятие **«биографика»** в русскоязычной историографии впервые появилось в начале XX в. Как указывает И.Л. Беленький (род. 1941), данный термин ввел в научный оборот Н.А. Рыбников (1880–1961) [5, с. 234], выдвинувший в 1919 г. проект создания Биографического института – междисциплинарного научного центра, который занимался бы сбором биографической документации, теоретическим осмыслением и практической реализацией основных положений биографической истории [67, с. 419]. Этот проект так и не был реализован, а понятие «биографика» временно вышло из употребления.

Возврат интереса к теоретическим проблемам биографической истории в советской историографии произошел в 70-х гг. XX в. В это время под биографикой чаще всего понималась совокупность научных, научной-популярных и художественных произведений, выполненных в биографическом жанре. Для обозначения теории биографии использовалось понятие **«биографистика»**, в первую очередь включающее в себя исследования по философии биографии, как жанра литературы. После распада СССР данное направление получило свое развитие в украинской историографии, где под «биографистикой» обычно подразумевается вспомогательная историческая дисциплина, а под «биографикой» – совокупность всей литературы биографического жанра [58, с. 33]. В русскоязычной историографии, наоборот, произошел «возврат к истокам» и указанные понятия употребляются в противоположном значении. На наш взгляд, наиболее удачное определение биографики дал И.Л. Беленький в одноименной статье, опубликованной в энциклопедическом справочнике **«Отечественная история: История России**

с древнейших времен до 1917 г.» (1994), в которой под ней подразумевается «<...> спец[иальная] дисциплина и область знания, разрабатывающая теоретич[еские], историографич[еские], методич[еские], источниковедч[еские] проблемы биографий». Она «тесно связана со вспомогат[ельными] и спец[иальными] ист[орическими] дисциплинами (генеалогией, геральдикой, палеографией и др.), филологией, краеведением, словарно-энциклопедическим делом, библиографией и др.» [5, с. 233]. Как видим, автор рассматривает предметную область биографики достаточно широко, подчеркивая ее междисциплинарный характер, что созвучно концепции «новой биографической истории». На данный момент, наиболее полное выражение проблематика новой дисциплины получила в статье А.Л. Валиевского (род. ок. 1960) «**Биографика как дисциплина гуманитарного цикла**» (1995) [11, с. 32–68], которая сконцентрировала в себе результаты его более крупной работы «**Основания биографики**» (1993), статье И.Л. Беленького «**Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции**» (2001, 2006, 2010) [28, с. 37–54] и монографии И.Ф. Петровской (1919–2014) «**Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов**» (2003, 2010) [43]. Опираясь на эти работы, обозначим наиболее важные проблемы, решением которых занимается это направление.

1. Двуединство биографии как исторического исследования и жанра литературы. Как отмечалось выше, упадок биографического жанра, который, по мнению Ж. Ле Гоффа, пришелся на середину XX в., связан с несоблюдением в биографических работах общих требований к историческому исследованию. Данная ситуация обусловлена несколькими факторами. Во-первых, социальный спрос на биографию находится в прямой зависимости от степени индивидуализации общества. И в этом плане XX в. можно по-настоящему назвать «веком биографии». Но неизменно высокая популярность и массовое производство биографий свели биографическое исследование к обычному художественному оформлению собранных фактов о человеке прошлого. Основная функция таких научно-популярных работ заключается в ретрансляции исторического знания в общество, но при этом они часто его искажают в попытках объяснить действия персонажа, производящихся без понимания и соблюдения сложной методологии. Поэтому познавательная ценность этих работ невысока и назвать их полноценными *историческими исследованиями* не представляется возможным. Во-вторых, ориентация академической науки на изучение массового и отсутствие четких методологических границ в изучении единичного, привели к тому, что в среде историков закрепилось представление о неэффективности биографии как исторического исследования. Главная проблема заключается в том, что изучение единичного нерелевантно основным

целям и задачам исторической науки – получению нового конкретного знания об историческом процессе, который невозможно свести к одному человеку. Таким образом, биограф вынужден балансировать между формой и содержанием, двумя функциями жанра – получением нового знания и его ретрансляцией в общество. Поскольку на привлекательную форму есть социальный спрос, а историческое сообщество оказалось не способным контролировать методологическую чистоту таких исследований (а в некоторых случаях и вовсе отказалось исполнять данную функцию), постольку биограф получил свободу самому решать каким образом ему следует писать свою работу. И хоть противоречие между формой и содержанием часто воспринимается как антиномия, все же к концу XX в. сложились предпосылки для ее преодоления. При более близком рассмотрении оказывается, что подобное балансирование присуще любому историческому исследованию, но его познавательная ценность в академическом сообществе определяется именно содержанием. Удачная форма лишь дополняет, придает блеск работе историка, благодаря чему она становится заметнее на фоне остальных трудов. В этом плане биографический жанр в той же мере требует внимания историков к себе, как и любые другие способы историописания, и мало от них отличается. Поэтому биографика основное внимание уделяет именно научному компоненту биографии: методам исследования, источниковедению, методике установления исторических фактов, что особенно заметно на примере работы И.Ф. Петровской [43].

2. Проблема источников. В настоящее время исследователи в наибольшей степени проявляют интерес к источниковедению биографии. Главным образом это касается источников личного происхождения. Приведем классификацию *«основных групп исторических источников для биографий»* разработанную И.Ф. Петровской: *«1) дневники, письма, воспоминания изучаемого лица; 2) его литературные, научные и другие труды; 3) официальные документы, удостоверяющие личность, ее права и обязанности – удостоверения, грамоты, патенты о социальном положении, образовании, чинах, наградах и др.; 4) письма, присланные данному лицу разными лицами и организациями; 5) другие письма, дневники, воспоминания разных лиц, включающие сведения о нем; 6) рецензии на его труды и иные отзывы о нем в современной ему печати (в т.ч. статьи в прижизненных словарях и энциклопедиях); 7) делопроизводственная документация государственных и иных учреждений, общественных организаций, военных и военно-морских частей, где он служил, учебных заведений, в которых он учился, учреждений, с которыми связаны другие факты его жизни (судебно-следственные дела и др.); 8) официальные современные ему издания с биографическими сведениями (аннотированные списки лиц и др.); 9) материалы, дополнительно к дневникам, переписке и проч., раскрывающие круг его интересов – списки прочитанных и купленных книг, выписки из книг, записи*

стихов, песен и т.п., собранные им коллекции; 10) книги его библиотеки с дарственными надписями и его заметками; 11) имущественные и медицинские документы» [43, с. 44]. Данная классификация прекрасно иллюстрирует проблематику классического биографического исследования. Все перечисленные виды источников так или иначе относятся к изучаемой личности, но практически никак не характеризуют историческую действительность, в которой она жила. Поэтому данная классификация не удовлетворяет главному требованию «новой биографической истории» – объединению индивидуального и коллективного в их взаимодействии в одном исследовании. Новый тип биографии требует предельно широкого и разнообразного комплекса источников, уникального для каждого отдельного исследования, поскольку оно определяется масштабирующими свойствами личности. Исследователь, в свою очередь, должен владеть соответствующими навыками работы с различными типами источников. Таким образом, источниковедческая проблема становится непростым препятствием для реализации основных положений концепции «новой биографической истории» на практике.

3. Другой и пределы его понимания. Большое внимание в биографике уделяется изучаемой личности. Как указывает А.Л. Валеvский, «<...> поведение индивидуального человека более индетерминировано, нежели поведение макросообществ» [11, с. 55]. Объяснение мотивов, которыми руководствовалась изучаемая личность, является принципиально незавершенным. Источники личного происхождения (дневники, мемуары, письма) могут подсказать исследователю лишь вектор размышлений, но не раскрыть окончательно причины произошедшего. Слова человека не всегда совпадают с его поступками, поступки с мыслями, а мысли со словами. Исследователь может лишь зафиксировать написанные или произнесенные слова и совершенные поступки, и совершить попытку их объяснения, заранее признав недостижимость истины. Схожей спецификой обладает любое научное знание (не только историческое), но именно в биографии она проявляется столь ярко. Каждый человек по своей природе сохраняет долю иррациональности и нелогичности действий, и признание этого определяет пределы понимания Другого. Поэтому простое изучение фактов из жизни человека, или попытки раскрытия его внутреннего мира, основанные на одних только результатах его творчества, являются малоэффективными. Некоторым преимуществом перед классической биографией обладает объяснительная модель «новой биографической истории», поскольку вводит в исследование дополнительные объективирующие внешние факторы – ценностный, символический, языковой аспекты и культурные условия, характерные для эпохи, экономическое окружение и присущее для него повседневное поведение, обыденность и «казузность» социальной ситуации и т.д. Данные факторы, объединенные в

единый комплекс, способствуют приоткрытию занавеса тайны индивидуальности и личности героя в не меньшей степени, чем эго-документы, а в союзе с ними предоставляют историку уникальные возможности. Такой подход требует обязательного следования хронологическому принципу, для постижения и соблюдения возможных каузальных связей, что не пользуется особой популярностью у современных биографов. Однако, сама жизнь человека подчинена этому принципу и его несоблюдение является сомнительной уступкой содержания в пользу формы.

4. Аксиология биографии. Главным объектом изучения биографа является личность – другая, непознаваемая и ценная сама по себе. Стремление объяснить все, лишит личность индивидуальной тайны, «раздеть» ее и представить на суд общественности, всегда ведет к ошибке родственной клевете. Любое биографическое объяснение является допущением. Осознавая это, исследователь должен работать с разными гипотезами, пытаясь найти внутренние противоречия в каждой из них, и в конечном счете выбирая наиболее достоверную. Поэтому столь важным является многоплановый анализ индивидуального и коллективного на фоне друг друга и в процессе их взаимодействия. Чем большее количество факторов рассмотрит биограф, и предложит гипотезу, в которой они наилучшим образом согласовываются друг с другом, тем достовернее будет полученное знание. Такая непредвзятость позиции исследователя оправдывает вовлечение в гипотезу и интимных деталей личной жизни, но не ради них самих, а при условии их включения в комплекс других различных факторов, продиктованного познавательной необходимостью. Опасность представляет излишняя склонность биографа к психологической интерпретации поступков героя. Во-первых, вызывает сомнения способность современной психологии более-менее объективно рассматривать человека, жившего в прошлом, без глубокого трансдисциплинарного исследования социокультурной среды в которой он жил, поскольку существует высокий риск попасть в ловушку анахронизма, о которой предупреждал Л. Февр. Во-вторых, психологические интерпретации поведения человека тяготеют к патопсихологической реконструкции личности героя, в которой исследователь в центр объяснительной модели ставит различного рода психические отклонения (существенные и несущественные), не имея при этом представлений о психологической норме данной эпохи. Подобные реконструкции биографий являются этически неприемлемыми, на что указывает И.Л. Беленький [28, с. 47].

5. Отражение личности биографа в биографии. Любое научное исследование отражает в себе особенности личности ученого. В биографическом жанре это проявляется в наибольшей степени, поскольку, как указывает А.Л. Валевский: «индивидуальное всегда адресно, диалогично» [11, с. 64]. Герой биографии всегда воспринимается как одушевленный субъект, и потому автор

воспринимает его лично. Касаясь индивидуальности героя, автор устанавливает с ним диалогические отношения. В этом диалоге любые действия героя, его слова и творчество являются его высказываниями, а биография становится публичным ответом автора, который он адресует как герою, так и читателю. Исследователь обязан сохранить баланс в данном диалоге, т.е. не увлекаться собственными домыслами о герое, но и не оставаться в роли простого ретранслятора информации, поскольку в первом случае биография превратится в художественное произведение, а во втором – в летопись. И то, и другое не является историческим исследованием, но присутствие в биографии личности автора – это неременный ее компонент. Вопрос лишь в том, каким образом биограф отразит свою личность в исследовании. Поэтому важно помнить о скрупулезности, методологической чистоте, стремлении к истине, честности и непредвзятости. Биограф в своей работе должен быть этически безупречен.

Рассмотренные нами проблемы характеризуют лишь часть предметного поля биографики. Потенциально данная дисциплина может способствовать преодолению сложившегося в биографической истории теоретико-методологического хаоса, реанимации контролирующей функции исторического сообщества над исторической биографией, разработке и воплощению в жизнь новых типов исследования, синтезирующих микро- и макроподходы, индивидуальное и коллективное. Биографика требует отдельных масштабных исследований и институционализации в рамках специальных исторических дисциплин, входящих в учебные курсы Высшей школы.

3.3 Расширение идеалистического подхода в биографической истории. Оформление концептов «экзистенциальный биографизм» и «интеллектуальная биография»

Обращение взора историков на биографию, происходящее на фоне постмодернистских вызовов конца XX – начала XXI вв., побудило некоторых из них на поиск новых подходов к изучению человека прошлого. Одним из следствий этого процесса стало появление концепта **«экзистенциального биографизма»**, впервые предложенного Д.М. Володихиным (род. 1969) в статье **«Экзистенциальный биографизм в истории»** (1999) [15, с. 3–10]. Автор выдвигает на первый план «экзистенциальную функцию» истории, согласно которой, последняя предоставляет человеку материал для размышлений, помогающий ему в поисках смысла собственной жизни и освобождающий от страха перед неизбежным концом. По мнению Д.М. Володихина, в рамках данной функции не важны социальное начало и событийность истории, являющиеся лишь фоном для размышлений. Определяющее значение получает индивидуальное, единичное и уникальное начало, которое удобнее всего

представить в форме биографии, в центре внимания которой находится динамика психического мира индивида, экзистенциальные способы и формы его существования. При этом автор отрицает возможность применения конкретных психологических концепций, и признает эффективность лишь отдельных психоаналитических методик. Д.М. Володихин меньше всего хочет, чтобы «экзистенциальная биография» походила на психоисторию. Одним из фундаментальных принципов выбранной методологии он называет такой способ написания, в котором: «<...> психология нечувствительно тонко переходит в философию и наоборот» [15, с. 5]. Важным условием такой биографии является наличие широкого круга источников личного происхождения, которые позволили бы заглянуть во внутренний мир персонажа. В том случае если оно соблюдается, биограф волен выбрать индивидуума любого калибра, принадлежащего к любой эпохе. Внешние действия персонажа, события биографии и исторической действительности в таком исследовании не играют какой-либо важной роли [15, с. 4–6]. Как видим, предложенный тип биографии меньше всего походит на историю и в лучшем случае является пересказом зафиксированных на бумаге мыслей персонажа. Но при попытке проведения анализа этих мыслей, о каком-либо историческом исследовании говорить и вовсе не представляется возможным. Это связано с тем что, биограф, интерпретируя источники как ему вздумается, без привязки к объективирующим компонентам биографии (хронологии, поступкам персонажа, историческим событиям, языковой, культурной и социальной специфике эпохи), превращается в философа-экзистенциалиста, рассуждающего о жизни и смерти, опираясь на размышления своего персонажа. Таким образом, концепт «экзистенциального биографизма» можно отнести к крайним формам идеалистического подхода²³ к биографической истории. В таком виде он не несет в себе какого-либо познавательного потенциала для исторической науки, что, впрочем, не исключает его значимость для философии. Однако данный концепт все же был замечен историческим сообществом. И хотя он подвергается критике, тем не менее, признается его значение, как предшественника «интеллектуальной биографии» (Л.П. Репина [49, с. 297–303], Т.Н. Попова [45, с. 541–542], М.А. Базанов (род. 1986) [4, с. 222–224]).

Первой работой в русскоязычной историографии, заявленной в качестве «интеллектуальной биографии», стала небольшая по объему книга О.Д. Волконоговой (род. 1960) «Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография» (2001) [14]. В ней автор попыталась проследить развитие философских взглядов Н.А. Бердяева в контексте событий его жизненного пути. Условно работу можно разделить на две части. В первой части, состоящей из одной главы под названием «Жизнь и творчество», представлена собственно биография русского

²³ Об идеалистическом подходе писалось выше – в третьем параграфе второй главы.

философа от рождения в 1874 г. и до смерти в 1948 г. Здесь автор, главным образом, опирается на его книгу «Самопознание (Опыт философской автобиографии)», написанную в 1940 г. В рассматриваемые ею биографические события тесно вплетена краткая аналитика работ Н.А. Бердяева, производящаяся в хронологической последовательности по мере их написания. Значительное внимание автор уделяет научным контактам философа. Герой помещен в интеллектуальную среду своей эпохи, с которой он находится в постоянном диалоге и полемике. Средством этого диалога выступают научные труды, главным образом самого Н.А. Бердяева, хотя иногда подвергаются анализу и работы других мыслителей, оказавшие на него влияние (Л.И. Шестова (1866–1938), Г.П. Федотова (1886–1951), Д.С. Мережковского (1865–1941)). Подробно описывается реакция героя на происходившие в то время глобальные исторические события: в особенности на Российскую революции 1917 г. Главным образом она выражена в написании статей и книг соответствующей тематики [14, с. 6–58]. Вторую часть своей работы, О.Д. Волкогонова посвятила разбору отдельных тематических сюжетов философии Н.А. Бердяева. Данная часть состоит из двух глав. В первой из них, носящей название *«История в эсхатологической перспективе»*, разбираются такие сюжеты как «Смысл истории», «Новое средневековье», «Общество и личность» [14, с. 59–77]; в другой главе под названием *«Русская тема»* анализируются такие аспекты философии Н.А. Бердяева как «Специфика русской истории», «Русская идея», «Персоналистический социализм», «Русская революция и большевизм» [14, с. 78–111]. По своей сути данная часть является попыткой систематизировать творческое наследие философа. В отличие от первой части, здесь его взгляды представлены в статике и не привязаны к жизненному пути, отчего у читателя создается ошибочное впечатление завершенности философских поисков героя.

Для нас также представляет интерес и то, что О.Д. Волкогонова не ограничилась одной лишь книгой о жизни Н.А. Бердяева. В 2010 г. в серии ЖЗЛ вышла ее вторая работа с кратким названием *«Бердяев»* [13], которая оказалась гораздо удачнее первой. Если в первой биографии основное внимание было уделено философской системе Н.А. Бердяева, а его личность служит лишь оправой, индивидуализирующей ее, то во второй личность философа поставлена в центре всей работы. Автор затрагивает его отношения с семьей, друзьями, личные переживания, бытовые условия, финансовое состояние, конкретные события биографии, непосредственно повлиявшие на его последующие поступки, философские взгляды и идеи. При этом, как указывает сама О.Д. Волкогонова, в книге она *«<...> постаралась познакомить читателей с людьми, которые окружали Бердяева»*, предполагая, что *«<...> настоящий портрет должен быть «групповым», потому что без этого нельзя*

пристрастия, склонности, настроения человека, да и круг общения говорит о личности гораздо больше, чем аттестаты и дипломы» [13, с. 13]. Вводя в рассказ одного персонажа за другим, автор не только характеризует их как людей, но и раскрывает их философские взгляды, часто в сложной динамике их изменений, как это, например, происходит с С.Н. Булгаковым (1871–1944), прошедшим схожий путь с Н.А. Бердяевым от увлечения марксизмом до религиозной философии. В работе производится анализ взаимного влияния представителей российской интеллигенции на философские, религиозные и политические взгляды друг друга; подробно рассматриваются марксистские диспуты в Вологде, в которых участвовал Н.А. Бердяев во время ссылки, религиозно-философские собрания, созревание «нового религиозного сознания» в среде интеллигенции, успех и полемика, произведенные изданием сборника «Вехи» (1909), трагедию «философских пароходов», русской эмиграции, и многое другое. Этим самым О.Д. Волкогонова раскрывает перед читателем мир русской интеллигенции серебряного века, в котором жил ее герой. При этом контекст не подается как нечто внешнее, а гармонично вписывается в события жизни Н.А. Бердяева. Личность героя оказывается «глобализирующим объектом» в лучших традициях Ж. Ле Гоффа. Сохраняется и философская составляющая работы: присутствует глубокий анализ трудов героя, сравнение их с предыдущими и последующими работами и, в некоторых случаях, исследованиями других философов. В результате представленная система философских взглядов героя отражает в себе динамику изменений его личности. В отличие от первой книги, здесь отсутствует схематичность, благодаря чему читатель может не только понять философию Н.А. Бердяева, но и прочувствовать ее «живой пульс», изменчивость, становление и некоторую незавершенность. Данная работа ничуть не хуже передает интеллектуальную сторону жизни героя, чем предыдущая биография, написанная О.Д. Волкогоновой. Но при этом автор крайне близко подошла к реализации главного условия концепции «новой биографической истории», объединив индивидуальный облик героя и коллективный образ русской интеллигенции серебряного века в их взаимодействии. Однако, как увидим ниже, ориентация на подобный синтетический подход является скорее исключением, чем правилом среди работ, выполненных в жанре «интеллектуальной биографии».

В 2003 г. вышла книга Б.В. Емельянова (род. 1935) **«Борис Чичерин: интеллектуальная биография и политическая философия»**, посвященная известному русскому правоведу и философу (1828–1904) [23]. По своей структуре она сильно напоминает исследование О.Д. Волкогоновой 2001 г. В первой главе, носящей название **«Вехи биографии: формирование политической философии Б.Н. Чичерина»** [23, с. 6–38], бегло рассматриваются наиболее важные события жизни русского правоведа, которые,

по мнению автора, стали ключевыми в формировании его философских и политических взглядов. Данный обзор сложно назвать биографическим исследованием. Это скорее знакомство читателя с профессиональной деятельностью персонажа. В последующих главах, как и в первой работе О.Д. Волкогоновой, представлена аналитика политических и философских взглядов героя, разбитая по разным сюжетам: *«Концепция русской истории и государственности»*, *«У истоков отечественной политологии»*, *«Идеолог русского охранительного либерализма. Взгляды на государство и право»*, *«Чичерин об истории политических учений»* [23, с. 39–98]. Таким образом, личность героя в данной книге играет второстепенную роль, и основное внимание уделяется анализу его трудов и системе философско-политических взглядов. Своей работой автор выполняет главную поставленную задачу: актуализацию изучения идей Б.Н. Чичерина [23, с. 101].

Как в случае с О.Д. Волкогоновой, Б.В. Емельянов не ограничился одной биографией своего героя. В 2016 г. вышла его работа под названием *«Борис Чичерин»* [22]. Однако, в отличие от О.Д. Волкогоновой, проделавшей колоссальную работу над второй биографией Н.А. Бердяева и вышедшей на концептуально новый уровень биографического историописания, Б.В. Емельянов выпустил под новым названием слегка отредактированный текст старой работы. Не произошло существенных изменений и в ее структуре. Первая глава книги, под названием *«Жизнь. Труды. Общественная деятельность»*, по своему содержанию идентична аналогичной главе предыдущей биографии. Однако анализ взглядов героя, на этот раз, производится не в четырех, а двух главах (*«Философия»* и *«Политическая мысль»*), хотя их внутреннее содержание практически не изменилось.

В ином свете представлен рассматриваемый нами жанр в работе А.Н. Мочкина (род. 1946) *«Фридрих Ницше (интеллектуальная биография)»* (2005) [39]. В начале своего повествования автор заявляет, что *«<...> по отношению к философии Ф. Ницше – патография²⁴ философа может объяснить особенности, психологические и психические, в восприятии и переживании той или иной философской идеи, уяснить процесс ее возникновения и аффективной глубины и значимости для самого философа»* [39, с. 11]. Далее А.Н. Мочкин бегло излагает историю молодости Ф. Ницше (1844–1900) (до двадцати шести лет), останавливаясь лишь на нескольких важных моментах раннего детства, когда умер его отец и младший брат, после чего философ всю последующую жизнь страдал от эпилепсии. Там же автор указывает на увлечение юного Ф. Ницше христианством, однако в дальнейшем повествовании

²⁴ Как указывает И.Б. Якушев (род. ок. 1960): *«патография – это биография, написанная с точки зрения психопатологии и освещающая историю жизни личности, ее творчество, роль в истории, а также взаимосвязь и взаимовлияние творчества и болезни»* [68].

эти сведения почти никак не используются, также, как и не производится разбор причин, приведших его к открытой вражде по отношению к данной религии. Затем, следует указание на то, что в 1865 г. Ф. Ницше заразился сифилисом, который в будущем повлиял на его душевное равновесие, что в итоге привело его к двенадцатилетнему периоду безумия (1889–1900), и подчеркивает, что в его трудах, особенно поздних (написанных до 1889 г.), «<...> переплетены гениальные прозрения и патология» [39, с. 11]. Далее А.Н. Мочкин приводит периодизацию творчества философа: 1) романтически осмысленная мифология (1865–1876); 2) критическая деконструкция социальных институтов (1878–1882); 3) процесс патологического развития философии, завершающийся безумием (1882–1888) [39, с.19]. Автор констатирует, что «Философия жизни» Ф. Ницше берет свое начало в страхе смерти, приобретенным в результате детской душевной травмы. После обозначается и предмет исследования – три этапа формирования целостной философской концепции [39, с.23]. На этом месте биография Ф. Ницше оканчивается, не успев начаться, собственно, как и патографическое исследование. На протяжении всего последующего изложения автор занимается анализом работ философа, эволюцией его философских взглядов и идей, лишь изредка напоминая читателю о постепенно ухудшающемся психическом здоровье героя и почти не приводя сведений из его жизни. При этом исследование того, каким именно образом психическое здоровье Ф. Ницше влияло на его философию не ведется; не применяются какие-либо психоаналитические методики или концепции. Междисциплинарность отсутствует, а давно известные сведения о заболеваниях Ф. Ницше просто констатируются как факты из жизни, придающие работе заявленную тональность. Рассматривая эволюцию философских взглядов, А.Н. Мочкин часто рассуждает о «духовном мире» своего героя. Однако, правомерность такого подхода в данном случае весьма сомнительна, поскольку автор не раскрывает как именно и в какой степени взаимосвязаны эти аспекты. Человеческая психика, сознание и творческий акт слишком сложные явления, чтобы можно было так просто поставить знак равенства между «философией» и «духовным миром» конкретного человека, не подводя под это основание из каких-либо объективирующих факторов. Как видим, под «интеллектуальной биографией» Ф. Ницше А.Н. Мочкин, подразумевает прежде всего эволюцию его философской системы [39, с. 23], что приводит к априорному исключению личности героя из исследования. Вследствие этого не удастся и патографическое исследование, являющееся формой «жизнеописания», а не истории философии.

На фоне остальных выделяется работа С.В. Хатунцева (род. 1967) «**Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг.**» (2007) [60]. Герой биографии К.Н. Леонтьев (1831–1891) прошел необычный жизненный путь. Он начинал как несколько увлеченный либеральными идеями

врач, затем состоял на дипломатической службе, представляя интересы России в Османской империи (1863–1872), постепенно перешел во взглядах к охранительному консерватизму и антизападничеству, стал крупным писателем и философом. В 70-х гг. XIX в. К.Н. Леонтьев под влиянием афонского монашества и лично оптинского старца Амвросия (1812–1891) сердцем воспринял православную веру (крещен он был с детства), некоторое время состоял послушником в Николо-Угрешском монастыре (1874–1875), а в конце жизни принял тайный монашеский постриг в Оптиной пустыни.

Автор биографии не поставил своей целью полноценное изучение жизни К.Н. Леонтьева. Главным предметом исследования С.В. Хатунцева является эволюция общественно-политических взглядов философа, постепенно переходящая от «аморфного» либерализма к охранительному консерватизму. В соответствии с этим избран достаточно узкий период биографии, в который, по мнению автора, эта эволюция происходила – 1850–1874 гг. Свой выбор С.В. Хатунцев обосновывает в глубоком и профессиональном анализе обширной историографии, посвященной жизни и философии К.Н. Леонтьева, доказывая, что она отражает данный период весьма статично и противоречиво [60, с. 5–44]. На протяжении всей работы, при рассмотрении своего героя, автор продумано соблюдает принцип историзма и придерживается строгой хронологии. Благодаря этому, С.В. Хатунцеву удастся полноценно отразить динамику изменений общественно-политических взглядов философа – «мягкий» переход от либерализма к консерватизму, что несомненно является достоинством данной работы. Кроме того, помимо анализа художественных и философских произведений героя, автор постоянно прибегает к контекстуальному объяснению. Так, он отражает воздействие на К.Н. Леонтьева интеллектуальной атмосферы, присущей студенческой либеральной среде, в которую последний погрузился во время учебы на медицинском факультете Московского университета, влияние Крымской войны (1853–1856), которую герой встретил в качестве батальонного лекаря, и дипломатического служения в Османской империи, которое обратило его внимание на славянский, Восточный и национальные вопросы [60, с. 117]. Также автор прослеживает воздействие на К.Н. Леонтьева идей И.С. Тургенева (1818–1883), А.И. Герцена (1812–1870), Дж. Ст. Милля (1806–1873), А.С. Хомякова (1804–1860), И.С. Аксакова (1871–1859), его солидарность с идеями Н.Я. Данилевского (1822–1885) относительно проблемы «Россия – Запад». Однако контекстуальное объяснение С.В. Хатунцева содержит в себе и существенный недостаток. Интеллектуальное влияние писателей и философов прослеживается, главным образом, на абстрактном уровне анализа произведений и редко выходит на конкретный, личный уровень общения героя. Исторический контекст также представлен абстрактно: читатель не увидит, за редким исключением, каким был

К.Н. Леонтьев на войне, какие поступки совершал во время дипломатической службы, как он общался с людьми своего и чужого окружения, хотя это без сомнения также формирует интеллектуальный и духовный облик героя. Внешний контекст выступает не в качестве объекта изучения, а лишь как средство аргументации автора. В результате, в процессе контекстуального объяснения отдельных сюжетов подбираются лишь нужные автору данные, которые не всегда взаимосвязаны друг с другом на общем фоне исторической действительности. Объяснение подгоняется в удобные для автора, непротиворечивые рамки, приобретает неживой и несколько схематичный вид. В отличие от исследования личности К.Н. Леонтьева, описание исторического контекста не подчиняется со всей строгостью принципу историзма – оно прерывисто, содержит пробелы. Автор не допускает в своих рассуждениях существования двух альтернативных гипотез, поддерживая лишь одну, приемлемую для него, линию. Как итог, интеллектуальный путь героя, хоть и содержит в себе множество резких поворотов и сам по себе необычен, но при этом выглядит как заранее predetermined движение к консерватизму. Мост между Леонтьевым-философом и Леонтьевым-личностью не достроен, и выводы автора не всегда выглядят убедительно.

Для нас также представляет интерес подход, использованный М.А. Базановым в его кандидатской диссертации **«Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки»** (2014) [3]. Автор высоко ставит роль социально-интеллектуального контекста в интеллектуальной биографии, превращая его в самостоятельное действующее лицо на протяжении всего изложения. Согласно его мнению, объектом изучения данного типа биографии является *«<...> динамически развивающаяся система когнитивных взаимодействий индивида и окружающей его социально-интеллектуальной среды»*, а предметом – *«<...> любые трансформации, явления и аспекты существования интеллектуальной биографии индивида»* [3, л. 19]. М.А. Базанов фактически следует призыву Л. Февра о необходимости изучения взаимоотношений индивида и общества, столь созвучному концепции «новой биографической истории». Объектом своего исследования автор выбрал интеллектуальную биографию известного советского историка А.А. Зими́на (1920–1980), а предметом – трансформацию стратегий его взаимодействия с научным сообществом советских историков. Соответствующим образом сформулирована цель кандидатской диссертации – *«<...> реконструировать характер и основные стратегии взаимодействия А.А. Зими́на и окружающей его интеллектуальной среды отечественных ученых-историков»* [3, л. 24]. Методология исследования основана на социоаналитической концепции «поля науки» французского социолога и философа П. Бурдьё (1930–2002). Она обращает внимание исследователя на непрерывную борьбу «агентов поля»

(ученых) за научную легитимность, накопление и сохранение «научного капитала» (способности убедить окружающих в истинности своих научных изысканий), который в свою очередь делится на «символический» (авторитет ученого) и «институциональный» (посты и руководящие должности) капиталы. Все агенты поля также делятся на «доминирующих», стремящихся к сохранению своего научного капитала, и «доминируемых», следующих за первыми, но стремящихся к накоплению своего собственного капитала. Вариативность действий последних заключена между «стратегией преемственности» (сотрудничество с доминирующими) и «стратегией подрыва» (конфликт с доминирующими) [3, л. 22–23].

М.А. Базанов, прослеживает творческий путь А.А. Зимина, как ученого-историка в рамках указанной концепции. Автор мысленно противопоставляет своего героя научному сообществу и рассматривает их взаимодействие. «Голос» героя биографии, главным образом, отражается в анализе его работ (кандидатской и докторской диссертациях, монографиях, статьях), научных концепциях, поступках, а также письмах, автобиографии и прочих источников личного происхождения, носящих рефлексивный характер. «Голос» научного сообщества представлен описанием профессиональных интересов научных руководителей героя – С.В. Бахрушина (1882–1950) и М.Н. Тихомирова (1893–1965), подробным освещением процессов защиты кандидатской и докторской диссертаций А.А. Зимина, дискуссиями и полемикой складывающимися вокруг его работ, и, главным образом, разгоревшимся конфликтом вокруг его концепции происхождения «Слово о полку Игореве», повлекшим за собой «стагнацию» карьеры А.А. Зимина и обесценивание его «институционального капитала». После неудачи вхождения в элиту (членство в АН СССР), герой меняет «стратегию преемственности» на «стратегию подрыва», но делает это скрыто – в работах, часто написанных «в стол», и без особых внешних проявлений, отстраняясь от исторического сообщества и борьбы за научный капитал. Внешнему отстранению также способствовала и прогрессирующая болезнь легких. При этом М.А. Базанов подчеркивает, что высокий авторитет героя в научном сообществе (сложившийся к тому времени его «научный капитал»), способствовали погашению конфликта, последствия которого не были столь уж разрушающими. В итоге автор приходит к выводу о изначально присущей А.А. Зимину маргинальности, которая им долгое время скрывалась, и проявилась лишь после его переосмысления исторической действительности, произошедшего под влиянием русской религиозной философии и дореволюционной историографии, на что указывают его личные записи [3, л. 226]. Однако эти изменения не произошли в одночасье, а стали результатом постепенной трансформации взглядов историка, происходящей в последние пятнадцать лет его жизни.

Использованный М.А. Базановым подход способствовал преодолению схематичного противопоставления героя биографии и окружающей его научной среды. Накопление героем научного капитала, происходило с согласия и внутри исторического сообщества, к которому он принадлежал. Противопоставление героя биографии научному сообществу осуществляется М.А. Базановым лишь мысленно и выполняет роль аналитического инструмента. Однако негативно сказываются общие ограничения объема работы, накладываемые на кандидатскую диссертацию, из-за которых действия героя, и другие важные стороны его биографии не раскрываются полноценно. На эти ограничения неоднократно ссылается и сам автор. В результате, жизнеописанию не хватает эмпирического материала, «тотальности» и многоплановости изложения, производящегося в строго заданных рамках концепции П. Бурдье.

Таким образом, в русскоязычной историографии утвердился плюрализм подходов к интеллектуальной биографии. Одними авторами данное направление рассматривается лишь в качестве формы изучения системы философских и общественно-политических взглядов героя, и в этом случае методологическая сторона исследования сильно сближается с концептом «экзистенциального биографизма» (Б.В. Емельянов (2003, 2016), А.Н. Мочкин (2005)). На наш взгляд, данный подход оправдывает себя тогда, когда основная цель исследования заключается в разработке философских проблем, перекликающихся с философскими и научными концепциями героя, эпохой, в которой он жил и современностью автора. Другие исследователи, при написании интеллектуальной биографии, большое внимание уделяют историческому контексту (О.Д. Волкогонова, 2001, 2010; С.В. Хатунцев, 2007; М.А. Базанов, 2014). В «новой биографической истории» целесообразно его деление на внутренний и внешний контексты. **Внутренний контекст** определяется масштабирующими свойствами личности, т.е. к рассмотрению берутся только те микрогруппы и сообщества, в которые индивид входил, которым сочувствовал, с идеями которых был солидарен или же боролся. Они представляют собой самостоятельный и полноценный исследовательский объект, с которым герой вступает в межличностные отношения. В том случае, когда источники позволяют рассмотреть личный уровень этих взаимоотношений, целесообразно представить микрогруппы в виде коллективных портретов, как это было сделано О.Д. Волкогоновой, во второй биографии Н.А. Бердяева (2010). Внутренний контекст формирует среду в которой существует герой биографии. Последний же своими действиями одновременно выражает себя и изменяет эту среду. **Внешний контекст** представлен макроструктурами, создающими условия существования рассматриваемых субъектов биографии. Среди них можно выделить: политические, экономические, социальные, культурные, религиозные, лингвистические, географические, биологические структуры.

Взаимодействие с ними для субъектов биографии, чаще всего, носит безличный характер, а условия существования, которые ими создаются, воспринимаются как данность. Неудовлетворение внешним контекстом побуждают субъектов биографии к социальной активности, результаты которой обычно представлены продуктами их творчества, отражающими существующую реальность, объединением в различные группы и конкретными поступками. Изучение взаимодействий, происходящих в цепочке **«индивид – внутренний контекст – внешний контекст»**, позволяют понять мотивы героя биографии, его внешние и внутренние установки, определить индивидуальную специфику его суждений и желаний, обнаружить в нем типичное и уникальное для эпохи, и разобраться каким образом все это воплощалось в реальной жизни изучаемого периода времени. В результате достигается многоуровневость и многоплановость исследования. В настоящее время среди историков преобладает тенденция к усилению значимости контекста в интеллектуальной биографии. Объединяет рассмотренные нами работы то, что все они посвящены интеллектуалам. Это же ограничивает применение интеллектуальной биографии на практике. Преодоление данных ограничений является одной из задач «новой биографической истории», в рамках которой интеллектуальная жизнь героя выступает лишь как одна из сторон целой группы рассматриваемых аспектов.

3.4 Осуществление исследовательского проекта «Человек второго плана» в русскоязычной историографии

Важной особенностью концепции «новой биографической истории» является ее изначальная нацеленность на изучение жизни людей, которых сложно назвать выдающимися историческими деятелями. Это заметно на примере материала, подобранного Л.П. Репиной для ее статьи²⁵, которая вышла в «Казусе» (1999) и дала старт оформлению нового типа биографических исследований в русскоязычной историографии. Уделив внимания работам, написанным в рамках антропологически ориентированной истории, и посвященным людям, почти не игравшим какой-либо важной исторической роли (английской придворной даме, пуританскому ремесленнику, флорентийскому торговцу), Л.П. Репина пришла к выводу о перспективе складывания нового направления, чем подчеркнула генетическое родство исторической антропологии, вооруженной микроисторическим подходом, и «новой биографической истории». После, на данную преемственность не раз указывали различные авторы [20, с. 7; 33, с. 184; 62, с. 5], а их стремление в уникальном увидеть типичное, и наоборот, во многом определило характер современного биографического исследования.

²⁵ Подробный анализ данной статьи производится в первом параграфе третьей главы.

В 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории, при участии исторического факультета Ростовского государственного университета²⁶ и специалистов из других российских университетов, был создан исследовательский проект **«Человек второго плана в истории»**. Его основной задачей стало привлечение внимания исследователей к проблемам изучения взаимодействий человека и социума в различных культурно-исторических условиях [62, с. 3]. Объектами исследований стали люди «второго плана», которые, по мнению авторов проекта *«<...> в гораздо большей мере, чем личности первой величины, интегрированы в социальный контекст <...>, и потому они нагляднее отражают в характерных чертах своей натуры особенности эпохи и общественной среды, их взрастившей»* [63, с. 6]. Подчеркивалось также, что исследовательский интерес к данной проблематике целиком лежит *«<...> в русле методологических поисков историографии конца прошлого и начала нынешнего века»* [63, с. 3]. Поэтому проект изначально получил экспериментальный характер и был направлен на коллективное творчество, в результате чего его основу составили научные статьи, а не полноценные монографии. Авторы проекта организовали ежегодную научную конференцию по результатам которой стали выпускаться одноименные сборники. Первая методологическая трудность, с которой столкнулись исследователи заключалась в необходимости определения критериев, согласно которым можно отделить друг от друга «личность первого плана», «человека второго плана» и «безмолвствующее большинство». Наиболее полно данная проблема освещена в статье А.В. Лубского (род. 1947) **«Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования)»** (2015) [38, с. 67–84]. Рассмотрев мнения различных исследователей, высказанных на этот счет²⁷, автор пришел к выводу, что определить универсальные критерии выделения «человека второго плана» в истории невозможно, поскольку они *«<...> обусловлены культурно-историческим контекстом и методологией его изучения»* [38, с. 71]. В пользу этого мнения служит и позиция, которую заняли авторы проекта уже во втором выпущенном сборнике: *«В конечном итоге «человек второго плана» – это научная метафора, призванная полемически артикулировать предметное поле «новой биографической истории»* [63, с. 6].

²⁶ В конце 2006 г. Ростовский государственный университет (РГУ) был реорганизован в Южный федеральный университет (ЮФУ).

²⁷ На подробном анализе доводов в пользу реальности или иллюзорности концепта «человек второго плана» мы не будем останавливаться. Авторы рассматриваемого нами проекта, в лице Н.А. Мининкова (род. 1950), сами ответили на поставленный вопрос: *«<...> опознание «калибра» исторического персонажа зависит от выбора угла зрения и того социокультурного контекста, в соотнесении с которым осмысливается историческая роль рассматриваемой личности. <...> в зависимости от временного и пространственного контекста один и тот же человек может предстать и фигурой первой величины, и второстепенным персонажем»* [10, с. 24].

Таким образом, данное понятие носит вполне условный характер и применяется с целью выработки границ нового типа биографического исследования на практике. Авторы проекта обозначают данные границы путем объединения статей в различные тематические разделы, наиболее важные из которых мы рассмотрим ниже.

1. Почему не первый? Данный раздел посвящен судьбам тех людей, которые сыграли значительную роль в истории, иногда определяющую развитие целых государств и общественных движений, но при этом, в силу разных причин, не вошли в число наиболее известных исторических лиц первой величины (хоть фактически и претендовали на эту роль), а память о них оказалась не соразмерна их влиянию при жизни. Среди наиболее ярких работ, посвященным персонажам подобного рода, выделим статью А.Н. Маркина (род. 1967) «*Марк Випсаний Агриппа: несостоявшийся император*» (2005) [63, с. 9–25]. Как описывает автор, Марк Випсаний Агриппа (63–12 гг. до н.э.) был ближайшим сподвижником и другом основателя Римской империи Октавиана Августа (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.). После убийства Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н.э.) он поддержал Октавиана в политической борьбе, помог ему стать консулом, успешно командовал его войсками в наиболее важных сражениях гражданской войны времен второго триумvirата (43–31 гг. до н.э.), по результатам которых привел его к единоличной власти в империи. В течении многих лет Агриппа разделял с Октавианом консульские полномочия, женился на его дочери, а с 18 г. до н.э. стал фактическим соправителем императора. При этом Октавиан Август наделил своего друга высшей военной властью в империи, оставив за собой лишь гражданское управление, что говорит о высочайшем доверии к нему. Также была налажена чеканка монет с его изображением на аверсе, что указывает на его высокий статус в государстве. Однако, Агриппа так и не смог стать первым, навсегда оставшись в тени фигуры Октавиана Августа и практически неизвестным для современного читателя. Причиной этого, А.Н. Маркин называет его незнатное происхождение, добропорядочность, безраздельную преданность императору, отсутствие жажды власти, которая не смогла его развратить. При этом вклад Агриппы в государственное строительство, военные успехи, культурное развитие Римской империи сложно переоценить, как и его личные качества образцового римлянина.

В другой, выделенной нами, работе «*Реформатор второго плана*» (2005) [63, с. 26–53], написанной Л.П. Лаптевой (1926–2016), отражается история жизни Иеронима Пражского (ок. 1380–1416) – ученика и друга Яна Гуса (1371–1415), внесшего значительный вклад в зарождение Гуситского движения, недооцененный современной историографией. Согласно мнению автора, Иероним Пражский не был идеологом гуситской реформации, не писал сочинений на эту тему и не возглавлял армий. Он был практиком, продвигавшим

реформационные идеи с помощью диспутов и организацией протестных акций. Характеризуя эту деятельность, Л.П. Лаптева вводит в повествование широкий социальный, политический и религиозный контексты. Читатель погружается в университетскую жизнь конца XIV – начала XV вв., с ее богословскими диспутами, которые становились катализаторами общественно-религиозных и политических изменений. Иероним Пражский является одной из центральных фигур этого процесса. Отучившись несколько лет в Пражском университете, он продолжил свое образование в Оксфорде (1399–1401), где подробно изучил и переписал сочинения знаменитого теоретика Реформации Джона Уиклифа (1320–1384). Списки его сочинений Иероним привез в Прагу, где они привлекли к себе большое внимание, после чего учение Дж. Уиклифа легло в основу Гуситского движения. Сам Иероним предпочитал долго не задерживаться на одном месте. В 1405 г. в Сорбоне ему была присвоена степень магистра свободных искусств, благодаря чему он получил право на участие в диспутах. После этого он стал проводить их с завидным постоянством в различных университетах (Кельнском, Гейдельбергском, Пражском, Краковском), отстаивая опасные, выраженные в духе виклифизма и еретические по своей сути, идеи. Посещая различные города (от Парижа до Пскова) и пользуясь гостеприимностью разных королей и князей (Чехия, Венгрия, Польша, ВКЛ), Иероним не очень часто бывал в Праге, но возвращаясь туда, каждый раз оказывался в центре важных событий. Однако, несмотря на то, что он стал самым известным представителем пражского виклифизма за границами Чешского королевства, внутри страны его заслонила фигура Яна Гуса, которого, впрочем, Иероним полностью поддерживал. Когда Яна Гуса заключили под стражу на Констанцском соборе (1414–1418), Иероним Пражский попытался ему помочь, но был схвачен и сожжен на костре почти через год после своего учителя.

Как видим, героев рассмотренных работ сложно назвать людьми «второго плана». Влиятельность и значительность их роли в исторических событиях бесспорны, а их имена были хорошо знакомы современникам. Однако, по историческим меркам они оказались в тени более знаковых фигур своего времени и потому попали в данный раздел. В своих работах авторы постарались выяснить причины этого и ответить на поставленный в заголовке вопрос.

2. В тени великих. Данный раздел подобен рассмотренному выше, за исключением того, что представленные здесь герои, оказывая значительное влияние на исторические события, никогда не претендовали на роль первых лиц своего времени.

Рассмотрим работу Э.М. Дусаевой (род. 1979) *«Бонавентура и «титаны» XIII в.»* (2006) [64, с. 70–79]. В центре повествования автора находится фигура средневекового теолога св. Бонавентуры (ок. 1217–1274). На данный момент он наиболее известен, в связи с тем, что он написал житие

св. Франциска Ассизского (ок. 1182–1226), с которым была тесно связана его собственная судьба: начиная от получения монашеского имени²⁸ и заканчивая управлением и реорганизацией Францисканского ордена (1257–1274). В свое время Бонавентура приобрел значительное влияние: благодаря его содействию в 1271 г. был избран папа римский Григорий X (ок. 1210–1276), который отблагодарил его назначением в кардиналы. Также Бонавентура принял активное участие в подготовке и работе Второго Лионского собора (1274), по результатам которого была заключена церковная уния с Константинопольским патриархатом, просуществовавшая до 1282 г. Между сессиями Лионского собора Бонавентура умер²⁹. В 1482 г. состоялось его канонизация Ватиканом, а в 1587 г. он был возведен в ранг учителей церкви. Между тем, как указывает Э.М. Дусаева, в восприятии современного общества фигура св. Бонавентуры меркнет на фоне других учителей церкви XIII в. – св. Франциска Ассизского и Фомы Аквинского (ок. 1225–1274). Автор объясняет это посмертным влиянием личностей и философских учений последних. Так, в XIX в. неотомизм стал официальной идеологией Ватикана, а св. Бонавентура, в сравнении с Фомой Аквинским, по мнению многих исследователей, не привнес в философию ничего нового. В то же время, св. Франциск Ассизский стал основателем ордена, подав пример самой своей жизнью, тогда как св. Бонавентура являлся лишь продолжателем его дела [64, с. 77–78]. Таким образом, выбранный герой, несмотря на высокое прижизненное влияние, оказался на позициях «вечного второго», не имеющего шансов превзойти своих современников.

Рассмотрим также работу А.Л. Филоненко (род. 1951) *«Советник В.И. Ленина по экономическим вопросам Юрий Ларин»* (2006) [64, с. 93–102]. Герой данной статьи Михаил Александрович Лурье (1882–1932), хорошо известный в свое время под псевдонимом Юрий Ларин, оказывал довольно значительное влияние на политику молодой Советской республики. Однако, советские и современные исследователи обходят его личность стороной. Как указывает автор, отчасти это связано с отрицательным отношением к нему со стороны советской партийно-идеологической номенклатуры, поскольку Ю. Ларин некоторое время был меньшевиком и придерживался неортодоксальных взглядов на развитие страны. Известность он получил во время Первой мировой войны благодаря письмам, написанным из Германии, в которых раскрывались особенности военно-политических и экономических мер воюющей страны. По мнению А.Л. Филоненко, данный материал позволил В.И. Ленину (1870–1924) обосновать перспективность развития социализма в России в начале XX в. Этот момент автор называет ключевым в восхождении

²⁸ Мирское имя св. Бонавентуры – Джованни Фиданца. По легенде св. Франциск исцелил своего будущего приемника в раннем детстве, при этом произнес слова «Buonaventura» («благое пришествие») [64, с. 70].

²⁹ Также по дороге на Лионский собор умер Фома Аквинский.

Ю. Ларина на вершину власти. В 1917 г. группа меньшевиков, которую он возглавлял вошла в состав РСДРП(б). После захвата власти большевиками, Ю. Ларин развернул интенсивную деятельность. По мнению автора, именно он был фактическим создателем системы «военного коммунизма», возглавляя при этом Комитет хозяйственной политики Высшего совета народного хозяйства (КХП ВСНХ), ставшего «мозговым центром» в области экономического развития советского государства в первые годы его существования. Во время переговоров с делегацией из Германии по вопросам экономического сотрудничества, Ю. Ларин активно лоббировал проект о национализации промышленности, а после внес предложение о создании главков³⁰, что позволило объединить и организовать промышленность в тяжелых условиях гражданской войны. Тем не менее, к ее концу влияние Ю. Ларина на партийное руководство ослабло, и он навсегда остался в тени более известных советских деятелей. В своей работе автор не объясняет причин этого ослабления, что отрицательно сказывается на полноте образа выбранного персонажа.

Как видим, герои, попавшие в данный раздел, как и те, что были рассмотрены выше, оказывали значительное влияние на исторические события своего времени. Но в отличие от первых, они не претендовали на безусловное лидерство и всегда оставались в тени более значительных по историческим меркам фигур.

3. «Серые кардиналы», реальные и мнимые. Этот раздел в сборниках «Человек второго плана» посвящен незаурядным и известным личностям, оказывающим решающее влияние на официальную власть из-за кулисы. Среди множества работ, представленных в сборниках, выделим две статьи С.Г. Гаврилова (род. 1975) «*Томас Кромвель – «первый министр» Генриха VIII*» (2007) [65, с. 162–178] и «*Томас Уолси – «Alter Rex» Англии 1515–1529 гг.*» (2014) [56, с. 248–264]. Оба персонажа, рассматриваемые в них, фактически являлись самыми влиятельными людьми своего времени в Англии после короля Генриха VIII (1491–1547). В руках кардинала Томаса Уолси (ок. 1473–1530) в период с 1515 по 1529 гг. была сосредоточена колоссальная власть. Родившийся в семье зажиточного мясника и владельца таверны, Т. Уолси проявил свои незаурядные интеллектуальные способности и уже в 15 лет получил степень бакалавра, после чего стал членом совета Колледжа Магдалены в Оксфорде, принял священнический сан и был выбран на должность казначея колледжа. Затем, благодаря влиянию лорда-хранителя Тайной печати епископа Винчестерского Ричарда Фокса (ок. 1448–1528), Т. Уолси оказался при дворе короля Генриха VII, а в 1507 г. стал его духовником. После восшествия на престол Генриха VIII в 1509 г. наш герой, в течении нескольких лет

³⁰ ГЛАВК – сокращение от «Главный комитет» – названия главных управлений, ведомственных подразделений министерств, центральных учреждений и т.п.

сосредоточил в своих руках целый ряд государственных должностей, став к 1515 г. фактически единственным министром, что вполне устраивало короля, тяготившегося рутинными государственными делами. В своей статье С.Г. Гаврилов подробно анализирует реформы, проводимые кардиналом³¹ и подчеркивает, что по своей сути они являлись продолжением политики Генриха VII, поскольку способствовали централизации государственной власти в руках короля. Также во время правления Т. Уолси произошло усиление самостоятельности английской церкви и возвышение роли короля в духовных вопросах, поскольку кардинал в большей степени ориентировался на его интересы, а не на позицию Ватикана. В результате этого, Генрих VIII получил значительное влияние на церковь, что в последующем привело к Английской Реформации. Постепенно, в глазах современников, роскошь двора и влияние кардинала перешли все границы: складывалось впечатление, что он стремится во всем превзойти самого короля. В итоге, потеряв королевское расположение, кардинал Т. Уолси стал пешкой в конфликте между Генрихом VIII и Папой Римским Климентом VII (1478–1534), был взят под стражу и умер в скором времени.

Его приемником стал его ученик Томас Кромвель (1485–1540). Он родился в семье преуспевающего английского ремесленника. В молодые годы Т. Кромвель участвовал в Итальянских войнах (1494–1559) в качестве наемника, после просил милостыню во Флоренции, а через некоторое время занимался коммерческой деятельностью в Антверпене [65, с. 164–165]. В 1513 г. Т. Кромвель вернулся в Англию, обзавелся семьей, стал крупным ростовщиком и адвокатом. Во время своей поездки по Йорку на него обратил внимание, уже знакомый нам, кардинал Т. Уолси. Благодаря его поддержке Т. Кромвель в 1523 г. смог пройти в английский парламент. Со временем он стал «правой рукой» кардинала, и когда тот оказался в опале короля, всячески старался поддержать своего покровителя, чем показал свою преданность, смелость и честность. В начале 1531 г. Т. Кромвель вошел в Тайный совет, в 1533 г. получил должность канцлера казначейства, а в 1536 г. был назначен лордом-хранителем тайной печати. Постепенно наш герой приобрел контроль над финансами, внутренней и внешней политикой, обороной страны и религиозными делами. Не смотря на такие полномочия, в отличие от своего предшественника, Т. Кромвель старался не выделяться, был индифферентен по отношению к внешнему проявлению своей власти, всячески старался угодить королю, но при этом оставался самостоятельной фигурой в политической жизни государства. Как и в случае с кардиналом Т. Уолси, Генрих VIII доверял своему первому советнику всю государственную «рутину», часто просто подписывая составленные им указы [65, с. 178]. Тем не менее, не смотря на всю свою

³¹ Т. Уолси стал кардиналом в 1515 г.

осторожность, Т. Кромвель не смог предотвратить свой арест, обвинение в государственной измене и ереси, и дальнейшую казнь.

На примере рассмотренных персонажей становится очевидной относительность «второпланности» как исследовательского подхода. При изучении фигуры короля Генриха VIII, его министры безусловно были бы отодвинуты на задний план. Но помещая их в центр повествования, С.Г. Гаврилов в героя второго плана превращает короля. Это обусловлено масштабирующими свойствами личности в биографии. Помещая героя биографии в центр повествования, исследователь автоматически определяет его фон, куда попадают все иные персонажи и события независимо от их исторической значительности. Важным критерием для их отбора становится степень их взаимодействия с героем. Поэтому, для ее определения биограф должен сосредоточить свой взгляд на этом взаимодействии и искусственным образом возвести на первый план внутренний контекст биографии героя. В результате такая биография включает в себя два исследовательских объекта, обуславливающих друг друга, а биограф, опираясь на исследование их взаимодействий, старается раскрыть как индивидуальность своего героя (что становится возможным в результате адекватного понимания его внешних действий), так и историческую действительность, воплощенную в конкретной жизненной практике.

4. Герои местного значения. Работы, находящиеся в данном разделе, посвящены лицам, выдвинувшимся на первый план на региональном уровне. Отметим статью С.В. Григорьевой (род. ок. 1968) *«Н.И. Ашинов: африканская эпопея «атамана вольных казаков»* (2014) [56, с. 504–523]. Герой биографии Николай Иванович Ашинов (1856–1902) в свое время был известен и весьма популярен в России. Родился он в семье бывшего крепостного крестьянина, окончил Царицынское уездное училище, поступил в гимназию, но тут же был из нее исключен за «дурное поведение». Как указывает автор, Н.И. Ашинов с молодости желал приключений, славы и денег, что и проявилось в его авантюрных путешествиях. Узнав о существовании Эфиопии, где жили христиане, Н.И. Ашинов загорелся идеей основания там казачьей станицы. В 1885–1886 г. он совершил туда поездку с целью выяснения обстановки и установления возможности российского присутствия. Общение с местными эфиопскими провинциями убедило его в их доброжелательности, и, вернувшись в Россию, он заявил, что сам эфиопский император готов поддержать российскую инициативу. Патриотически настроенная пресса с восторгом встретила предложение Н.И. Ашинова, а возможность создания фактории на берегу Красного моря отвечала интересам Российской империи, которая остро нуждалась в военно-морской базе и угольной стоянке в этом регионе. Однако за первенство в нем уже соперничали Англия, Франция и

Италия. Вмешательство России могло лишь усугубить ситуацию, поскольку существовал риск открытой конфронтации. По этой причине Александр III (1845–1894) открыто не поддержал инициативу Н.И. Ашинова, но и не запретил помощь ему со стороны российских чиновников. В итоге экспедиция приобрела частный характер, хоть и финансировалась из государственной казны. Отправившись в Эфиопию во второй раз в 1888 г., Н.И. Ашинов, по собственному неведению, уже через несколько недель после прибытия на место посягнул на французскую территорию. Разгорелся конфликт, в ходе которого российское правительство отказалось его поддержать на дипломатическом уровне. В феврале 1889 г. форт, где находились казаки, был обстрелян французскими боевыми кораблями и сдался. Отчасти в этом был виноват и сам Н.И. Ашинов, отличившийся своим наглым поведением во время переговоров с французами, что в немалой степени дискредитировало Россию. В итоге, после данной неудачи, в Российской империи никто больше не брался за организацию подобных авантюристских заграничных акций. Тем не менее, как указывает С.В. Григорьева, *«<...> экспедиция Н.И. Ашинова имела большое значение для развития русско-эфиопских отношений. <...> На смену колониальной экспансии пришли мирные формы создания российского влияния в регионе: научно-исследовательские экспедиции, оказание Эфиопии военной, политической, дипломатической, врачебной помощи, наконец, установление в 1898 г. официальных дипломатических отношений»* [56, с. 523]. О дальнейшей судьбе Н.И. Ашинова практически ничего не известно, однако он сыграл, пусть и второстепенную, но ощутимую роль в развитии международных отношений в данном регионе.

Отметим также работу А.В. Венкова (род. 1954) *«К.К. Мамонтов – легенда «белого движения»* (2007) [65, с. 328–342]. Константин Константинович Мамонтов (1869–1920), известный военачальник русской Императорской армии и командующий казачьими кавалерийскими отрядами в годы Гражданской войны (1917–1922), сам не был казаком и происходил из дворян Новгородской губернии. Всю свою сознательную жизнь он служил в армии, участвовал в русско-японской и Первой мировой войне. После революции К.К. Мамонтов создал казачий партизанский отряд, с которым оборонял от советских войск Новочеркасск, а в 1918–1919 гг. в течении восьми месяцев, командуя целым фронтом, осаждал Царицын³², обороной которого руководили И.В. Сталин (1878–1953) и К.Е. Ворошилов (1881–1969). Автор подчеркивает, что эта осада стала первым шагом к созданию «легенды» К.К. Мамонтова, поскольку И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов могли победить *«<...> только умного и храброго врага, а не какую-нибудь посредственность»* [65, с. 330]. После поражения под Царицыном, П.Н. Врангель (1878–1928) и

³² В настоящий момент Волгоград.

А.И. Деникин (1872–1947) пытались отстранить К.К. Мамонтова от командования, однако их не поддержало донское начальство, поскольку последний был крайне популярен среди казаков. Генерал искренне ими интересовался, восхищался их боевыми навыками, не оставил в трудный час и не препятствовал мародерству. В августе 1919 г. К.К. Мамонтов ушел в знаменитый рейд по тылам Красной армии, значительно дезорганизовав пути сообщения и поставки продовольствия неприятеля. При этом он не оказал должной поддержки наступающим частям А.И. Деникина, слишком далеко уйдя в тылы. А.В. Венков подчеркивает, что в какой-то момент казаки К.К. Мамонтова были ближе к Москве, чем к линии фронта, что также послужило формированию его «легенды». Вскоре от А.И. Деникина пришел приказ о возвращении отряда домой и К.К. Мамонтов нехотя подчинился. Казакам возвращение также было на руку, поскольку они разжились огромным обозом с богатствами. Белое командование осталось недовольным результатами данного рейда, поскольку, по пути домой, К.К. Мамонтов всячески старался избегать прямых столкновений с Красной армией. Тем не менее на Дону его встретили как героя и великого полководца. Осенью 1919 г. красные начали успешное наступление и К.К. Мамонтов был заменен генералом С.Г. Улагает (1875–1944). Оставшись без своего командира, донцы побежали. Начальство вынуждено было вернуть К.К. Мамонтова к командованию, однако тот вскоре умер³³, так и не выполнив поставленные перед ним боевые задачи. Подводя итог, А.В. Венков указывает на то, что К.К. Мамонтов был прекрасным и очень популярным командиром корпуса, который, однако, командуя целым фронтом, не смог выиграть решающего сражения за Царицын. Тем не менее противостояние с самим И.В. Сталиным и знаменитый рейд сделали его легендарным героем гражданской войны.

Как видим, персонажи, рассмотренные нами в данном разделе, не смогли внести решающий вклад в то дело, которым они занимались. Тем не менее на локальном уровне их фигуры были крайне заметными и популярными. Они выделялись своей самобытностью и нетривиальностью на фоне современников. Это ставит под сомнение положение авторов рассматриваемого проекта, согласно которому люди второго плана, нагляднее чем личности первой величины, отражают в характерных чертах своей натуры особенности своей эпохи и общественной среды в которой они жили. Сам тот факт, что данные герои выделяются на фоне остальных людей и смогли попасть в «анналы истории», свидетельствует об их нетипичности.

5. Женские судьбы в «мужской» истории. Данный раздел в сборниках исследуемого проекта посвящен жизнеописаниям тех женщин, которые

³³ Среди историков популярна версия, что К.К. Мамонтов был убит.

вынуждены были «играть» по правилам мужской истории и не стремились выйти на первый план исторического процесса.

Среди всего множества работ данной категории выделим статью Е.В. Тихоновой (род. ок. 1978) *«Дочь пустыни» Гертруды Белл* (2007) [65, с. 267–280]. В центре ее повествования находится история жизни британской разведчицы, путешественницы и археолога Гертруды Белл (1868–1926), сыгравшей важнейшую роль в процессе формирования территории и социально-политического климата современного Ирака. Г. Белл родилась в семье владельца сталелитейных заводов на севере Англии. Она получила блестящее историческое образование в оксфордском Колледже леди Маргарет (1888), став первой женщиной, которой в этом учебном заведении во всех выпускных испытаниях поставили высшие баллы. В 1890 г. под влиянием своего дяди Ф. Ласселза (1841–1920), бывшего в то время послом Великобритании в Румынии (1887–1891), а затем в Персии (1892–1894), девушка посетила Бухарест и Стамбул, а в 1892 г. отправилась в Тегеран. В результате этих поездок, Восток навсегда запечатлелся в ее сердце. В Тегеране она едва не вышла замуж за первого секретаря британской дипмиссии Г. Кадогена (1859–1893), но тот умер от холеры, когда Г. Белл отправилась в Англию, чтобы получить благословение на брак. В 1897–1898 гг. она совершила кругосветное путешествие, в 1899 г. отправилась в Палестину, где участвовала в археологических раскопках, а в 1900 г. в Аравию. В том же 1900 г. она посетила Ливан и Сирию, искренне интересуясь жизнью местных народов. В 1902–1903 гг. наша героиня совершила второе кругосветное путешествие, а в 1907 г. приняла участие в археологических раскопках раннехристианских храмов в Малой Азии. В 1912 г. Г. Белл отправилась в Багдад, где, как и всегда, вступала в тесные контакты с местными жителями. Там же она познакомилась со студентом Оксфорда Т.Э. Лоуренсом (1888–1935), впоследствии прославившемся под именем Лоуренса Аравийского. С 1913 г. английское правительство начало доверять ей секретные миссии, целью которых было укрепление позиций Лондона на Ближнем Востоке. Во время Первой мировой войны Г. Белл служила в британской разведке, где, совместно с Лоуренсом Аравийским, готовила почву для мобилизации арабов против Османской империи. В 1919 г. она участвовала в Парижской мирной конференции, а в 1920 г. убедила Лондон поставить во главе Иракского государства местное правительство. В 1921 г. У. Черчилль (1874–1965) поручил Г. Белл определить границы будущего государства [65, с. 278]. Также, по мнению Е.В. Тихоновой, именно ее авторитет среди местных народов сыграл решающую роль в приходе к власти в 1921 г. Фейсала I из дома Хашемитов (1883–1933), ставшего первым королем на иракском престоле. Последнее, что задумала сделать Г. Белл, было создание в Ираке археологического музея, однако этим планам не суждено было сбыться из-за резко ухудшающегося

здоровья, в результате чего в 1926 г. она умерла в Багдаде. Как указывает Е.В. Тихонова, личность Г. Белл необыкновенна хотя бы потому, что она смогла добиться неподдельного уважения среди мусульман-мужчин в начале XX в.: к ее советам прислушивались, ее любили и еще долго помнили среди местного населения. Тем не менее, тот же Лоуренс Аравийский призывал не преувеличивать ее роль в иракской истории. Примечателен и тот факт, что в культовом фильме «Лоуренс Аравийский» (1962), снятом Д. Лином (1908–1991) и удостоенном семи премий «Оскар», в котором повествуются события 1916–1918 гг., нет женских персонажей, что прекрасно иллюстрирует место женщин в коллективной памяти о событиях того времени. Таким образом, вне зависимости от своей роли в событиях, развернувшихся в начале XX в. на Ближнем Востоке, фигура Гертруды Белл была отодвинута на второй план.

Также, для нас представляет интерес работа Е.А. Паламарчука «*Ева Браун: стать женой фюрера и умереть*» (2014) [56, с. 371–384]. Героиня этой работы Ева Анна Паула Браун (1912–1945), ставшая супругой А. Гитлера (1889–1945) за день до их совместного самоубийства, известна на весь мир. Познакомились они в 1929 г. в фотостудии Г. Гофмана (1885–1957), где молодая девушка работала ассистенткой. Первое время А. Гитлер не обращал особого внимания на свою поклонницу, что в итоге привело ее к продолжительной депрессии. В ночь на первое ноября 1932 г. Е. Браун попыталась покончить с собой выстрелив себе в шею. Пуля застряла возле сонной артерии и девушку успели спасти. Этот поступок тронул фюрера за живое, и тот увлекся ей на некоторое время. После второй попытки суицида, совершенной в мае 1935 г., А. Гитлер приобрел для нее домик в пригороде Мюнхена и автомобиль с личным шофером и охраной. Многие исследователи считают, что за действиями Е. Браун кроется желание привлечь к себе внимание фюрера. Каждый раз, после очередной попытки суицида, А. Гитлер вспоминал о ее существовании и одаривал подарками, словно пытаясь загладить свою вину. Однако это отнюдь не упрощало жизнь Е. Браун. Она была одержима ревностью, а фюрер, в свою очередь, постоянно давал для этого поводы. Среди армии его поклонниц Е.А. Паламарчук выделяет киноактрис О.К. Чехову (1897–1980) и Р. Мюллер³⁴ (1906–1937), невестку его любимого композитора В. Вагнер (1897–1980), дочь британского аристократа Ю.В. Митфорд³⁵ (1914–1948), а также известную танцовщицу и кинорежиссера Л. Рифеншталь (1902–2003). Е. Браун старалась скомпрометировать своих соперниц в глазах А. Гитлера, и часто ей это удавалось, что вело к новым жертвам. В 1936 г. она переехала в Бергхоф – резиденцию фюрера, построенную в баварских Альпах. Однако и после этого

³⁴ Р. Мюллер покончила с собой в 1937 г.

³⁵ Ю.В. Митфорд также пыталась покончить с собой, пустив себе две пули в голову. В итоге она сильно пострадала, и врачи решили не удалять застрявшую пулю, ввиду крайней опасности подобной операции. Впоследствии она умерла от менингита, вызванного отеком головного мозга вокруг пули.

А. Гитлер не желал появляться с ней на публике. В результате мало кто знал о ее существовании. Это также тяготило Е. Браун, несмотря на то, что ее жизнь была наполнена материальным достатком и различного рода развлечениями. С началом войны ее влияние на фюрера некоторым образом возросло, несмотря на то, что А. Гитлер никогда не ценил высоко ее личные качества. Тем не менее она осталась ему верна до конца и в 30 апреля 1945 г., после того как добилась желаемого, добровольно ушла вместе со своим супругом из жизни. Подводя итог, Е.А. Паламарчук указывает на то, что Е. Браун никогда не обладала каким-либо влиянием на политику, проводимую А. Гитлером. Ее поступки скорее свидетельствуют о безумной одержимости фюрером. Она всегда оставалась в его тени и если бы не страстное и смертельное увлечение, то Ева Браун никоим образом не смогла бы войти в историю.

На примере статей, размещенных в данном разделе, хорошо видно, сколь разными могут быть «персонажи второго плана», как собственно и сам «второй план». В то время, когда героиня первой статьи – Г. Белл – оказывала реальное воздействие на исторический процесс, была захватывающей и необыкновенной личностью, а память о ней едва сохранилась, героиня второй статьи – Е. Браун – не играла какой-либо существенной роли в истории, но, тем не менее, про нее слышал едва ли не каждый. Подобные противоречия придают особую ценность рассматриваемому проекту, позволяющему по-иному и более осмысленно расставить сложившееся в исторической науке акценты.

Исследовательский проект «Человек второго плана» далеко не исчерпывается рассмотренными нами разделами. На наш взгляд, также заслуживают упоминания: а) раздел *«Политика: между рампой и кулисами»*, где представлены биографии персонажей, которые не находились на политической авансцене, но и не ушли в закулисы; б) раздел *«Коллективный герой второго плана»*, включающий исследования просопографического характера; в) раздел *«Историописатели второго плана»* о судьбах обычных историков, не получивших исключительного признания в научном сообществе и т.д. Нами не рассмотрена и десятая часть работ, опубликованных за все время существования проекта. Тем не менее, на наш взгляд, представляется возможным подвести некоторые итоги. Проект «Человек второго плана» в целом успешно выполняет поставленные перед ним задачи. Во-первых, благодаря его осуществлению, перед читателем открывается новый срез для рассмотрения исторического процесса, представленного индивидуальными судьбами людей и воплощенного в конкретной жизненной практике. Во-вторых, авторам проекта действительно удалось обозначить границы предметного поля «новой биографической истории», в пределах которой самостоятельной познавательной ценностью обладает жизнеописание индивида любого калибра. Единственным условием для проведения исследований подобного рода является наличие

достаточного объема исторических источников. Однако, на наш взгляд, в выбранной стратегии реализации проекта присутствует и ряд существенных недостатков. Во-первых, практическая реализация проекта осуществляется в малых формах историописания (научных статьях), которые не позволяют включить в биографическое повествование широкий исторический контекст. В результате страдает методологическая сторона этих исследований, а сами работы менее всего походят на труды, выполненные в духе «новой биографической истории». Во-вторых, в проекте не нашлось места для крупных междисциплинарных исследований, что свидетельствует о его теоретической ограниченности. Вследствие этого, говорить о существовании сложившегося направления «новой биографической истории» в русскоязычной историографии, на наш взгляд, пока еще не приходится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В начале XX в. произошла смена историко-методологической парадигмы и были заложены философские основания антропологически ориентированной истории. Данные процессы были обусловлены кризисом позитивистской эпистемологии конца XIX в., связанным с исключением из исследовательского поля социальных наук личности как субъекта исторического развития. Неокантианская гносеология в поисках выхода из кризиса предложила деление наук по способу изучения реальности: идиографическому и номотетическому. Данное деление укрепило раскол наук о природе и наук о культуре по целям, подходам и методам, а также обособило друг от друга социальные и гуманитарные дисциплины. В то же время на базе неокантианского учения сложилась эпистемология гуманитарного знания, подчеркивающая единство целей и методов наук о природе и наук о культуре, а также равноценность номотетического и идиографического подходов в историческом исследовании и, посредством их синтеза, позволяющая рассматривать изучаемый объект во всей доступной полноте и целостности. Центральным объектом изучения антропологически ориентированной истории стал человек, представленный в качестве творца истории, чьи действия обуславливают исторический процесс.

2. История ментальностей является первым научным направлением, сформировавшимся в рамках антропологически ориентированной истории, в котором на практике были реализованы ее основные принципы. Этому направлению характерна изначальная методологическая направленность на междисциплинарность, что, вкупе с идеей «тотальности» историописания, порождает стремление к всеохватности исторического познания. Обновленный и работоспособный научный подход, к тому же институционализированный французской школой «Анналов», позволил заявить о создании т.н. «новой исторической науки». Выход русскоязычной исторической науки из изоляции в последней четверти XX в. стимулировал рецепцию западных подходов, концепций и понятийного аппарата. Ориентация на опыт французской медиевистики, характерная для данного времени, во многом обусловлена личностью и научной деятельностью А.Я. Гуревича, который сумел собрать вокруг своего семинара по исторической психологии и альманаха «Одиссей» многих историков, культурологов, философов, филологов и литературоведов, придерживающихся антропоцентричных взглядов в социально-гуманитарном знании. Развернувшаяся на страницах альманаха дискуссия об «индивидуальности» и «личности» в истории отразила существовавший в позднесоветской историографии плюрализм мнений. С одной стороны, это актуализировало теоретические разработки в данном направлении, а с другой –

способствовало популяризации новых подходов, по-иному рассматривающих человека в истории.

3. В процессе своего развития, антропологически ориентированная история, в лице микроистории и сторонников «прагматического подхода», пришла к осознанию познавательной эффективности нового типа исследования – ставящего во главу угла индивида и биографичного по своей сути. На Западе были произведены первые микроисторические исследования, ориентированные на культурологическую составляющую истории, посвященные жизнеописаниям отдельных людей. Это отразилось на общей тенденции развития предмета исторической науки в сторону его индивидуализации, характерной для 80-х – 90-х гг. XX в. В 1995 г. увидела свет работа «Людовик IX Святой» Ж. Ле Гоффа, в которой был успешно реализован новый подход, полноценно объединяющий совокупность принципов антропологически ориентированной истории в биографическом исследовании (человек, выступающий в качестве творческого начала истории; междисциплинарность; многоплановость изложения; упор на синтез индивидуального и коллективного в их взаимодействии). Во второй половине 90-х гг. XX в. данные идеи стали проникать в русскоязычную историографию. Свое развитие они получили на страницах альманаха «Казус».

4. Рассматривая указанные процессы, Л.П. Репина в 1999 г. пришла к выводу о существовании перспективы складывания нового направления, которое она, проводя параллель с «новой исторической наукой», назвала «новой биографической историей». На протяжении 2000-х гг. Л.П. Репина написала ряд теоретических статей, опирающихся на разработки западной историографии, в которых были намечены пути дальнейшего развития нового типа биографии. Тем не менее ей не удалось объединить рассматриваемые идеи в общую, стройную и непротиворечивую теоретическую модель, которая бы завершила концептуальное оформление «новой биографической истории». Однако, значительное количество опубликованных работ данного автора обратило внимание исследователей на биографию как средство исторического познания. Так, в русскоязычной историографии стало популярно такое направление как «интеллектуальная биография», а при Ростовском отделении РОИИ был основан исследовательский проект «Человек второго плана».

5. Одновременно с этим, в русскоязычной историографии, на базе разработок советской, российской и украинской исторической науки, началось становление биографики – специальной исторической дисциплины, рассматривающей теоретические и практические проблемы, возникающие при написании биографий. Данная дисциплина действует изнутри междисциплинарного поля, стремится к преодолению дисциплинарных барьеров и синтезу различных подходов в общую биографическую теорию. Проблематика биографики созвучна целям и подходам концепции «новой биографической

истории». Биографика способна не только теоретически обогатить рассматриваемую концепцию, но и решить существующие эпистемологические проблемы, препятствующие воплощению ее основных положений в практических исследованиях.

6. Первые успешные попытки практической реализации положений концепции «новой биографической истории» в русскоязычной историографии относятся к началу 2010-х гг. Их осуществление произошло в рамках «интеллектуальной биографии» – нового направления биографической истории. Связано это с обострением проблемы необходимости использования широкого биографического контекста в исследованиях, основной целью которых является раскрытие духовного и интеллектуального мира их героев. На протяжении 2000-х гг. интеллектуальная биография развивалась по пути от идеализма, свойственного концепту «экзистенциального биографизма», к конструктивному реализму «новой биографической истории».

7. Артикуляция границ предметной области «новой биографической истории» произошла в процессе реализации проекта «Человек второго плана в истории» (с 2003 г.), согласно которому познавательной ценностью обладает жизнеописание индивида любого калибра. Единственным условием для производства исследований подобного рода является наличие достаточного объема исторических источников. Однако, избранная стратегия реализации проекта содержит в себе недостатки: а) проект осуществляется в малых формах историописания (научных статьях), которые не позволяют включить в биографическое повествование широкий исторический контекст; б) методологическая сторона этих исследований не соответствует основным требованиям концепции «новой биографической истории»; в) в проекте не нашлось места для крупных междисциплинарных исследований, что свидетельствует о его теоретической ограниченности. Вследствие этого, говорить о существовании уже сложившегося направления «новой биографической истории» в русскоязычной историографии пока еще не приходится. Таким образом, в практических исследованиях русскоязычной историографии рассматриваемая концепция не получила широкого распространения в силу ряда причин: а) относительно низкого уровня развития антропологически ориентированной истории; б) слабости междисциплинарных связей; в) «догоняющего» характера методологической рефлексии. Тем не менее, концепция «новой биографической истории» обладает высоким научным потенциалом и, совместно с основными направлениями антропологически ориентированной истории, способна вывести историческое исследование на качественно иной уровень.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса / Е.П. Александров // Ученые записки РГСУ. – 2008. – № 4. – С. 223 – 227.
2. Алексеев, В.В. Теория и методология истории: учебник для вузов / В.В. Алексеев (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
3. Базанов, М.А. Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / М.А. Базанов. – Челябинск, 2014. – 284 л.
4. Базанов, М.А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии / М.А. Базанов // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 55. – С. 221 – 234.
5. Беленький, И.Л. Биографика / И.Л. Беленький // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия: в 5 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 233 – 234.
6. Бессмертный, Ю.Л. Что за «Казус»? / Ю.Л. Бессмертный // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1997. – Том. 1. – С. 7 – 24.
7. Бицилли, П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / П.М. Бицилли; М.А. Юсим (гл. ред.) [и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 808 с.
8. Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры / П.М. Бицилли. – СПб: Мифрил, 1995. – 244 с.
9. Бойцов, М.А. Дело «Казуса» / М.А. Бойцов, О.И. Тогоева // Средние века. – 2007. – Вып. 68 (4). – С. 149 – 159.
10. В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет; редкол.: Л.П. Репина (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Алетейа, 2010. – 400 с.
11. Валиевский, А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А.Л. Валиевский // Лица: Биограф. альманах. – М., СПб. – 1995. – №6. – С. 32 – 68.
12. Васильев, Ю.А. Был ли А.С. Лаппо-Данилевский неокантианцем в истории? / Ю.А. Васильев // Власть. – 2017. – Т. 25, Ном. 3. – С. 186 – 191.
13. Волкогонова, О.Д. Бердяев / О.Д. Волкогонова. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 390 с.
14. Волкогонова, О.Д. Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография / О.Д. Волкогонова. – М.: Издательство Московского университета, 2001. – 111 с.

15. Володихин, Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории / Д.М. Володихин // Персональная история / Под ред. Д.М. Володихина. – Москва: Мануфактура, 1999. – С. 3 – 10.
16. Голубович, И.В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании / И.В. Голубович // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 33, № 3. – С. 84 – 97.
17. Гуревич, А.Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...»: (последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) / А.Я. Гуревич; Б.Е. Степанов (вел беседу) // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 81. – С. 175 – 193
18. Гуревич, А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А.Я. Гуревич // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – Вып. 1. – М., – 1989. – С. 75 – 89.
19. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.: «Индрик», 1993. – 328 с.
20. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история / Институт всеобщей истории РАН; редкол.: Л.П. Репина (гл. ред.) [и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 400 с.
21. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. 1991. – 1991. – С. 48 – 59.
22. Емельянов, Б.В. Борис Чичерин / Б.В. Емельянов. – СПб.: Наука, 2016. – 247 с.
23. Емельянов, Б.В. Борис Чичерин: интеллектуальная биография и политическая философия / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – 108 с.
24. Жуйков, Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии / Д.А. Жуйков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 25 (279). История. Вып. 52. – С. 133–136.
25. Иванова, Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет; редкол. О.В. Воробьева (отв. ред) [и др.]. – М., 2012. – С. 167 – 176.
26. Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам [Центр социальных научно-

- информационных исследований, Отдел истории]; редкол.: Ю.В. Дунаева (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2011. – 172 с.
27. История философии: Запад – Россия – Восток: в 4-х кн. / Н.В. Мотрошилова (гл. ред.) [и др.] – М.: «Греко-Латинский кабинет» Ю.А. Шчалина, 1995–2000. – Книга 3: Философия XIX – XX в. / Н.В. Мотрошилова (гл. ред.) [и др.]. – 1999. – 448 с.
28. История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. – 2-е изд. – Москва: Квадрига, 2010. – 720 с.
29. Казаков, Р.Б. Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (РГГУ, 6 апреля 2013 г.) / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 124. – С. 432 – 439.
30. Карсавин, Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии / Л.П. Карсавин. – Петроград: Научное дело, 1915. – 360 с.
31. Кром, М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке / М.М. Кром // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 81. – С. 221 – 228.
32. Кром, М.М. Историческая антропология: Учебное пособие / М.М. Кром. – 3-е изд. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
33. Кром, М.М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра / М.М. Кром // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4 – 5 июня 2002 г.) / Изд-во С.-Петерб. ун-т; редкол.: Г.В. Калашников [и др.]. – СПб., 2002. – С. 182 – 189.
34. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2-х т. / А.С. Лаппо-Данилевский. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2010. – Т. 1. – 2010. – 408 с.
35. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2-х т. / А.С. Лаппо-Данилевский. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2010. – Т. 2. – 2010. – 632 с.
36. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д. Э. Харитоновича. – Москва: Ладомир, 2001. – 800 с.
37. Лекторский, В.А. Конструктивизм vs. реализм / В.А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Вып. 43. – С. 19 – 26.
38. Лубский, А.В. Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-

- биографического исследования) / А.В. Лубский // Ейдос. – 2014–2015. – Вип. 8. – С. 67 – 84.
39. Мочкин, А.Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография) / А.Н. Мочкин. – М.: ИФ РАН, 2006. – 246 с.
40. Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; редкол.: А.Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1989. – 198 с.
41. Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; редкол.: А.Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
42. Панеях, В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / В.М. Панеях. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 449 с.
43. Петровская, И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И.Ф. Петровская; Изд. второе, исправл. и доп. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис». – 2010. – 384 с.
44. Попова, Т.Н. Историография в человеческом измерении / Т.Н. Попова // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265 – 292.
45. Попова, Т.Н. Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия / Т.Н. Попова // Человек в истории и культуре: мемор. сб. материалов и исслед. в память лауреата Гос. премии Украины, академ. РАЕН, проф. Владимира Никифоровича Станко. – Одесса. – 2012. – С. 540 – 563.
46. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л.П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Том. 2. – С. 76 – 100.
47. Репина, Л.П. Биографические исследования в современной российской историографии / Л.П. Репина // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. – Казань: Изд-во «Яз». – 2013. – С. 229 – 232.
48. Репина, Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история / Л.П. Репина // Ейдос. – 2009. – № 4. – С. 437 – 463.
49. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальная теория и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
50. Репина, Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова; под ред. Н.Е. Ореховой. – Москва: Дрофа, 2004. – 288 с.
51. Репина, Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л.П. Репина // Сотворение

- Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ. – 2001. – С. 344 – 360.
52. Репина, Л.П. Что такое интеллектуальная история? / Л.П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 1999. – Вып. 1. – С. 5 – 12.
53. Румянцева, М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы / М.Ф. Румянцева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 1. – С. 130 – 141.
54. Савельева, И.М. Стала ли история социальной наукой? Энергичные объятия сциентизма / И.М. Савельева // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 9 – 33.
55. Савельева, И.М. Теория исторического знания: учебное пособие / И.М. Савельева, А.В. Полетаев; под ред. И.В. Буряка. – СПб: Изд-во «Алетейя, Историческая книга», 2007. – 523 с.
56. Слава и забвение: парадоксы биографики: сборник научных статей / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет редкол.: Л.П. Репина (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2014. – 544 с.
57. Соколов, А.С. Биография в истории: проблемы и перспективы / А.С. Соколов // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – 2005. – С. – 4 – 11.
58. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Институт всеобщей истории РАН; редкол.: А.О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Аквилон, 2014. – 576 с.
59. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр; под. ред. А.Я. Гуревича. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
60. Хатунцев, С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. / С.В. Хатунцев. – СПб.: Алетейя, 2007. – 208 с.
61. Хут, Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л.Р. Хут. – М.: Прометей, 2010. – 704 с.
62. Человек второго плана в истории. Выпуск 1.: Сборник научных статей / Исторический факультет Ростовского государственного университета, Ростовское региональное отделение Общества интеллектуальной истории; редкол.: Н.А. Мининков (отв. ред.) [и др.]. – Ростов-н/Д.: DSM, 2004. – 192 с.
63. Человек второго плана в истории. Выпуск 2.: Сборник научных статей / Исторический факультет Ростовского государственного университета, Ростовское региональное отделение Общества интеллектуальной истории; редкол.: Н.А. Мининков (отв. ред.) [и др.]. – Ростов-н/Д.: DSM, 2005. – 328 с.
64. Человек второго плана в истории. Выпуск 3.: Сборник научных статей / Исторический факультет Ростовского государственного университета,

- Ростовское региональное отделение Общества интеллектуальной истории; редкол.: Н.А. Мининков (отв. ред.) [и др.]. – Ростов-н/Д.: DSM, 2006. – 292 с.
65. Человек второго плана в истории. Выпуск 4.: Сборник научных статей / Исторический факультет Южного федерального университета, Ростовское региональное отделение Общества интеллектуальной истории; редкол.: Н.А. Мининков (отв. ред.) [и др.]. – Ростов-н/Д.: DSM Group, 2007. – 376 с.
66. Шенкао, М.А. Ментальности в зеркале «Анналов» / М.А. Шенкао // Научные ведомости БелГУ. – 2010. – № 20 (91), Вып. 14. – С. 45 – 54.
67. Эткинд, А.М. Биографический институт: Неосуществленный замысел Н.А. Рыбникова / А.М. Эткинд // Лица: Биогр. альманах. – М., СПб. – 1996. – №7. – С. 419 – 426.
68. Якушев, И.Б. Патография: экзотика или методология? [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 4. Режим доступа: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru). – Дата доступа: 09.05.2019.
69. Gourevitch, A. Représentations et attitudes à l'égard de la propriété pendant le Haut Moyen Age / A, Gourevitch // Annales ESC. – 1972. – Vol. 2. – pp. 523 – 548.
70. Levi, Giovanni. Les usages de la biographie / Giovanni Levi // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 44e année. – 1989. – № 6. – pp. 1325 – 1336.